

Министерство культуры
Хабаровского края

Хабаровский научный
центр ДВО РАН

Дальневосточная
государственная
научная библиотека

*70-летию Хабаровского
края посвящается*

научно-практический журнал

2 (4)/ 2008

Состав Редакционного совета

Минакир Павел Александрович

председатель
(Хабаровский научный центр ДВО РАН)

Федосов Александр Вячеславович

сопредседатель
(министерство культуры Хабаровского края)

Березницкий Сергей Васильевич

(Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН)

Букреев Александр Иванович

(Российская национальная библиотека,
г. Санкт-Петербург)

Гринькруг Лев Соломонович

(Дальневосточная государственная
социально-гуманитарная академия)

Иванченко Сергей Николаевич

(Тихоокеанский государственный
университет)

Качанова Елена Юрьевна

(Хабаровский государственный институт
искусств и культуры)

Климов Сергей Михайлович

(Межрегиональная общественная
организация «Общество «Знание»,
Санкт-Петербургский институт
внешнеэкономических связей,
экономики и права)

Костенко Михаил Иванович

(Дальневосточный государственный
гуманитарный университет)

Кудашов Виктор Николаевич

(Хабаровский институт инфокоммуникаций,
филиал Сибирского государственного
университета телекоммуникаций и
информатики)

Кузьмин Алексей Сергеевич

(Национальный Университет —
Высшая Школа Управления, г. Москва)

Лихобабин Владимир Алексеевич

(Хабаровская государственная академия
экономики и права)

Мальшев Владимир Сергеевич

(Всероссийский государственный институт
кинематографии им. С. Герасимова)

Островский Александр Борисович

(Российский этнографический музей,
г. Санкт-Петербург)

Разлогов Кирилл Эмильевич

(Российский институт культурологии,
г. Москва)

Солонин Юрий Никифорович

(Санкт-Петербургский государственный
университет)

Флиер Андрей Яковлевич

(Высшая школа культурологии Московского
государственного университета культуры и
искусств, г. Москва)

Чибанюк Татьяна Алексеевна

(Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет)

Шейкин Юрий Ильич

(Государственный арктический институт
искусств и культуры Республики Саха
(Якутия), г. Якутск)

Шумейко Александр Александрович

(Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет,
г. Комсомольск-на-Амуре)

Актуальная проблема

Культура Хабаровского края: настоящее и будущее

*Интервью академика Российской Академии наук, доктора экономических наук,
Губернатора Хабаровского края Виктора Ивановича Ишаева*

4

О.И. Леховицер

Современная социальная политика: опыт моделирования

*Международный опыт осуществления различных моделей социальной политики и
возможности их применения для разработки и реализации новой социальной поли-
тики в условиях экономического и социокультурного развития края*

10

Точка зрения

С.А. Левков

Региональная социальная политика: попытка концептуализации

О выработке оснований и новых механизмов реализации социальной политики

26

Социокультурная реальность

К.И. Воробьева, Е.Л. Лукьянова

Особенности этнического бессознательного

*Анализ исследований взаимосвязи феномена бессознательного с национальными
особенностями, доказательство того, что для представителей различных этносов
характерен определённый набор защитных механизмов*

40

И.В. Филаткина

**Национальная программа поддержки и развития чтения и её реализация в
Хабаровском крае**

*О целях, задачах, основных направлениях программы, опыте работы общедоступ-
ных библиотек Хабаровского края по поддержке и развитию чтения*

54

Научное сообщение

Ю.В. Потехина

**Отражение культурной жизни Хабаровского края в сети Интернет:
необходимость создания репрезентативного регионального ресурса
сферы культуры**

68

Историописание

Т.Я. Иконникова

Приамурцы на фронтах Первой мировой войны (1914—1917 гг.)

*О восстановлении исторической справедливости по отношению к забытым воинам-
героям Приамурского края, сражавшимся на фронтах Первой мировой войны*

76

Ю.Н. Ципкин

Хабаровск в годы Гражданской войны

*Жизнь города Хабаровска на основе архивных документов, исследований учёных-
историков и краеведов, воспоминаний участников событий*

86

В.В. Романов

**Из истории медицинского образования в регионе:
первый хабаровский вуз (1930—1950 гг.)**

Из истории Дальневосточного государственного медицинского университета

106

Н.М. Оглоблина

«Студенчества час однажды дается...»: очерк истории Амурского гуманитарно-педагогического университета как центра образования, науки и культуры

Из истории создания и развития университета (1953—2008 гг.)

..... 122

Артефакт

И.В. Зизина

История развития образования Хабаровского края продолжается...

О музее «История развития образования Хабаровского края» Хабаровского краевого института переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров, роли института в системе общего образования

..... 146

Диалог культур и этносов

О.В. Богодайко

Образ сагды самани в ороческой мифологии

О попытке реконструировать мифологический образ большого, сильного шамана — сагды самани одного из коренных малочисленных этносов Приамурья — орочей

..... 158

П.Я. Гонтмахер, Н.А. Соломонова, А.Г. Филимонов

Дальневосточные этносы: от знака — к символу

Анализ знаковых систем в архаических культурах Приамурья

..... 168

Художественная сфера

А.А. Акулов

Из истории развития и деятельности военных театров в Хабаровском крае и Дальневосточном регионе в условиях военного времени (1941—1945 гг.)

О формировании военных театров на Дальнем Востоке и их деятельности, роли в культурно-просветительской, агитационно-пропагандистской и информационной работе

..... 182

Библиография

Р.В. Наумова

Издательский проект к 70-летию образования Хабаровского края

О репринтном издании книги И. Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский»

..... 190

Дальневосточному военному округу — 90 лет

А.В. Пасмурцев

Книгу к юбилею создавали энтузиасты

О книге «Краснознаменный Дальневосточный военный округ: 90 лет в боевом строю»

..... 193

Ф.П. Иванова

Сокровищница народного слова Приамурья

О втором издании книги «Словарь русских говоров Приамурья»

..... 196

Требования к оформлению материалов, поступающих в редакцию

..... 199

Состав Редакционной коллегии

Главный редактор:

Скорин Сергей Нестерович

Заместители главного редактора:

Филаткина Ирина Викторовна

Бляхер Леонид Ефимович

Руководители направлений:

Байков Николай Михайлович

Ярулин Илдус Файзрахманович

(Актуальная проблема, Точка зрения)

Кузнецова Алла Геннадьевна

Городилова Людмила Михайловна

(Социокультурная реальность, Кафедра, Персоналии)

Дубинина Нина Ивановна

Романова Виктория Валентиновна

(Историописание, Наследие)

Шевкомуд Игорь Яковлевич

Рубан Николай Иванович

(Артефакт)

Гонтмахер Петр Яковлевич

(Диалог культур и этносов)

Бузуев Олег Александрович

(Художественная сфера)

Наумова Раиса Вячеславовна

(Библиография)

Предпечатная подготовка

Редакционно-издательский отдел ДВГНБ

Дизайн:

А.М. Тен, Н.А. Табаева

Верстка макета:

Е.Н. Холодилов

Корректор:

М.В. Костышина

Журнал зарегистрирован

В Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Дальневосточному федеральному округу.

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС 150636 от 29.11.2007

Учредители:

Министерство культуры Хабаровского края, Хабаровский научный центр ДВО РАН, Дальневосточная государственная научная библиотека

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск,

ул. Муравьева-Амурского, д. 1/72

Тел/факс: (42-12) 32-52-90

Email: ivfilat@mail.ru; rnaumova@mail.ru

Интервью академика Российской Академии наук, доктора экономических наук, Губернатора Хабаровского края Виктора Ивановича Ишаева

Культура Хабаровского края: настоящее и будущее

1. Редакция нашего журнала и все его читатели поздравляют Вас с избранием академиком РАН. Это оценка Вашего значительного вклада не только как учёного, но и культурного устроителя российских рубежей на Дальнем Востоке. В соответствии с социально-экономической стратегией развития Хабаровского края строятся, реконструируются и ремонтируются здания музеев, библиотек, театров, филармонии, цирка, домов культуры и других учреждений культуры. Накануне 70-летнего юбилея края расскажите, в чём суть проводимой вами культурной политики.

Известная всем аксиома: экономика без человека, его социально-культурных потребностей не дееспособна. Поэтому цель краевой социально-экономической политики не только сохранить, но и приумножить культурный потенциал, способствующий духовному обогащению человека. В последнее время заметно изменился архитектурный облик нашего краевого центра Хабаровска, недавно отметившего свой 150-летний юбилей. Истинным украшением города стал третий по величине в России Преображенский кафедральный собор. Всего же в крае построено два десятка храмовых строений и даже единственная на Дальнем Востоке семинария.

В 2001 году сдан в эксплуатацию цирковой комплекс, состоящий из арены

на 1,4 тысяч зрительских мест, гостиницы для артистов, специальных помещений для зверей и других технических назначений. В 2002 году отреставрировали памятник культуры, ныне используемый в качестве концертного зала краевой филармонии. Приобрели и установили в нём орган, тоже единственный на Дальнем Востоке. Сегодня хабаровчане имеют возможность слушать органную музыку в исполнении ведущих музыкантов России и зарубежья. Здесь же, в концертном зале, проводит свои выступления Дальневосточный симфонический оркестр. Отремонтированы здания всех четырёх краевых и двух муниципальных театров. Все они имеют своего преданного зрителя, и большинство их спектаклей проходит с аншлагом.

Не могу не сказать о старейшем в России краевом театре музыкальной комедии, в начале 2008 года переименованном в музыкальный театр. Это непросто смена имени, это фактически создание нового театра, способного на своей сцене наряду с опереттой ставить балетные и оперные постановки. Таковы возросшие духовные потребности жителей нашего края. Сегодня коллектив театра находится в хорошей творческой форме, в постоянном поиске. Жители края с большой радостью и гордостью восприняли решение жюри национальной премии «Золотая маска» о признании спектакля «Самолёт Вани Чонкина» лучшим спектаклем в оперетте / мюзикле, а актёрской игры заслуженного артиста России Владлена Павленко — лучшей мужской ролью.

Победа коллектива театра в самом престижном отечественном профессиональном конкурсе, проведение в мае — июне театрального фестиваля «Лучшие российские спектакли в Хабаровске» и показ в его рамках выдающихся драматических произведений Академического театра балета под руководством Б. Эйф-

мана, музыкального театра «Геликонопера», театра-студии «Московский ангажемент», Большого драматического театра из Санкт-Петербурга, уникального театра Е. Гришковца, удостоенных премии «Золотая маска», а также в сентябре текущего года — Дальневосточного театрального форума с его мастер-классами под руководством ведущих специалистов в области театральной деятельности стали знаковыми общественными событиями, способствующими дальнейшему развитию театрального искусства не только в крае, но и в дальневосточном регионе.

Открытие после реконструкции бывшего здания Дома культуры судостроителей краевого Дворца культуры и спорта «Русь» стало подарком 150-летию юбилею города Хабаровска, а ввод в эксплуатацию так называемой «пристройки» к краевому краеведческому музею, по своей площади равной площади уже существующего здания этого музея, — 70-летию юбилею края. В ближайшей перспективе мы планируем расширить выставочные площади Дальневосточного художественного музея за счёт предоставления ему нового здания. Это позволит музею, обладающему сегодня ценнейшей коллекцией произведений изобразительного искусства, организовать постоянно действующие и обновляющиеся экспозиции шедевров из ведущих музеев России.

Вообще, мы не скрываем масштабов и амбиций в отношении своих планов на будущее. Здесь — открытие школы для одарённых детей, повышение статуса Дальневосточного симфонического оркестра до академического, создание в 2009 году на базе филармонии оркестра народных инструментов, а в 2010 году — хорового коллектива. Дальнейшее развитие получают библиотечное обслуживание, народное художественное творчество, будут организованы и под-

держаны значительные фестивальные проекты в области кино, а также театрального, музыкального, изобразительного и танцевального искусства.

Всё перечисленное и должно создать особую социокультурную среду, способствующую улучшению качества жизни. Притом это качество должно быть не ниже, а может быть, и выше, чем в европейской части и в сопредельных регионах и странах. В совокупности с хорошим заработком и хорошей квартирой эта обновленная социокультурная среда станет необходимой гарантией закрепления человека на рубежах Дальней России. А если учесть, что мы живём в условиях приграничья, то закрепление за Хабаровским краем регионального лидерства в развитии искусства и культуры, а за его краевым центром — статуса культурной столицы Дальнего Востока становится ещё и стратегией национальной безопасности.

2. Какие, на Ваш взгляд, существуют в крае проблемы регулирования культурной политики, в чём общее с другими регионами и в чём особенное?

Проблем предостаточно. Назовём несколько из них. Как я говорил, мы планируем достаточно серьёзные инвестиции в культуру края. Но встаёт вопрос, кто будет работать в обновляемых учреждениях культуры? По краю средняя заработная плата работников отрасли сегодня составляет 7,7 тысяч рублей. А библиотечных, музейных и особенно сельских клубных работников и того меньше. Для сравнения: средняя заработная плата по краю — 18,8 тысяч рублей, а прожиточный минимум — 5818 рублей. Понятно, почему мало кто из молодежи выбирает эти профессии. Непрестижно! Замечу, к слову, что такое отношение к профессии работника культуры характерно и для других регионов страны.

В то же время мы в крае постоянно поддерживаем работников культуры и искусства: ежегодно выплачивается материальная помощь, в зависимости от стажа работы установлены ежемесячные надбавки к должностным окладам в размере до 30 %, работникам культуры, проживающим в сельской местности, компенсируются расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, а также выплачивается 25 % надбавка к должностному окладу. На эти цели только в 2007 году было израсходовано из бюджета около 88 миллионов рублей. С 1994 года установлены премии Губернатора края в области литературы и искусства, театральной деятельности, стипендии ветеранам культуры и талантливой молодёжи, работникам краевых театров, музеев и других учреждений, выдающимся деятелям искусства края. Мы находим также возможность давать работникам культуры квартиры.

Для поддержки муниципальных учреждений культуры ежегодно проводим краевые конкурсы на лучшие музей, библиотеку, клубное учреждение, кинотеатр, отмечаем лучшие проекты по развитию культуры села, лучших библиотекарей, киномехаников, клубных работников. На организацию этих конкурсов из краевого бюджета выделяется более одного миллиона рублей. Мы одними из первых в стране стали торжественно отмечать краевой День работников культуры. Теперь он стал всероссийским.

Между тем, этих мер крайне недостаточно. И планируемый в стране переход на отраслевую систему оплаты труда в полной мере не решит проблемы материального благополучия работников культуры.

Общей для всех отдалённых от центра регионов России является проблема целевой подготовки специалистов в вузах страны и закрепление их на рабочих местах. Как правило, не все целевики

возвращаются домой, особенно в северные и сельские районы края. Их не останавливает ни наличие жилья, ни оплата труда по контракту. Находя всевозможные лазейки в нашем законодательстве, они остаются в городах. Мне до сих пор не понятно, для чего существуют бюджетные места в вузах, оплачиваемые государством, а вернее, налогоплательщиками. Неужели мы так богаты, что можем позволить себе такое неэффективное использование средств! Разумно бы было человеку, обучающемуся на бюджете, поработать на общее государственное дело. А не захотел — заплати за своё обучение и работай там, где тебе хочется. В этом и заключается социальная справедливость, о которой так много говорится.

В связи с подготовкой кадров хотелось бы затронуть и проблему одарённых детей. У нас реализуется краевая программа их поддержки. Направляем художественные коллективы и исполнителей на престижные международные и всероссийские конкурсы. В начале 2008 года негосударственный театр «КНАМ» города Комсомольска-на-Амуре стал победителем международного театрального фестиваля в Сингапуре, студентка второго курса краевого колледжа искусств Дарья Рудник заняла первое место на VIII Международном музыкальном конкурсе в Италии по классу скрипки, делегация края в составе 68 человек приняла участие в Дельфийских играх России в городе Новосибирске и так далее. В перспективе — строительство краевой школы для одарённых детей — целого комплекса, включающего помещения для общеобразовательных и специальных учебных дисциплин. Но в отдельно взятом регионе успешно решить задачи развития детской одарённости невозможно. Если мы думаем о будущем страны, о её лидерстве в культуре, науке, технологиях и бизнесе, то уже сегодня должны об-

ратить внимание на тех, кому природой дарован талант. Ими будет гордиться Россия. Они — национальное её богатство. Поэтому нужна межведомственная федеральная программа развития и поддержки одарённых детей и талантливой молодежи.

Одним из важных направлений культурной политики является организация кинопроката. Особенностью его в крае является то, что мы, в отличие от ряда других регионов, сохранили государственное регулирование этой деятельности там, где частный капитал не изъявил желания работать. За счёт средств муниципального и частично краевого бюджетов проведены капитальный ремонт и переоснащение новой звуковой системой 17 кинотеатров и кинозалов в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре и в районных центрах края. На восстановление кинопоказа в отдалённых северных и сельских районах края муниципальным образованиям передано 58 комплектов видеоаппаратуры на сумму более 12 миллионов рублей. Эти меры позволили улучшить качество кинообслуживания жителей края. Мы и впредь намерены продолжать регулирование кинопрокатной деятельности, осуществлять модернизацию киносети: технологическое её обновление, перевод сельских киноустановок на видеоносители.

Говоря о проблемах государственного регулирования отрасли культуры, нельзя не коснуться и вопроса разработки её нормативной базы. До сих пор здесь больше разговоров, чем конкретных результатов. Это усложняет ситуацию в регионах, особенно в муниципальных образованиях. Хотелось бы, чтобы авторы нормативного регулирования культурной деятельности учли очень важное обстоятельство: у всех регионов условия разные. Приведу пример. В этом году сделано важное дело: выделены федеральные субсидии на комплектование книжного

фонда библиотек. Но только после нашего вмешательства был изменён порядок предоставления субсидии — не по количеству жителей, как изначально предполагалось, а по количеству библиотек в муниципальных районах.

Несомненно, культура как никакая другая отрасль нуждается в государственном регулировании. Сегодня в среде творческой интеллигенции, деятелей искусства, работников культуры всё чаще раздаются голоса о невнимании к её проблемам. При наличии положительно зарекомендовавших себя национальных проектов по здравоохранению и образованию культура, к моему глубокому сожалению, не причисляется к политическим приоритетам на федеральном уровне. Закон об основе законодательства Российской Федерации о культуре, принятый в 1992 году, уже не соответствует в полной мере реальным потребностям российского общества и нуждается в концептуальном обновлении. Я согласен с теми, кто считает, что культура для России не может быть просто проектом, она — её национальная идея. И поэтому так необходима единая федеральная программа по её реализации, определяющая стратегию и механизмы государственной политики в области культуры.

3. Сегодня разграничение полномочий между органами исполнительной власти — уже реальность. Как, на Ваш взгляд, оно осуществляется и идёт ли на пользу объектам культуры края?

131-й федеральный закон стал серьёзным экзаменом для муниципальной, особенно сельской культуры, которая, не имея фактически никакой правовой защиты, в условиях значительного дефицита местного бюджета, оказалась наименее защищённой. Главной задачей для нас было сохранить учреждения культуры и тот кадровый потенциал, ко-

торый складывался годами.

Конечно, в ходе реализации возникло много спорных вопросов. Основной из них заключался в том, что передача полномочий должна подкрепляться финансовыми и материальными ресурсами. А этого как раз и не произошло. Но как бы то ни было основные мероприятия по разграничению полномочий проведены.

Теперь глава каждого муниципального образования от округа и района до поселения участвует в реализации политики в сфере культуры, определяя и создавая условия для развития её учреждений. Вместе с ответственностью пришла и заинтересованность в результатах культурной деятельности. В целом по краю стало больше выделяться денежных средств из местных бюджетов на текущий и капитальный ремонт, реставрацию и материально-техническое оснащение учреждений культуры.

4. Каково Ваше мнение о жизнеспособности учреждений культуры? Должны ли они сами на себя зарабатывать или их содержание — всё же прерогатива государства, а также конкретных региональных властей?

Исторически в России меценатство и государственная поддержка были главными источниками жизнедеятельности учреждений культуры и искусства. В рыночных условиях учреждения культуры обязаны научиться зарабатывать. С каждым годом возрастает доходность краевых учреждений культуры. Так, если в 2001 году они зарабатывали 18 миллионов рублей, то в 2007 году уже 90 миллионов, или в 5 раз больше. И это не предел их возможностей. В 2009 — 2010 годах мы планируем ряд краевых и муниципальных учреждений реорганизовать в автономные учреждения, что повысит эффективность их работы.

С другой стороны, мы реалисты и

понимаем, что не все виды культурной деятельности можно коммерциализировать. Прерогативой государства, а также краевых и муниципальных властей остаётся реализация принципа доступности услуг учреждений культуры и искусства для жителей края. Он проявляется в бесплатном библиотечном обслуживании, а также в ценовой политике, учитывающей покупательскую способность различных слоёв населения и многое другое. Поэтому следует в вопросах экономической эффективности учреждений культуры найти оптимальное соотношение государственной поддержки и коммерческой инициативы самих учреждений.

5. Что бы Вы пожелали работникам культуры в день празднования 70-летия образования Хабаровского края?

В настоящее время краевая сеть культуры насчитывает 6 театров, цирк, концертную организацию, краевой колледж искусств, 315 клубных учреждений, 324 библиотеки, 18 музеев, 11 кинотеатров, 115 киноvideоустановок, 46 детских школ искусств и музыкальных школ т.д.

Сохраняется ведомственная сеть, развиваются негосударственные учреждения культуры и творческие организации. В отрасли трудится более 6,5 тысяч человек.

Сегодня каждый второй житель края активно пользуется услугами учреждений культуры разного типа собственности, что ещё раз подтверждает огромную роль этих учреждений в развитии культурного и эстетического потенциала нашего общества.

Сердечно поздравляю всех работников культуры, деятелей искусства — истинных энтузиастов художественного творчества, подвижников и хранителей культурного наследия с 70-летним юбилеем родного края. В этот праздничный день примите слова искренней благодарности за вдохновенный и самоотверженный труд, преданность профессиональному долгу и верность лучшим традициям культурно-просветительской деятельности. Желаю вам личного счастья, крепкого здоровья, благополучия, дальнейших творческих дерзаний и успехов во имя процветания культуры края!

Актуальная проблема

Леховицер Олег Израильевич,
заместитель Председателя
Правительства Хабаровского края по
социальным вопросам

Современная социальная политика: опыт моделирования

Формирование в Хабаровском крае, как и в любом другом субъекте Российской Федерации, эффективной социальной политики потребует от её авторов обращения не только к теории, но и к конкретной практике разработки и реализации социальной политики. Целью данной статьи является исследование международного опыта осуществления различных моделей современной социальной политики. Некоторые из них, возможно, применимы и для существующих условий экономического и социокультурного развития края.

Современная социальная политика как система может быть рассмотрена с двух сторон: организационной и содержательной. С организационной — системность социальной политики выражается во взаимодействии субъекта и объекта в целях упорядочения последнего, сохранения его качественной определённости и целенаправленного развития. Объект (управляемая подсистема) и субъект (управляющая подсистема) образуют основу системы социальной политики, а связи между ними — её структуру.

Объектом социальной политики явля-

Автор исследует международный опыт осуществления различных моделей современной социальной политики, предполагая, что одна или некоторые из них могут быть применимы для разработки и реализации в условиях экономического и социокультурного развития края новой социальной политики

ются отдельные индивиды, социальные общности и общество в целом, с одной стороны, и социальные отношения, складывающиеся между социальными общностями и отдельными индивидами в рамках той или иной социальной общности, с другой.

Социальные отношения могут быть объектом непосредственного регулирования со стороны государства. Их развитие осуществляется в виде социальных процессов. Поэтому и влияние на социальные отношения обеспечивается посредством воздействия государства на социальные процессы.

Под социальным процессом понимается социальное явление, взятое в развитии, где под воздействием внутренних и внешних факторов происходит постепенная смена его состояний, то есть его изменение. Он протекает в конкретных социальных объектах, имеет конкретного носителя, который придаёт содержанию процесса свою специфику. Для достижения необходимого обществу (в рамках сложившегося социального порядка) состояния социальных отношений необходимо осуществить воздействие на развитие социальных процессов с целью обеспечения их определённой направленности. Поэтому социальный процесс является первичным элементом объекта социальной политики и непосредственным объектом регулирования.

С точки зрения возможности управления социальным процессом выделяются следующие взаимосвязанные элементы, предопределяющие содержание и направленность социального процесса: носитель процесса и отношения, объективные условия протекания процесса, субъективные условия и факторы.

В качестве субъекта социальной политики выступают органы государственной власти и управления, общественные организации, социальные группы и отдельные индивиды. Главной задачей субъекта

является согласование, гармонизация интересов социальных общностей, отдельных индивидов в процессе осуществления их жизнедеятельности в обществе, реализация их общего интереса с целью обеспечения развития каждого из них и общества в целом.

Системная природа социального объекта, включающего специфические по своему положению общности — носителей особых интересов, то есть относительно самостоятельных объектов социальной политики, требует соответствующих по своему положению субъектов управления. Поэтому в определённой степени структура объекта социальной политики предопределяет структуру субъекта.

С содержательной точки зрения структурное рассмотрение социальной политики предполагает определённый набор элементов, характеризующих её внутреннее содержание. В качестве таких элементов предлагаем рассматривать основные направления социальной политики. Они определяют совокупность воздействий на социальные процессы в целях достижения нового качественного состояния социальных отношений. При этом приоритетными являются направления по регулированию социальных процессов, которые имеют негативную динамику. Отдельные направления социальной политики формируются на базе комплекса социальных процессов, протекающих в рамках определённых социальных групп. Это происходит, если проблемы, связанные с удовлетворением потребностей данной социальной общности, обостряются и требуют первоочередного внимания со стороны субъекта социальной политики.

Содержательная модель социальной политики формируется на базе её организационного строения. Она представляет собой совокупность регулятивных мер, с помощью которых субъект воздействует на объект для достижения определённого

качественного состояния последнего.

На территории регионов протекают различные социальные процессы: как характерные для государства в целом, так и специфически региональные. Многообразие и многоуровневость протекающих на территории региона социальных процессов предопределяет многообразие регулятивных воздействий. Процессы, вызванные причинами общесистемного характера и характерные для всех регионов, являются объектом регулирования федеральной социальной политики. Специфические, связанные с региональными особенностями — регулируются собственно региональной социальной политикой (в узком смысле). Социальные процессы в отдельных частях региона, в отдельных организациях регулируются органами местного самоуправления. Таким образом, в рамках регионального социального пространства реализуется три вида регулятивных воздействий. В результате в структуре содержательной модели социальной политики региона можно выделить три крупных блока:

— политика, направленная на реализацию на территории региона федеральной социальной политики для достижения общегосударственных целей;

— собственно региональная политика, направленная на реализацию целей региона;

— регулирование развития более мелких частей (поселений, районов, городов) для обеспечения определённых пропорций их развития.

В конечном итоге ситуация в социальной сфере на территории региона является результатом реализации всех этих блоков (политики различных уровней). Федеральная социальная политика направлена на обеспечение единых минимальных социальных стандартов, реализацию установленных социальных гарантий, соблюдение социальных прав граждан, установленных Конституцией

РФ, независимо от возможностей региона. Более целенаправленное, избирательное воздействие на развитие регионально опосредованных социальных процессов осуществляется в ходе реализации федеральной региональной политики, направленной на выравнивание условий социального развития всех регионов.

Если в регионе складывается критическая ситуация в социальной сфере: негативная динамика социальных процессов превышает предельно-допустимые значения, социальные отношения аномально обострены и нет возможности для саморазрешения кризисной ситуации, так как недостаточно собственных или привлечённых средств для перелома нарастающих негативных тенденций — оказывается государственная поддержка. Это происходит в тех случаях, когда в регионе становится невозможной реализация государственных социальных гарантий, нарушаются конституционные права и свободы граждан. В противном случае кризисные точки могут стать центрами или источниками роста напряжённости и возникновения кризисных ситуаций в масштабах всей страны.

Центральные органы власти используют такой инструмент, как федеральные «региональные программы», которые направлены на решение конкретных социальных проблем, важных на национальном уровне. В этом случае в качестве объектов регулирования могут выступать конкретные территории или отдельные социальные организации. Примером является федеральная целевая программа «Сибирь». Реализация федеральной социальной политики — важнейший блок региональной политики. Его основа — механизм реализации федеральных социальных гарантий — системы социальной защиты населения.

Собственно региональная социальная политика ориентирована на максимальный учёт специфических региональ-

ных факторов протекания социальных процессов. Соответственно, этот блок предполагает корректировку основных направлений федеральной социальной политики в соответствии с региональными особенностями и установление, реализацию региональных социальных гарантий, расширяющих федеральные. В условиях переходного периода к рыночным отношениям важнейшей составляющей региональной социальной политики является система социальной поддержки. Это система временных мер для обеспечения адаптации населения региона к новым социально-экономическим условиям и амортизации негативных последствий кризисного периода.

Органы местного самоуправления призваны реализовывать региональную политику на местах. Регулирование развития социальных процессов в рамках отдельных городов, районов, организаций будет способствовать обеспечению стабильного развития региона в целом.

Согласование и строгая взаимосвязка всех этих блоков необходимы для создания единой целостной системы слаженного регулирования региональных социальных процессов. Это будет способствовать обеспечению социальной стабильности, что является главной задачей социальной политики переходного периода, когда в условиях коренного изменения социально-экономических условий важно предотвратить нарастание кризисных явлений в социальной сфере.

Базовым элементом структуры социальной политики в регионе с содержательной точки зрения являются основные направления. Объектом их регулирования выступают определённые группы социальных процессов, действующих на территории региона. Направления региональной социальной политики формируются на базе основных направлений федеральной социальной политики с учётом условий регионального разви-

тия. В случае наличия необходимости и возможности направления федеральной политики — расширяются введением дополнительных направлений и расширением масштабов регулирования.

Основные направления региональной социальной политики отражают её стратегию, определяют качественное изменение системы социальных отношений и характеризуются, как правило, совокупностью качественных показателей. Как уже отмечалось, для того, чтобы достичь определённого состояния социальных отношений, необходимо осуществить соответствующее воздействие на социальные процессы как базовый объект регулирования. Поэтому для реализации основных направлений разрабатывается механизм реализации, отражающий тактические подходы к реализации социальной политики. В ходе подготовки механизма реализации основные направления социальной политики конкретизируются в форме, доступной для системы регионального управления. В рамках каждого направления разрабатывается система мер, направленных на регулирование социальных процессов с целью обеспечения необходимого изменения социальных отношений.

Основные направления могут конкретизироваться в форме законов, программ, единовременных решений, отдельных мер и конкретных мероприятий. Характеризующие их показатели могут иметь не только качественное, но и количественное измерение. Механизм реализации складывается из целого комплекса обеспечивающих систем: финансового обеспечения, информационного, нормативно-правового, институционального и других.

Разработка содержательной модели региональной социальной политики проходит те же стадии, что и социальная политика вообще: определяются основные направления, разрабатываются концеп-

ция и механизм реализации. При этом вся цепочка процесса формирования может быть представлена следующим образом: потребности — интересы — цели — задачи — принципы — основные направления — механизм реализации.

Таким образом, отправной точкой, исходным пунктом в процессе формирования региональной социальной политики являются потребности населения региона. Содержательная модель социальной политики строится исходя из региональных интересов. Именно поэтому соответствие её структурных элементов интересам населения региона является главным критерием при оценке эффективности.

Разработка концепции регионального развития социальной сферы предполагает постановку целей, определение задач и основных принципов. Для разработки концепции принципиальное значение имеет анализ сложившейся ситуации, выявление наиболее кризисных точек и проблемных зон, диагностика, определение причин сложившейся ситуации. При этом важно переходить от разрозненного анализа ситуации в социальной сфере по отдельным направлениям социальной политики к комплексному взаимоувязанному анализу социального развития региона в целом. Недостаточно анализировать отдельные сферы или все сферы изолированно, необходима единая система регионального анализа.

Содержательная модель социальной политики имеет свои временные горизонты. В условиях крайней нестабильности, связанной с переходным периодом, имеет смысл формировать содержательную модель на кратко- и среднесрочную перспективу. Однако при реализации текущей социальной политики необходимо иметь в виду и отдалённые цели и задачи, необходимо мыслить глобально, действовать локально.

Определённый опыт построения современных моделей социальной политики

накоплен за рубежом. Опыт трансформации экономики в странах Центральной и Восточной Европы показал, что задача социально-экономической политики на современном этапе становления рыночных отношений состоит в том, чтобы социальная цена не была непомерно высокой для широких слоёв населения. В последнее время в большинстве стран особое внимание уделяется выработке новой концепции социальной политики, адекватной рыночным условиям хозяйствования и позволяющей смягчить негативные последствия проводимых реформ. Особое внимание в проведении такой политики уделяется системообразующей роли государства, без активного вмешательства которого процесс реформирования чреват весьма негативными социальными последствиями.

Венгерская система социальной защиты имеет почти столетнюю историю. Она возникла одновременно с немецкой и является старейшей в Европе. В период социализма эта система развивалась исключительно в государственных рамках, являясь, по сути, частью госбюджета. Несмотря на определённую эволюцию, социальная система до сих пор сохраняет преимущественно перераспределительный характер, преодоление которого наталкивается на объективные трудности. После смены общественной системы в 1990 году Венгрия твёрдо следует курсу на вступление в ЕС и преобразование законодательной базы основных систем, включая социальную, в соответствии со стандартами этой международной организации.

Как известно, после второй мировой войны в развитых странах мира сложились различные социальные системы, которые можно классифицировать следующим образом.

Либеральная модель. Доминируют универсальные, скромные по размеру трансферты, общий низкий уровень со-

циальной защиты и индивидуального социального страхования [1]. Основная задача социальных институтов — коррекция влияния рынка. Структуру общества характеризует социальный дуализм. Большинство членов общества зависит от рынка, меньшинство — от государства. Либеральная модель характерна для США, Канады, Австралии.

Консервативная, корпоративно-этическая модель. Социальные права граждан определяются принадлежностью к социальной группе с тем или иным социальным статусом. Доминирует социальная система немецкого (бисмарковского) типа. Относительно малую роль играют индивидуальные социальные выплаты. Иерархические вертикальные связи относительно невелики. Но государственно-организованная перегруппировка доходов-расходов, в том числе социальных выплат, приобретает здесь более значительные масштабы, чем в либеральной модели. Программа поддержки доходов исполняет роль, консервирующую общественный статус, придавая ему легитимность. Инструменты социального обеспечения связаны с традиционными ценностями, которыми являются семья и церковь. Государство влияет там настолько, насколько эти два института действуют неудовлетворительно. Из государственных программ занятости предпочтение отдаётся общественным работам. Консервативная модель существует в Австрии, Германии, Италии и Франции.

Социал-демократическая модель. Идеология: «Каждый участвует, поэтому каждый содействует». Декларируется независимость индивидуума от рынка, государства, семьи. Ставит целью осуществление социального равенства на возможно более высоком уровне. Характерны универсальные методы, преобладает поддержка основного дохода. Степень перераспределения доходов и социальных расходов значительно выше

в сравнении с либеральной и консервативной моделью. Акцент на поддержание занятости трудоспособного населения, на взаимосвязь труда и благосостояния. Равные права на социальное обеспечение имеют представители «рабочего класса» и «среднего класса». К социал-демократической модели более всего близки скандинавские страны, прежде всего Швеция.

До начала радикальных общественных преобразований венгерская модель представляла специфическое сочетание консервативной и социал-демократической моделей [2]. Поскольку этот гибрид не укладывался в указанную выше международную классификацию, он получил в трудах венгерских специалистов название «коммунистически-консервативная модель». Для этой модели была характерна тесная связь социальных гарантий с трудовыми отношениями: последние давали право на пенсию, на часть семейных пособий, не говоря уже о значительных льготах, связанных с отдыхом, лечением, воспитанием детей и т.п. Начиная с 60-х годов XX века, среди методов социальной защиты на первый план всё более выдвигается поддержка доходов.

Институциональная основа системы была полностью государственной, чрезмерно централизованной. Не допускалось создание коммерческих организаций, добровольных страховых обществ, частных образовательных и медицинских учреждений. Государственная монополия на социальную защиту исключала свободу гражданина в выборе форм и методов социального обеспечения.

С началом системных преобразований венгерская система социальной защиты, обременённая деформациями социалистического наследия, развивается в направлении смешанной консервативно-либеральной модели. Управление ею утратило исключительно централизованный характер. Устойчива тенденция

к децентрализации социальной защиты населения на уровень местного самоуправления. Местные органы играют всё возрастающую роль в определении социальных приоритетов, в удовлетворении региональных потребностей. Стабильно сокращается доля натуральной помощи и соответственно растёт доля денежных форм социальной помощи. Среди критериев, определяющих право на получение социальной помощи, на первое место выдвигается нуждаемость. Среди идеологических приоритетов на первый план выдвигается семья и церковь.

Выбор страхового типа социального обеспечения усилил корпоративно-самоуправленческий характер венгерской социальной системы. Кроме того, он открыл дорогу для более жёсткой её увязки с заработками. Однако экономический кризис и чрезмерная затратность социального обеспечения не позволили последовательно осуществлять увязку социального страхования с заработками. Против жёсткой увязки действовали введенные социальные минимумы, лимитирование максимумов, индексация, связанная с инфляцией. Вследствие этого стали распространяться социальные выплаты в одинаковой фиксированной сумме (flat rate). В Венгрии, а по схожести условий и в остальных европейских пост-социалистических странах, формируется квазистраховая социальная система, что неизбежно консервирует её распределительный характер.

В Венгрии не сразу подошли к идее социального минимума. На основе анализа отечественного и международного опыта сначала сформировали общий подход к проблеме. Хорошо действующая система защиты беднейших слоёв осуществима при условии, если минимальный уровень социальных гарантий ниже, чем помощь безработным, которая нередко превышает достижимую на рынке труда зарплату. В противном случае неизбежно возника-

ет антистимулирующее влияние социальной помощи. Поиск такого оптимального соотношения стоит сейчас в центре внимания венгерских специалистов.

Официально рассчитанный прожиточный минимум стабильно превышает средний размер пособия по безработице, а последний выше, чем минимальная зарплата. Возможно ли придать прожиточному минимуму статус минимальной социальной гарантии? Ответ отрицательный. Прежде всего, прожиточный минимум финансируется лишь на 38 %. К тому же его использование сопровождается антистимулирующим влиянием.

В Социальном законе 1993 года в качестве базового показателя черты бедности определена минимальная пенсия по старости в абсолютной сумме, получаемая при условии предписываемого законом минимального трудового стажа. По оценке венгерских специалистов, минимальная пенсия лучше, чем минимальная зарплата выполняет функцию минимальной социальной гарантии. Выбор в пользу минимальной пенсии, хотя и более предпочтителен, но не лишён своих проблем. Главная из них состоит в том, что увязка остальных инструментов социальной защиты с минимальной пенсией неизбежно сдерживает её рост и через определённое время ведёт к усреднению пенсий.

В конце 1994 года Министерством народного благосостояния была разработана концепция введения социального минимума. Её суть сводится к следующему: в перспективе основные виды социальной помощи будут определяться на основе единого коэффициента социальной помощи, выраженного в процентах к действующему социальному минимуму (вместо ныне применяемого размера денежного обеспечения, определённого в абсолютной сумме). Необходимость преобразования ныне действующей системы вызвана тем, что социальная помощь, финансируемая за счёт общих налогов

(бюджета), всё отчетливее отделяется от социальной защиты, покрываемой из фондов социального страхования. Между тем расчёт тех и других форм социальной защиты связан друг с другом.

Сегодня Социальным законом установлено, что порогом нуждаемости служит минимальная пенсия по старости, получаемая при достижении определённого законом трудового стажа. Например, право на помощь по воспитанию детей имеет только та семья, у которой душевой доход не превышает трёх минимальных пенсий. Размер различных видов социальной помощи также связан с минимальной пенсией. Так, социальная помощь, поддерживающая (дополняющая) доход безработного, не может быть меньше трёхкратной минимальной пенсии, полученной на основе субъектного права. При этой системе разовое повышение пенсии кругами расходится по всей системе социальной помощи. Размер ежегодного повышения пенсии определяет правительство с учётом предложения Самоуправления пенсионного обеспечения (общественный орган представительства интересов). Социальный аспект «Пакета Бокроша» (специальный пакет срочных мер правительства — март — июль 1995 года — по финансовой стабилизации, предусматривающей сокращение социальных расходов) содержит и другие новые подходы. Коротко их можно сформулировать как целевую помощь с учётом индивидуальной нуждаемости. Помимо уже отмеченного усиления целевой направленности социальной защиты, прослеживаются ещё два новых направления. В обосновании оказания социальной помощи происходит отход от так называемого субъектного права к принципу нуждаемости, и от нуждаемости социальной группы к индивидуальной.

При определении (индивидуального) уровня социального минимума возможен ряд сложностей. Прежде всего, трудно

выдержать известное в мировой практике требование: порог нуждаемости не должен быть ниже минимальной зарплаты. В Венгрии, как отмечалось выше, таким порогом является минимальная пенсия. Считается правомерным требование, чтобы этот порог в денежном выражении достигал размера, необходимого для приобретения основных благ, достаточных для прожиточного минимума.

Особая и вместе с тем органическая составная часть венгерской социальной системы — достаточно эффективно действующая сеть органов представительства, согласования и защиты интересов. Эту многоуровневую систему венчает Совет согласования интересов (ЕТ) при венгерском правительстве, созданный ещё до смены системы в 1988 году. В работе этого органа участвуют три стороны: представители правительства, работодателей в лице таких общественных организаций как Всевенгерский союз предпринимателей (VOSZ), Экономическая палата, представленная одним из её руководящих органов, Советом работодателей, а также работников, интересы которых представляют два крупнейших профсоюзных центра: Всевенгерский совет профорганизаций, созданный ещё на заре социализма, и Форум сотрудничества профсоюзов, сформировавшийся уже после смены системы. В момент создания Совета согласования интересов основным предметом трёхсторонних соглашений являлись трудовые отношения и, в первую очередь, определение минимальной зарплаты и условий её роста. Достигнутое соглашение определяло обязательные параметры, в рамках которых органы представительства интересов более низкого уровня имели определённую свободу маневра с учётом конкретных (отраслевых, территориальных и других) интересов.

В дальнейшем функции Совета согласования интересов постепенно расширялись, в его компетенцию вошли многие

важные политико-экономические вопросы. Например, ежегодное обсуждение законопроекта о государственном бюджете, а также важных законопроектов о труде, социальном обеспечении, приватизации и т.п. Договорённость по каждому вопросу, входящему в компетенцию Совета, достигалась путём консенсуса и фиксировалась в Трёхстороннем соглашении. Шестилетний опыт работы Совета согласования интересов доказал его жизнеспособность. В кризисный, переходный период правительству было легче и безопаснее проводить непопулярные меры, затрагивающие интересы широких слоёв населения, опираясь на достигнутые трёхсторонние соглашения. Однако уже в начале 1995 года произошли первые сбои в хорошо отлаженном механизме согласования интересов. Прежде всего, не удалось достичь трёхстороннего соглашения по «Пакету Бокроша» и урегулировать проблемы, связанные с социальными последствиями его осуществления.

Необходимость быстрых и решительных действий не оставила правительству возможности проведения длительных согласительных переговоров. Однако и в этих форсмажорных обстоятельствах правительство не только предварительно уведомило своих социальных партнёров, но уже 5 апреля 1995 года провело с ними обсуждение в Совете согласования интересов, в ходе которого отчётливо проявились различия в подходах сторон к предложенным мерам.

Позиция правительства остаётся неизменной: без систематического диалога с социальными партнёрами нельзя достичь полного успеха в стабилизации экономики. Представители работодателей, заинтересованные в сокращении бюджетных расходов, в целом поддержали правительство, тем более, что основная цель стабилизационных мер — перегруппировка средств в пользу предпринимателей. Представители работников, согласив-

шись с необходимостью и неотложностью изменений в социальной сфере, разделились во мнениях относительно методов достижения поставленной цели. Представители «нового» Форума сотрудничества профорганизаций, действующего в основном среди занятых в так называемой конкурентной сфере экономики, в целом также не против правительственных мер. Тогда как «старый» Всевенгерский Совет профсоюзов, отражающий интересы традиционных базовых отраслей и бюджетных организаций, более всего пострадавших от «Пакета Бокроша», выступил против него. В условиях профсоюзного раскола правительство заняло позицию третейского судьи. Признав право на автономию каждого профцентра, оно призвало найти консенсус, прежде всего, в профсоюзной сфере и выступить с согласованными предложениями.

Более глубокий анализ привёл к выводу о необходимости изменений в статусе и функциях Совета согласования интересов. Предполагается существенное ограничение компетенции Совета в политико-экономических вопросах, достижение соглашения по которым связывает руки правительства в проведении безусловно назревших социально-экономических мер.

По примеру западноевропейских стран в Венгрии предлагается создать новый институт — Экономический и социальный совет, консультативный орган при правительстве и парламенте одновременно. Через этот орган правительство будет информировать социальных партнёров о намечаемых мерах, затрагивающих сферу их интересов, а представители работодателей и работников выражать своё мнение и выступать с предложениями. При этом достижение соглашения не предусматривается. Сторонники этой концепции предлагают передать в компетенцию Экономического и социального совета политико-экономические вопросы,

но по более узкому кругу, чем у Совета согласования интересов (ЕТ). Последний сохраняется, но его компетенция ограничивается вопросами трудовых отношений. Ожидается, что новый подход позволит развести политико-экономические и трудовые вопросы, и расчистить путь для проведения более последовательной правительственной политики.

Можно выделить основные направления структурных реформ в социальной сфере и сформулировать общие подходы. Реформирование пенсионной системы, здравоохранения, образования проводится в рамках бюджетной реформы. Ещё не сформировалась единая концепция, поэтому можно отметить лишь основные подходы, особенность которых заключается в совместном реформировании двух блоков — социального обеспечения и местного самоуправления. Такая связка объясняется тем, что, во-первых, венгерская социальная система децентрализована на уровень местного самоуправления, во-вторых, по объёму расходов в консолидированном бюджете оба этих блока примерно равны и одинаково значимы.

Сложился консенсус относительно отхода от нынешней практики финансирования образования и здравоохранения. Большинство экспертов склоняются к введению социальных нормативов, исходя из количества жителей на территории самоуправления, числа учеников, обучающихся на одного учителя, больных на одного врача, затрат на зарплату и тому подобное, что, по их мнению, сделает невозможным отраслевое лоббирование и в конечном счёте послужит рационализации и оптимизации социальных расходов.

Однако эксперты Минфина не разделяют такого подхода. По их мнению, введение одинаковой нормативной суммы социальных расходов на каждого жителя, ученика, больного, помноженной на множество так называемых приоритетных за-

дач и на 3200 самоуправлений было бы неподъёмным с точки зрения финансирования и ликвидировало бы нынешнюю одинаковую сумму бюджетной дотации каждому самоуправлению в размере 2 млрд. фор. Финансисты предлагают сократить число дотируемых социальных задач с 27 до 13, а число основных нормативов социальной поддержки школьного образования сократить с 5 до 2.

Не достигнуто консенсуса по важным вопросам: что должно лежать в обосновании социальных субсидий — нуждаемость или субъектное право; должны ли органы местного самоуправления руководствоваться исключительно законами Госсобрания, самостоятельными решениями в рамках закона или собственными решениями с бюджетной гарантией.

Происходят преобразования в пенсионной системе. В предлагаемом варианте новой пенсионной системы остаётся доминирующим обязательное пенсионное страхование, «трудовая» по характеру пенсия по старости. Вместе с тем она теснее связывается с пенсионными возраст, трудовым стажем и личным доходом. Для увязки всех этих элементов имеется опробованная мировым опытом методология.

Сформировались контуры так называемой трёхуровневой пенсионной системы. Первый уровень — базовая пенсия, определяемая на основе субъектного права, финансируемая за счёт уплачиваемого каждым работником налога в размере «какой-то небольшой доли» прожиточного минимума, второй уровень — обязательный пенсионный страховой тариф. Эти два уровня обеспечивали бы примерно 60 % нынешнего пенсионного обеспечения. Остающуюся часть дополнит третий уровень — добровольный пенсионный страховой взнос. Комитет бюджетной реформы поставил задачу поэтапного формирования единой пенсионной системы с нормативным возрастом в 65 лет. При-

ближение к ней должно было начаться с 1997 года постепенным увеличением пенсионного возраста. В отличие от Комитета Минфин предлагал повысить пенсионный возраст до 62 лет уже с 1 июля 1996 года, но сделать это «гибко», предоставляя возможность выбора и даже «возврата» к нынешнему пенсионному возрасту. По мнению Минфина, постепенный уход государства из двух традиционных для него сфер социального обеспечения — пенсионного и здравоохранения — в конечном счёте должен сопровождаться снижением страховых тарифов.

Используются различные варианты реформирования здравоохранения. За прошедшее десятилетие кардинально изменилась система финансирования здравоохранения. Обязательное медицинское страхование было выведено из госбюджета, что способствовало автономии здравоохранения. Государственные лечебные учреждения перешли на уровень местного самоуправления, получила легальную нишу частная врачебная практика. Решающая часть оплаты семейного врача зависит теперь от результативности лечения.

Несмотря на заметные изменения, в целом сохранилась централизация в управлении медучреждениями, не учитывающая должным образом потребности и финансовые возможности пациентов. Именно эти обстоятельства тормозят повышение эффективности системы здравоохранения.

До формирования единой концепции в рамках правительственного стабилизационного пакета проводится рационализация больничного хозяйства. Существенно сокращается число больничных коек со 100 тысяч до 50 — 70 тысяч. С 1996 года определение числа больничных коек и численности врачей передается так называемым региональным страховым кассам. Финансирование здравоохранения перестает быть традиционно централизо-

ванным, осуществляется с учётом местных потребностей и централизованно определяемых нормативов. Легализируется элитное больничное обслуживание, полностью оплачиваемое пациентом, вводится дополнительная оплата ряда больничных услуг для пациентов, обслуживаемых в рамках обязательного медицинского страхования. Подготовка концепции реформирования здравоохранения находится на стадии альтернативных вариантов.

Первый вариант: общественный сектор сохраняется доминирующим как в финансировании, так и в предоставлении медицинских услуг, но наряду с ним формируется сеть добровольного медицинского страхования, которая играет дополнительную роль.

Второй вариант: государственный сектор и обязательное медицинское страхование остаются ведущими в финансировании здравоохранения, а частный сектор развивается параллельно. Действующие частные клиники указывают на перспективность этого варианта. Оставаясь частными, они могут обращаться за финансовой помощью из фонда социального страхования на оказание социально значимых видов медицинских услуг.

Третий вариант: ликвидируется единый фонд медицинского страхования и вместо него вводятся страховые кассы, действующие на принципах: а) территориального обязательного медицинского страхования; б) профессионального, отраслевого, корпоративного.

Четвертый вариант: лица с доходами выше среднего исключаются из сферы обязательного медицинского страхования и лечатся только в частном секторе. Обязательное медицинское страхование распространяется только на ограниченный круг медицинских услуг. Частный сектор становится ведущим в оказании медицинских услуг. Последствие этого варианта очевидно — легализовалось бы серьёзное социальное неравенство в ме-

дицинском обслуживании.

Своеобразный опыт формирования и реализации социальной политики, направленной на решение социальных проблем населения, накоплен в Польше. Здесь весьма удачно реализованы принципы государственных гарантий в социальной сфере. Определяя роль государства в сфере социальной политики, польские теоретики и практики говорят о формировании новой модели этой политики, которая, с одной стороны, не может игнорировать многие организационные формы, функционировавшие в условиях реального социализма (например, общественные фонды потребления, социальную деятельность предприятий и так далее), а с другой, — должна учитывать организационные и структурные изменения рыночного характера. Отрыв же социальной деятельности государства от экономических реалий на этапе трансформации, быстрая коммерциализация тех сфер деятельности, где раньше распределительные функции выполняло государство, ликвидация старой социальной инфраструктуры толкает государственную социальную политику в направлении благотворительности, которая оказывается малоэффективной перед лицом нарастающих явлений социальной деградации.

Сегодня в Польше общепризнано, что предпосылкой создания основ многоуровневой социальной деятельности на этапе трансформации является возрождение местного самоуправления, основанного на общественной инициативе, активизирующего семью и личность, добровольческие организации, группы взаимопомощи. В новой модели социальной политики именно они должны быть партнёрами как государственной администрации, так и местного самоуправления в обеспечении и распределении средств для деятельности организаций, оказывающих общественные услуги. Основным мето-

дом хозяйствования в сфере социального обслуживания и решения социальных проблем местного масштаба является партнёрство государственных и общественных организаций. Это предполагает множественность и разнородность субъектов локальной социальной политики и их тесную интеграцию [3].

Такая интеграция и должна стать основой эффективной системы государственных социальных гарантий. Именно на формирование такой структуры субъектов социальной политики и ориентирован Закон о социальной помощи. Этот закон был принят в Польше 29 ноября 1990 года. Он заменил действовавший ранее закон от 1923 года и множество частных ведомственных инструкций и постановлений. 4 января 1993 года был принят новелизованный текст этого закона, который с незначительными изменениями действует до настоящего времени [4]. Закон создал новую базу функционирования системы социальной помощи в стране и её структуру, опирающуюся на формируемые структуры самоуправления. Он также определяет порядок взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления.

Однако переход от формально-лозунгового самоуправления к формированию реальных социальных субъектов на местах требует не только создания формально-правовых рамок, что в целом уже осуществлено, но и, что гораздо труднее, реальной активизации деятельности органов территориального самоуправления (гмины должны иметь финансовые и материальные возможности, а также уметь их использовать).

Поэтому одним из направлений изменений в социальной сфере является децентрализация (хотя, как отмечают исследователи, наблюдаются и центростремительные тенденции), создающая предпосылки для лучшего изучения потребностей и рационализации деятельности в сфере

социальных услуг. Одновременно со всей остротой выявляются территориальные диспропорции как в самих социальных потребностях, так и в возможностях их удовлетворения. Бедные территории, как правило, больше отстают в развитии сфер удовлетворения элементарных потребностей: образования, здравоохранения, социальной помощи и так далее. В то же время у них меньше средств для удовлетворения этих потребностей. Предоставленные сами себе, децентрализованные учреждения сферы услуг могут ещё больше отставать в своём развитии, отражая, таким образом, отставание в хозяйственном развитии отдельных регионов.

В этих условиях, отмечают польские исследователи, особую роль играют социальные гарантии государства: гарантия минимального дохода (минимальная заработная плата и минимальная пенсия), государственная защита от безработицы (право на получение пособия и переквалификацию) и так далее. В связи с этим необходимо отметить, что в последнее время всё чаще в СМИ обсуждается необходимость изменения принципа индексации социальных выплат. Предлагается от «популистского» принципа индексации социальных выплат в увязке с ростом заработной платы в сфере материального производства перейти к «экономически обоснованному» принципу индексации в зависимости от уровня инфляции [5]. На наш взгляд, именно «зарплатная» индексация в Польше на начальном этапе системной трансформации позволила избежать серьёзных деформаций в сфере оплаты труда и доходов населения. С точки зрения макропропорций «зарплатная» индексация оказала сдерживающее влияние на общий уровень инфляции. Рост заработной платы в сфере материального производства ограничивался жёстким налогом на сверхнормативный её рост. В этих условиях увязка заработной платы в бюджетной сфере и социальных доходов

с ростом заработной платы в сфере материального производства ограничивала доходную спираль.

Сегодня в Польше пока отсутствует долгосрочная концепция социальной политики и почти в неизменном виде сохраняются институты социальной политики, действовавшие на предыдущем этапе развития. Одним из достоинств социальной политики, реализуемой в Польше сегодня, является стремление не форсировать реформы и не начинать кардинальных изменений без чёткого представления о целевой модели. Однако рано или поздно выбор между перераспределительной, либерально-социалистической или либеральной моделью обозначит кардинальные изменения в субъектно-объектной структуре социальной политики (государство — организации самоуправления — профсоюзы — религиозные организации и конфессии — рынок — семья и так далее). Именно поэтому в Польше многочисленные проекты реформ в отдельных сферах социального обслуживания (здравоохранение, система пенсионного обеспечения, система социальной защиты безработных, защиты семьи, детства и материнства, противодействия бедности, степень децентрализации прав и обязанностей субъектов социальной политики и другие) находятся в стадии общественного обсуждения, на которой и выявляются плюсы и минусы того или иного варианта, степень его общественной эффективности и возможные потери.

Однако пока эти изменения проходят этап подготовки, сама система социального обеспечения функционирует довольно эффективно и не в последнюю очередь за счёт того, что происходят постоянные изменения отдельных элементов этой политики в соответствии с текущими требованиями, выдвигаемыми рыночными преобразованиями. Так, достаточно быстро и эффективно была создана система смягчения такого социально опасного яв-

ления как безработица; угрожающий характер нарастания бедности в обществе заставил уже в самом начале реформ оперативно переориентировать политику на помощь семье, повысив её адресность, в первую очередь, путём передачи части функций и финансовых средств с государственного на местный уровень.

На современном этапе развития Российского государства и его субъектов федерации обострение социальных проблем стало объективной реальностью. В период экономических реформ и социально-политических преобразований произошло резкое ограничение деятельности государства в социальной сфере, которое пока так и не удалось восполнить. Одним из эффективных путей решения данной задачи является реализация основных функций социальной политики непосредственно государством и его взаимодействии с бизнесом и общественными организациями.

Социальная государственность в России должна строиться с учётом специфики страны, масштабов её территории, различий в культуре, традиций, состояния экономики. Важнейшей нашей особенностью в этой области является острое противоречие между сформировавшимися представлениями людей о высокой социальной защищённости, существовавшей во времена командного социализма, и ограниченными возможностями современного государства в выполнении социальной функции. Поэтому необходимо выработать такую модель социального государства, которая отвечала бы историческим, культурным и экономическим особенностям развития нашей страны и каждого региона в частности.

Важнейшее значение в решении социальных проблем населения играет формирование властью, бизнесом и обществом социального пространства — пространства владения социальной идеи жизнедеятельности и хозяйствования.

Источником развития социального пространства является процесс взаимодействия власти, бизнеса и общества в экологической, культурной, политической и экономической сферах. Направляющую роль в формировании социального пространства играет государство, вырабатывающее социальные нормы и создающее законы, регулирующие их применение. Региональные и муниципальные органы власти, учитывая местную специфику применения законов, осуществляют деятельность по их выполнению на местах совместно с бизнес-структурами и общественными организациями, «закрепляют» население на конкретной территории. То есть, путём принятия тех или иных властных решений формируются социально-экономические условия, в которых региональное сообщество ощущает себя защищённым, а созданные условия считает комфортными для проживания и деятельности.

Регулирование этого процесса требует от властных структур целенаправленной деятельности по формированию привлекательного имиджа региона через продуманную региональную и социальную политику. В то же время, эффективность конструирования социального пространства будет значительно выше при условии формирования образа и представлений о территории как социально привлекательной, успешной и перспективной среде обитания. Социальное пространство может регулироваться и осваиваться на основе инновационных подходов. Это — реализация социальных и благотворительных программ, основанных на принципе инвестирования в социальную сферу; использование корпоративных социальных программ, направленных на развитие территорий, относящихся к сфере интересов компаний; развитие взаимодействия бизнеса и власти с целью повышения эффективности муниципального управления и решения социальных

проблем населения региона.

Характерной особенностью последних лет в решении социальных проблем населения является стремительное перемещение социальной политики на первое место в приоритетах социально-экономического развития государства. Это пенсионная реформа, введение нового трудового законодательства, новации и эксперименты в системе образования, перераспределение бюджетных полномочий с федерального уровня на уровень субъектов Российской Федерации, новое иммиграционное законодательство, национальные приоритетные проекты «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жильё». Это и стратегическая демографическая программа по стимулированию рождаемости, являющаяся определённым достижением российского общества.

В российском обществе сегодня отсутствует достаточный консенсус в отношении целей и содержания необходимых социальных преобразований. В декларируемых направлениях необходимых реформ приоритет постоянно отдавался требованиям эффективности, а в оценке этих намерений населением, отраслевыми сообществами, региональными бюрократиями — требованиям справедливости. Даже в органах федеральной власти нет единой позиции по отношению к реформам в социальной сфере. Ведомственные представления об эффективности и справедливости расходятся.

Многие социальные преобразования носят несистемный характер. За действиями государственных органов управления не всегда стоит концептуально осмысленная стратегия. В ходе реализации социальных преобразований исполнительные органы власти сталкиваются с множеством ситуационных проблем и испытывают недовольство населения в тех случаях, когда новые социальные условия, регулирующие жизнедеятельность

граждан не приносят ожидаемых результатов, заставляют власти изменять ранее принятые решения, ведут к потере времени, отведенного на преобразования. В связи с этим, социальная политика, устремлённая в перспективу, обуславливает необходимость формирования институтов последовательного и устойчивого развития всех основных социальных подсистем.

Серьёзное место должно отводиться стратегии социальной политики, методологии, механизмам её формирования и реализации, которые позволяют снизить число проблем, возникающих в данной сфере жизнедеятельности. Разработка социальной политики, в том числе и в Хабаровском крае, должна проходить следующие стадии: определение основных направлений, формирование концепции и механизмов реализации. При этом весь процесс формирования социальной политики может быть представлен в следующем виде: потребности — интересы — цели — задачи — принципы — основные направления — механизм реализации. Как видно, исходным пунктом в процессе формирования региональной социальной политики являются потребности населения, которые удовлетворяются исходя из региональных интересов. Под потребности и интересы должны выстраиваться соответствующие организационные структуры управления и механизмы взаимодействия власти, бизнеса и общества.

Социальная цена преобразований, проводимых в обществе, не должна быть непомерно высокой для широких слоёв населения, поэтому особая роль в проведении социальной политики должна отводиться государству, без активного вмешательства которого процесс формирования общества чреват весьма негативными последствиями. Одной из форм снижения затрат на социальные преобразования является социальное партнерство — система взаимодействия

и согласования интересов органов государственной власти, бизнеса и общественных организаций в целях создания условий для развития общества. Основным критерием социального партнёрства является улучшение качества жизни населения. Социальное партнёрство как рационально организованная на взаимовыгодных условиях форма взаимодействия участников социальных преобразований ориентировано также на обеспечение экономического роста.

Важное место в социальной политике, реализуемой на основе взаимодействия власти, бизнеса и общества, занимает социальная реклама, являющаяся особым видом коммуникации, ориентированном на привлечение внимания населения к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям. Она направлена на изменение сознания общественности. Как известно, социальная реклама также представляет общественные и государственные интересы и направлена на достижение благотворительных целей. Социальная реклама не может решить проблемы самостоятельно, в дополнение к ней необходимо использовать другие инструменты.

Основное предназначение социальной рекламы состоит в гуманизации общества и формировании его нравственных ценностей. И если коммерческая реклама стремится в первую очередь побудить потребителя совершить какое-либо действие, то цель социальной рекламы — изменить отношение общественности к какой-либо насущной социальной проблеме, а в долгосрочном периоде

— укрепить базовые социальные ценности народа, вытекающие из его культуры. Поэтому и эффект от применения социальной рекламы практически никогда не бывает быстрым. Совершенно очевидно, что восстановление и поддержание ценностных установок, изменение отношения общества — это, как правило, долгосрочные процессы, и порой первые положительные результаты могут появиться не раньше, чем через год после начала рекламной кампании.

Взаимодействие некоммерческих организаций и государства является необходимой составляющей построения социального государства в России. Некоммерческие организации представляют интересы различных групп общества, обеспечивают им широкие возможности для участия в процессе выработки и принятия решений, формируют общественное мнение. Они, используя механизмы общественной экспертизы и контроля, способствуют прозрачности и эффективности работы государственных служб и судебной системы.

Рассмотренный в данной статье международный опыт реализации различных моделей современной социальной политики, а также определение основных принципов и условий формирования её региональной модели, по мнению автора, позволяет сегодня на научной основе приступить к разработке краевой социальной политики, учитывающей насущные потребности как населения, так и интересы экономического, этносоциокультурного развития региона в целом.

Список использованной литературы

1. Esping-Anderson, G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. — Cambridge, Polity Press, 1990.
2. Toth J.G. *A. Jolet rendszer az atmeneti idoszaban. Kozgazdasagi szemle*. — 1994. — N 3. — P. 327, 239. old.
3. Golinowska, S. *Polityka spoleczna panstwa w gospodarce rynkowej // Polityka Spoleczna*. — 1994. — N 5/6. — S. 26—29.
4. *Dzennik Ustaw*. — 18.02.93. — N 13.
5. *Zycie Gospodarcze*. — N 27. — 2.06.95. — S. I,V.

Левков Сергей Андреевич,
заместитель руководителя аппарата
Губернатора и Правительства
Хабаровского края,
начальник главного управления
внутренней политики и информации
Губернатора и Правительства края,
доктор социологических наук

Региональная социальная политика: попытка концептуализации

Статья посвящена актуальной проблеме современной России — выработке оснований и новых механизмов реализации социальной политики. В исследовании обосновывается необходимость учёта региональной специфики при определении государственных стратегий социальной политики, предлагаются новые подходы к организации социального пространства в дальневосточном регионе

Период социальных трансформаций, переживаемых нашей страной уже почти два десятилетия, привёл к разрушению прежней социальной структуры. На её месте возникает принципиально иной набор институтов и механизмов взаимодействия между ними. Но до настоящего времени это только «набор институтов», а не целостный социальный организм. Для того, чтобы этот набор институтов превратился в единое социальное пространство, необходимо чёткое, разделяемое большей частью общества представление о том, к какому итоговому положению дел идёт или стремится идти наша страна. Ответ на этот вопрос, несмотря на обилие работ о российской трансформации, дан не был. Более того, он в столь «простом» виде практически не ставится в рамках профессиональных исследований. И в этом была определён-

ная логика.

Социолог исходит из материала, из социальной ткани общества, которая содержит в себе не некий идеальный образ, а набор возможностей, каждая из которых имеет шанс воплотиться. Идеальный образ общества, как и любое аксиологическое образование, встраивается в социальную ткань извне, из области политики и идеологии. Однако отсутствие такого образа, итоговой точки социального транзита превращает его из транзита в дрейф по неопределённой траектории. Это сказывается прежде всего на сфере социальных отношений и социальной политики.

Вместо целостной программы формирования определённых социальных отношений, конструирования общества социальная политика в постсоветской России превратилась в набор экстренных мер при чрезвычайных ситуациях. Социальная политика сегодня есть, как правило, реакция на наиболее вопиющие факты социальной несправедливости, и потому часто запаздывает.

Следует заметить, что Россия приступила в 90-х годах XX века к системным реформам, имея весьма тяжёлый груз в виде десятилетиями сформировавшихся представлений людей об исключительной ответственности государства за их судьбу.

Постсоветский период можно охарактеризовать как годы активизации внимания власти к социальным вопросам, проведения ряда преобразований в социальной сфере. Страна, конституционно провозгласив себя социальным государством, признала тем самым приоритетность основных социальных прав граждан. Был юридически закреплён принцип равенства всех организационно-правовых форм реализации социальной политики.

Проведённые изменения способствовали возникновению новых социальных

групп, развитию перспективных сфер занятости. Произошла определённая психологическая адаптация людей к новым условиям формирующегося общества.

Дополнительные благоприятные условия создаёт и начавшаяся реализация в стране приоритетных национальных проектов, социальных инициатив государства, как, например «материнский капитал» и других.

В то же время, положение россиян в целом остаётся сложным, а по ряду параметров достигло уровня, представляющего угрозу национальной безопасности. Особенно явно это проявляется в одном из наиболее сложных регионов России — дальневосточном, в том числе и в Хабаровском крае. Здесь в кратчайший период оказалась разрушена вся социально-экономическая инфраструктура, связанная с ВПК и машиностроением. Объём региональных льгот перестал компенсировать неудобства, вызванные отдалённостью от центра страны и сложными географоклиматическими условиями.

Одной из наиболее острых остаётся демографическая проблема. К числу глубинных процессов можно отнести рост смертности и старение населения. Миграционная готовность населения уже несколько лет превышает 70-ти процентный барьер. Велика и реальная миграция населения из региона. Далёкой от оптимальной является и структура расселения жителей региона. Имеют место негативные изменения традиционных семейно-брачных отношений, а также новые для страны и региона явления — «дети улицы» и социальные сироты.

Современный дальневосточный рынок труда характеризуется несовершенной системой оплаты, ограниченной возможностью профессиональной самореализации, сниженной мотивацией к труду. Заработная плата не выполняет роли одного из основных регуляторов

рынка труда. Ситуация усугубляется тем, что к бедным можно отнести и занятое население, преимущественно «бюджетников». Всё это препятствует не только формированию среднего класса, но и в целом решению проблемы бедности.

Профессионально-квалификационная структура населения Дальнего Востока не вполне отвечает задачам ускорения социально-экономического развития региона. Возникла реальная угроза снижения образовательного и кадрового потенциала территорий, в том числе вследствие оттока квалифицированных кадров в другие регионы и за границу.

Население региона проявляет слабую экономическую активность, заинтересованность в труде. По результатам массовых социологических опросов, проводимых в различных субъектах федерации региона, иждивенческие настроения преобладают в сельской местности, охватывают значительный сегмент городского населения. Стремление значительной части населения переложить решение своих проблем на плечи государственных и муниципальных структур ведёт к усилению деструктивных процессов на рынке труда, отвлечению бюджетных ресурсов.

Сегодня в общероссийских информационных каналах, в том числе распространяемых на территории стран АТР, Дальний Восток подаётся как кризисный регион с катастрофической экологической ситуацией и умирающей экономикой. Это создаёт дополнительное социальное напряжение, тормозит приток инвестиций в регион и, в конечном итоге, не позволяет решать насущные социальные проблемы. Давление со стороны более «благополучных» соседей по АТР создаёт особое «напряжение границы», ещё более дестабилизирующее дальневосточную социальную структуру.

В этих условиях возникает вопрос о самом существовании дальневос-

точных территорий России. И решение этого вопроса в рамках традиционной социальной политики, разделённой на отрасли (социальная политика в области здравоохранения, образования, социального обеспечения и т. д.) становится просто невозможным. Более того, в рамках традиционной социальной политики всё острее ощущается невозможность выработки критериев эффективности этой деятельности. Огромные средства государства, корпоративной и частной благотворительности расходуются на не вполне понятные цели, ведущие к не вполне понятным результатам, которые задаются и оцениваются не теми, на кого социальная политика направлена или теми, кто её осуществляет, а не вполне конкретным «федеральным центром».

Мировая теория и практика располагает широким набором моделей благосостояния, определяющих типы социальной политики. Для лучшей ориентации во множестве модификаций можно воспользоваться представленной на рисунке 1 типологией, в основе которой, на мой взгляд, лежат наиболее существенные и важные в практическом отношении признаки. Она разделяет все модели на два типа — «институциональный» и «остаточный». В модели «остаточного» типа государство возлагает на себя лишь те социальные функции, с которыми не справляется рынок. В модели, именуемой «институциональной», объектом социальной политики выступают практически все слои населения. Государство из принципиальных соображений играет решающую роль в выравнивании доходов и богатства населения.

В рамках европейской традиции вопрос о целях социальной политики не относится к числу наиболее обсуждаемых. Но это связано с тем, что осуществление социальной политики опирается на совершенно чёткое, хотя и интуитивное представление общества о «естествен-

Рис. 1. Основания и механизмы моделей социальной политики

ных правах» своих граждан, на мощнейшую руссоистскую традицию, присутствующую в контексте европейской культуры.

Современный (новоевропейский) вариант социальной политики формировался как политика выделенного (привилегированного) социального института или социальной группы, направленная на поддержание условий контракта, существующего в обществе и выступающего основой его организации. Участниками этого контракта выступали экономические субъекты как источник развития, государство как источник гарантий раз-

вития бизнеса, институты гражданского общества как условие существования первых двух участников.

В зависимости от соотношения между участниками социального взаимодействия один из ведущих учёных в этой области, шведский социолог Эспиг-Андерсен [1], выделяет три типа социальной политики: либеральный, социал-демократический и консервативный.

Что для них характерно? Либеральный (рис. 2) — тип социальной политики, в котором выбор устойчиво делается в пользу наиболее нуждающихся. Говоря упрощённо, — помогают бедным, а

Рис. 2. Либеральный тип социальной политики

Либеральный тип социальной политики

- низкий уровень бюрократизации;
- высокая степень разницы в доходах;
- вмешательство государства больше направлено на регулирование рынка, а не на обеспечение и финансирование социальных льгот и выплат.

остальные — решайте свои проблемы сами. Например, если нельзя всем дать бесплатное образование, то дают его только бедным, а остальные — за свой счёт. Пособия или жилищные субсидии бедным, но не субсидирование квартплаты среднеобеспеченным. При этом черта бедности может быть высокой, а политика щедрой.

Другой вариант — социал-демократический (рис. 3), где на деле осуществляется выравнивание уровня жизни индивидов, но оно непременно предполагает высокие налоги даже на не самую высокую зарплату.

Наконец, консервативный тип (рис. 4) — это «распределение по достоинствам», справедливая межгрупповая дифференциация, при том, что справедливость трактуется по-разному и зачастую весьма спорно.

Добавим к трём основным типам социальной политики, вслед за Иммануилом Валлерстайном [2], ещё один — радикальный (рис. 5), связанный с идеей полного перераспределения общественного богатства, включая частную собственность. Этот тип был характерен для Советского Союза.

Следует заметить, что если в Европе основной формой социальной политики стал либеральный и социал-демократический тип контракта, то Российская Империя реализовала консервативный, а Советский Союз — радикальный вариант.

Как бы то ни было, например, если мы говорим, что учителям надо повысить зарплату из уважения к учительскому труду, — это типично консервативный ход мысли. Социал-демократический подход вряд ли предполагал бы привычный для нас акцент на особый статус учителей. Конечно, вопрос об их оплате никто бы не игнорировал. Но этот вопрос оказался бы растворённым в широчайшем контексте выравнивания условий

жизни всех граждан: заслуженных и не очень, образованных и необразованных, работающих и неработающих и т.д.

При либеральном подходе социальной проблемой тут оказалось бы предотвращение бедности учителей. А их зарплатой необходимо заниматься так, как занимается зарплатой любой работодатель: надо платить столько, сколько диктует рынок труда работников данной квалификации. Это скорее экономический, чем собственно социальный подход. И он означал бы, что при установлении оплаты учительского труда в Хабаровском крае во внимание принималась бы средняя оплата труда в регионе, а всё, что касается зарплаты учителей в Москве, не имело бы особого отношения к делу. Конечно, здесь сильно спрямлена логика каждого из подходов, в реальной жизни используются некие гибридные схемы.

Следует заметить, что отечественные работы по социальной политике базируются в основном на социал-демократическом и либеральном подходах. Причём первый встречается гораздо чаще, условно говоря, где-то в пропорции 8 к 2. В то же время, правительственные программы у нас прописаны в типично либеральных терминах: максимальный рост ВВП плюс борьба с бедностью, а реализуемые национальные проекты — типичный консервативный подход.

Более того, социологические опросы, да и собственный жизненный опыт подсказывают, что в стране доминирует тяга к консервативному подходу. Большинство жителей Хабаровского края, а именно: 75 %, по нашим опросам, считают, что помочь врачу, учителю или заслуженному пенсионеру гораздо важнее, чем бомжу или алкоголику.

Идеология всероссийского, общенационального абстрактного выравнивания уровня жизни или преодоления нужды понятна и вполне может приветс-

Рис. 3. Социал-демократический тип социальной политики

Социал-демократический тип социальной политики

- высокий уровень бюрократизации;
- степень стратификации небольшая;
- финансирование, регулирование, обеспечение социальных льгот осуществляются при прямом вмешательстве государства.

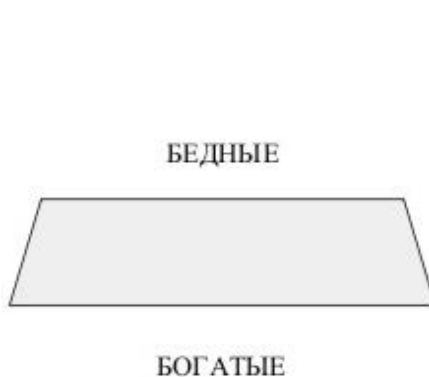
Рис. 4. Консервативный тип социальной политики

Консервативный тип социальной политики

- высокий уровень бюрократизации;
- ярко выраженная стратификация по уровню дохода и социальному статусу;
- вмешательство государства заключается больше в строгом регулировании убыточных предприятий, чем в прямом государственном социальном обеспечении.

Рис. 5. Радикальный тип социальной политики

Радикальный тип социальной политики

- высокий уровень бюрократизации (особенно в политике снижения цен на продукты и жилье);
- государственное регулирование всех сфер жизни;
- ограничение стратификации;
- преобладающая роль социальных производственных отношений.

твоваться и научно обосновываться. Но она плохо накладывается на существующую картину различий и доминирующих ожиданий. И самое неприятное в этой связи — имеющие место в нашей стране острые социально-экономические и этнокультурные различия, которые блокируют общенациональную солидарность. Проблема в том, что, не замечая их, вряд ли удастся сформулировать и реализовать какой-либо осмысленный курс социальной политики. В огромной стране, живущей очень по-разному, в не слишком сплочённом обществе прямолинейность в трактовке социальных проблем обрекает их на неэффективные решения.

Для успеха национальной социальной политики недостаточно только ресурсов и организации, необходима общепризнанность выбранного приоритета. А в неодинаковых российских регионах социальные приоритеты не совпадают.

Что действительно может и должно составлять общенациональные приоритеты в социальной политике — это, прежде всего, чёткое формулирование «правил игры» между государством, корпорациями и обществом, между федерацией, регионами и местным самоуправлением. Без здоровых «правил игры» немислима эффективная децентрализация.

В такой стране как Российская Федерация максимум возможностей по реализации социальной политики должны быть представлены локальным общностям. Имеются в виду не только ресурсные возможности, но и самостоятельность в идентификации приоритетов и выборе средств решения проблем.

В то же время, не нужен мораторий и на федеральную социальную политику. Безусловно, должны и будут существовать политические, фискальные и управленческие ограничения, которые лимитируют децентрализацию.

Следует заметить, что в современной России социальное устройство государства не соответствует классическим стандартам. В силу этого прямое заимствование существующих форм или концептуализации социальной политики как гашение наиболее острых социальных пожаров, неприемлемо. Всё более ощущается потребность в проведении социальной политики нового типа. В подавляющем же большинстве научных работ, посвящённых этой теме, социальная политика в аналитических традициях нового времени фактически распадается на ряд автономных отраслей (здравоохранение, образование, социальное обеспечение и т. д.). Каждая из этих отраслей развивается по своим принципам, не вполне соотносясь со смежными сферами. При этом утрачивается определённость самого феномена, утрачивается главный смысл социальной политики — конструирование желательного состояния общества.

Отталкивались от понимания социальной политики как единого, целостного явления, стремясь перейти от анализа к синтезу, возникает потребность в ином, интегрированном, понимании социальной политики. Под социальной политикой, в логике этих рассуждений, понимается политика выделенного (привилегированного) социального института или социальной группы, направленная на поддержание условий контракта, существующего в обществе и выступающего основой его организации, процесс конструирования желаемого состояния социальной системы.

Обретение смысла социальной политики как целостного явления возможно только при определении целевых установок развития общества (политического смысла). Особенно явно этот момент проявляется на Дальнем Востоке России, где политический смысл (форпост Европы в Азии) всегда преобладал над

иной (экономической, социальной и т. д.) целесообразностью.

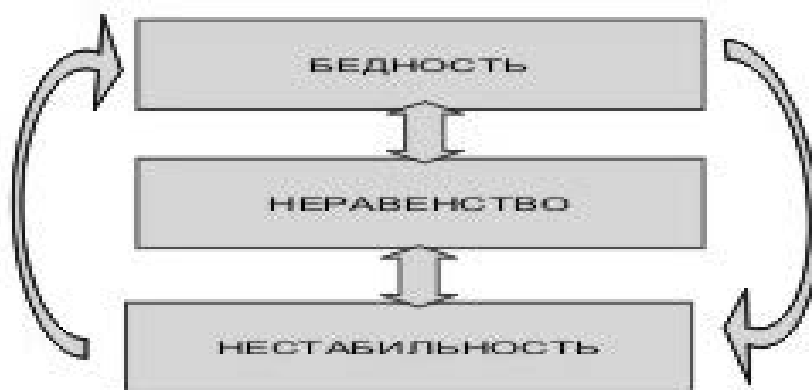
Во все времена целостность Российского государства поддерживалась единой государственной идеологией (религиозно-монархической или коммунистической) и необходимостью защиты от общего врага. Оторванность дальневосточных территорий от центра особенно ярко проявились в последние 15 лет. Оказались разрушенными экономические связи территории с другими

регионами страны, стоимость проезда не позволяет большей части населения видаться с родственниками, проживающими в центре страны, просто побывать в столице.

В науке выделяют три взаимосвязанных аспекта основных социальных проблем — бедность, неравенство, нестабильность (рис. 6).

Основываясь на мониторинге социального самочувствия жителей Хабаровского края, проводимого НП

Рис. 6. Основные аспекты социальных проблем

«Дальневосточный институт социально-политических исследований» (Ярулин И.Ф., Бляхер Л.Е.) есть основания утверждать, что в настоящее время для большинства населения региона наибольшее значение имеет проблематика нестабильности.

На фоне позитивных изменений в самооценке людей своего материально-

го положения именно проблемы нестабильности (экология, страх за будущее детей и т.д.) выходят на первый план. В таблицах 1, 2, 3, 4* приведено распределение ответов респондентов на вопросы, характеризующие социальное самочувствие жителей Хабаровского края.

Не смотря на то, что в последние годы отношение федерального центра

Таблица 1

Оцените жизненный уровень Вашей семьи

Живем в полном достатке — 11,9 %	Живем вполне сносно — 37,2 %
Живем от «зарплаты до зарплаты» — 31,5 %	Не можем свести концы с концами — 7,6 %
Затрудняюсь ответить — 9,9 %	Другое (напишите) — 1,9 %

* Социологический опрос проводился в марте 2008 года; опрошено 1250 респондентов — жителей Хабаровского края в возрасте 18-ти лет и старше; многоступенчатая, районированная, соответствующая половозрастной структуре населения края выборка; погрешность 3,5 %.

Таблица 2

Как вы оцениваете в целом изменение своего материального положения за прошедший год?

Значительно улучшилось — 6,4 %	Отчасти улучшилось — 21,9 %
Значительно ухудшилось — 8,8 %	Отчасти ухудшилось — 12,5 %
Осталось без изменений — 50,5 %	

Таблица 3

Какие проблемы окружающей жизни волнуют Вас больше всего?

ПРОБЛЕМА	РЕЙТИНГ
Постоянный рост цен	51,9 %
Загрязнение окружающей среды со стороны КНР	48,7 %
Страх за свое будущее и будущее детей	27,0 %
Рост преступности	25,6 %
Состояние жилищно-коммунального хозяйства	24,4 %
Получение доступного качественного медицинского обслуживания	18,0 %
Безработица	12,0 %
Взяточничество в органах власти	9,0 %
Отсутствие нормального жилья	8,1 %
Получение достойного образования	7,9 %

Таблица 4

Не возникало ли у Вас или у Ваших близких в последнее время желания переехать на постоянное место жительства в другой регион?

Да, мы собираемся уехать в ближайшее время — 4,3 %	Такой вариант рассматривается — 14,8 %
Уехали бы, да некуда — 21,4 %	Такого желания нет — 43,5 %
Затрудняюсь ответить — 16,0 %	

к региону изменилось (планируются серьезные государственные инвестиции в инфраструктуру и социальную сферу региона, повысилась экономическая активность бизнеса) в осознании дальневосточников регион по-прежнему является опасной для проживания территорией.

Социальная политика на Дальнем

Востоке России во все времена, начиная с XVII века, отличалась большим своеобразием. Прежде всего, это была социальная политика на осваиваемой территории. Этим определялось её важнейшее направление — привлечение населения. Природно-климатические условия на территории, в целом, были более суровыми,

нежели в европейской части страны. Социальные условия хуже, и транспортная инфраструктура беднее, чем, скажем, в Западной Сибири. Эти обстоятельства диктовали необходимость значительных льгот для приезжего населения. Только их наличие делало регион привлекательным для переселения. Ведь если узкая полоса вдоль Амура и Южное Приморье ещё были относительно комфортными для проживания, то северные районы не предполагали использования российского опыта организации хозяйства. Важной особенностью социальной политики в регионе выступил проточный способ организации социального пространства, связанный с развитием сетевых структур и обменом простейшими жизнеобеспечивающими услугами. И, наконец, особенностью можно считать государственный характер переселения.

Дальний Восток России представляет собой особый тип организации социального пространства — проточное пространство. Под проточным пространством понимается такое пространство, где постоянно наличествуют входящие и исходящие демографические потоки при слабой сформированности регионального ядра. Основой проточного пространства оказывались простейшие сетевые структуры, базирующиеся на системе обмена витальными ценностями. Субъект (и властвующий, и подвластный) не обладал целостностью и автономностью. Только в рамках системы обмена он обретал завершенность. Эти системы и составляли ядро социума. Взаимоподдержка в рискованных обстоятельствах, обмен услугами, дарение выступали здесь не как элементы традиционного общества (общины), но как важнейший компонент устойчивости при постоянной модернизации. Огромная, разветвлённая социальная сеть становилась условием выживания дальневосточника. Эти сетевые структуры заменяли общинные образования, их

основной задачей было помочь человеку выжить в сложных условиях, совершить материальные накопления для будущей жизни в другом, более «родном» регионе страны. Каждый вновь прибывший немедленно включался в эту сеть. Наличие подобных сетевых структур отмечается в советские и постсоветские годы на всей территории России. Но социальные сети на Дальнем Востоке имели определённую специфику.

Во-первых, они включали в себя огромное количество акторов. Обычно размер социальной сети достаточно жёстко ограничен. Поскольку условием вхождения в сеть является участие в рискованных обстоятельствах всех её членов, то в слишком большой сети риски начинают превышать выгоды от участия в сетевом взаимодействии. Эмпирические исследования позволяют определить средний размер такой сети в 9—12 участников. В Хабаровском же крае размеры сети доходили до 30—40 участников. Более того, каждый актор входил в несколько сетей, предоставляя совокупный сетевой ресурс в пользование всем участникам взаимодействия. Складывалась некая сверхсеть или несколько сверхсетей. Крайняя неравномерность заселения региона (подавляющее большинство проживало в нескольких крупных городах) приводила к тому, что сети, пересекаясь, покрывали всё региональное пространство. Двигаясь по сетям, можно гораздо легче «решить проблему», компенсировать рискованные обстоятельства, нежели используя легальные каналы. Точнее, неофициальные и официальные каналы срастались, подвергаясь взаимной модификации, приспособляясь друг к другу. Приватное и публичное не разделялось явно, а перетекало одно в другое.

Во-вторых, собственно официально-легальные институты принимали откровенно иммитационную, симулякрную форму, выступая как способ презента-

ции сети и характер сетевого ресурса. В силу этого, смена официальных приоритетов (имен) не имела фатальных последствий. Не столь важно: мы добываем серебро, строим Транссиб или создаём оборонно-промышленный потенциал страны. Не принципиально, кто стоит во главе территории: генерал-губернатор, секретарь крайкома КПСС, глава администрации или кто-то ещё. Важно, что сеть сохраняет свою функциональность, защищая и страхуя своих участников. Менялась во времени лишь презентация, оставляя сетевую сущность в неприкосновенном виде.

В-третьих, не столь принципиален был и персональный характер участников. Община оказывалась лишённой личностной окраски, деперсонифицированной. Важными оказывались функции агента в рамках сетевой структуры. Его личные ценностные пристрастия и нормы поведения «откладывались» на потом.

Такая особенность делала проточную общность устойчивой к смене состава жителей региона. Столь же безразлична она была и к тому, что каждый из этих жителей являлся носителем иных культурных традиций. Проточная общность по определению не нуждается во «внешнем враге», поскольку не имеет никакого «внутри». Она существует постольку, поскольку постоянно пополняется. На Дальнем Востоке в годы гражданской войны мирно действовал «советский» и «белогвардейский» союзы писателей, Дума и Совет рабочих депутатов. Наличие различных форм презентации не нарушало целостности сети. Ведь «большевик» и «белогвардеец» вполне могли входить в одну и ту же сеть. Редкие для региона случаи массового насилия проводились только тогда, когда в проточную общность вторгалась организованная чужеродная масса (японская армия, революционные матросы из Питера и т. д.). Они не протекали, а завоёвывали.

Потому не включались в проточную общность, а уничтожали её.

В советские годы здесь, как и на любой окраине империи, уютно пережидали очередные кампании по борьбе с космополитизмом, буржуазным уклоном и т. д. Все волны политического насилия благополучно гасились «проточностью». Но... в 90-е годы XX века исчезает сама проточность. То, что было несомненной данностью не одно столетие, исчезает. Новая общность на его месте не рождается. Остаётся огромная территория и люди на ней, лишённые какого-либо основания для общения друг с другом. Традиционные приоритеты социального пространства региона («форпост России») и социальной политики оказывались несущественными.

Период господства монетаризма и линейно понимаемой «экономической выгоды» привёл к тому, что дальневосточные производства стали восприниматься как нерентабельные. Соответственно, они официально становились не имеющими смысла и права на существование. Они более энергоёмки, сопряжены с большими транспортными расходами, ориентированы на оборону, необходимость в которой, как казалось, отпала. Поскольку подавляющее большинство населения было занято именно в этих отраслях, то возникает массовая невостребованность специалистов. Предприятия-гиганты, выступавшие субъектами социальной политики, стремительно «сбрасывают социалку». Но главное — под вопросом оказывается сама «потребность в Дальнем Востоке». Не «первые лица», но ближний к ним круг озвучивают эти сомнения. Они получают легитимацию в научно-философских исследованиях и т. д. Отчасти это объясняется спецификой географической ориентации России, «лицом к Европе». Именно Европа, «европейский дом» оказывается тем пространством, куда Россия стремится попасть. Азиатская часть страны

начинает восприниматься как досадная помеха в этом процессе. В лучшем случае ресурсы русской Азии выступают как инструмент «торга» при вхождении в Европу.

В истории зафиксирована только одна серьезная попытка России определить себя в Азиатском пространстве — политика начала XX века. Даже «Шанхайский процесс» не привёл к новациям в отечественной внешней политике. Только в самое последнее время Дальний Восток вновь попал в число приоритетных регионов. В результате жители региона лишаются важнейшего принципа самоидентификации — самоидентификации с территорией, «малой родиной». Как альтернатива традиционному механизму идентификации через идею «форпоста России» на Тихом океане возникает антикитайская идея. Формируется устойчивая идентификация: мы — те, кто не любит и боится китайцев, те, кто лучше их, но, по непонятным причинам, беднее. Мы — хорошие, они — плохие.

Дальневосточник как антикитаец оказывается наиболее эффективной идентификацией. На сегодня всё более формируется образ, вобравший в себя и исходный образ региона-крепости, и образ первопроходцев, и многие другие. Согласно ему, российский Дальний Восток — оплот европейской культуры в Азии, «передовая» столкновения цивилизаций. Это проявляется и на уровне бытового поведения, и в политических заявлениях, и в предвыборных платформах. Однако этот тип идентификации может быть отнесён к варианту кризисной, компенсаторной идентификации. Образ крепости без поддержки извне не создаёт устойчивого сообщества, не соответствует новым задачам региона и страны в процессе интеграции в АТР. Отток населения из региона продолжается. Для преодоления этого оттока и возникает необходимость в активной социальной политике, которая,

в отличие от традиционной концепции всеобщего благоденствия и «выравнивания», направлена на конструирование социального пространства.

Применительно к этим условиям разработана «рамочная» модель социальной политики (таблица 5).

В рамках этой модели каждый вышестоящий уровень не детерминирует нижестоящий, а задает «рамку» его деятельности.

Рассматривая население в качестве субъекта социальной политики, следует заметить, что человеку в условиях динамично изменяющейся экономической и социокультурной среды для того, чтобы реализовать свои жизненные стратегии, которые устраивали бы и человека, и государство, и общество, прежде всего, необходимо быть жизнеспособным.

В общеметодологическом плане «жизнеспособность» выражает способность целостной системы к устойчивости, к сохранению своих функций в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды. Применительно к человеку «жизнеспособность» характеризует возможность индивида при изменившихся социальных условиях, особенно в периоды резких социально-политических, экономических и других изменений, осваивать социальные функции, соответствующие новым требованиям социума.

Жизнеспособность можно рассматривать как имеющийся у человека потенциал (ресурс) биологической, психологической и социальной активности, необходимый для его существования и развития в определённой социальной и экономической среде.

В этом контексте биологическая активность определяется физическим здоровьем человека, обеспечивающим его возможность трудиться и воспроизводить здоровое потомство.

Психологическая активность обуславливается основными мировоззренчески-

«Рамочная» модель концептуализации социальной политики

Субъект социальной политики	Действия субъекта	Источники действий
Государство (федеральный центр)	Определяет и обеспечивает единые минимальные социальные стандарты, реализацию установленных социальных гарантий, соблюдение социальных прав граждан независимо от возможностей региона. Формулирует генеральное направление развития, смысл территории. Реализует специальные федеральные региональные программы, направленные на решение конкретных социальных проблем, важных на национальном уровне.	Конституция РФ. Федеральные законы и программы. Государственный бюджет и государственные социально-страховые фонды.
Субъект федерации	Организует реализацию федеральной социальной политики. Осуществляет корректировку основных направлений федеральной социальной политики в соответствии с региональными особенностями протекания социальных процессов. Устанавливает и реализует региональные социальные гарантии, расширяющие федеральные. Координирует усилия нижестоящих субъектов. Разрабатывает региональные социальные программы открытого типа, направленные на повышение стартовых возможностей и жизненных шансов людей, проживающих на территории, на формирование их готовности к современным продуктивным формам мобильности: и, прежде всего, образовательной (определение будущего социального и профессионального статуса), социокультурной (определение будущего образа жизни), территориальной (определение дальнейшего места проживания).	Основные направления социальной политики субъекта Федерации. Региональный бюджет.
Местное самоуправление	Реализует региональную социальную политику на местах. Регулирует развитие социальных процессов в рамках отдельных городских округов, муниципальных районов и поселений. Разрабатывает и реализует собственные социальные программы. Создает условия для самоорганизации населения в рамках значимых социальных программ и проектов.	Местные программы социальной политики. Местный бюджет.
Предприятия (корпорации)	Стимулируя работников к внесению максимального трудового вклада, предлагает ему различные виды социальных гарантий (дополнительные: пенсионное обеспечение, оплата медицинских, рекреационных, образовательных услуг и др.). Участвует в реализации социальных программ на региональном и муниципальном уровнях. Занимается благотворительностью.	Корпоративные социальные программы. Финансовые средства предприятий и корпоративных социальных фондов.
Население, объединения граждан	Определяет и реализует жизненные стратегии, формы социальной мобильности, собственный образ жизни. Интегрируется в экономическую и социальную структуры. Принимает участие в реализации социальных программ или блокирует их продвижение.	Личностная мотивация. Финансовые средства домохозяйств.

ми установками личности, которые задают жизненные цели и ценности, делают жизнь осмысленной, сознательной и целесообразной, а также наличием у чело-

века устойчивой мотивации к социальной активности и личностных качеств, позволяющих ему самостоятельно действовать и находить выходы из трудных жизненных

ситуаций.

Социальная активность личности проявляется в способностях успешно интегрироваться в производственно-экономическую, социально-политическую, духовно-культурную и социально-бытовую жизнедеятельность общества.

На основании представленных выше рассуждений можно предположить три варианта развития социальной политики в регионе: оптимистический, оптимизирующий и пессимистический. В первом варианте Россия определяет себя как Евразийскую державу, а регион как «окно в Азию». И направление социального конструирования, и политический смысл региона здесь очевидны. Столь же понятны принципы социального конструирования и социальной политики. Несколько иначе обстоит дело в оптимизирующем варианте, где Россия определяет себя в рамках Европы, европейского «центра силы». Социальная политика региона здесь не наделяется всеобщим политическим смыслом, а обретает этот смысл самостоятельно. Соответственно, вместо целостной «рамочной» структуры возникает несколько автономных ярусов, не вполне согласованных друг с другом. Здесь эффективность социальной политики снижается. Разные уровни вынуждены осуществлять самостоятельные задачи без поддержки вышестоящего бюджета при, так сказать, негативном воздействии нижестоящих ярусов. Дело здесь в том, что для каждого вышестоящего яруса задачи нижестоящего представляются «производлом на местах».

В третьем, пессимистическом, варианте сохраняется существующее положение.

Здесь социальная политика теряет свой смысл и становится, своего рода, социальным МЧС. Её единственная задача — уберечь регион от социального взрыва. Эту ситуацию мы и наблюдаем сегодня во многих субъектах федерации Дальнего Востока России, да и не только Дальнего Востока. Это вынужденная и неизбежная реакция на отсутствие целостного видения будущего страны, а значит, — будущего региона. Стремление осуществлять целостную социальную политику рассматривается центром как попытка узурпации его прерогатив, притом, что сам центр такой политики не формулирует.

Региональная социальная политика — важнейший инструмент конструирования социальной реальности. Сегодня от успешности её осуществления зависит само существование Дальнего Востока — форпоста России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, российского «окна в Азию». Более того, поскольку приоритеты внешней политики России всё более смещаются в сторону АТР, развитие Дальнего Востока России становится государственным приоритетом. Для того, чтобы региональная социальная политика была успешной, необходимо осознать то обстоятельство, что Россия состоит из очень различных в экономическом, социальном и культурном отношении регионов. Каждый из них нуждается в особом, индивидуальном подходе. В противном случае социальная политика, направленная «в среднем» на всех, окажется политикой ни для кого. Но разумная и долговременная социальная политика должна опираться на чётко понимаемые приоритеты.

Список использованной литературы

1. Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge : Polity Press, 1990. P. 9—34.

2. Валлерстайн, И. Конец привычного мира / И. Валлерстайн. — М., 2003. — 367 с.

Социокультурная реальность

Воробьёва Клариса Ивановна,
ректор Дальневосточного института
психологии и психоанализа, доктор
психологических наук, профессор
Лукьянова Елена Леонидовна,
доцент кафедры специальной и
дошкольной педагогики и психологии
Благовещенского государственного
педагогического университета,
кандидат психологических наук

Особенности этнического бессознательного

Теоретические положения К. Юнга, Ф.В. Бассина, Д. Узнадзе, А.А. Налчаджяна и других позволяют предположить, что этническое бессознательное является составляющей частью коллективного бессознательного. Это реально существующий феномен, проявление которого можно наблюдать через стереотипные поведенческие реакции, национальные личностные особенности представителей конкретных наций. Этническое бессознательное идентично у представителей одного этноса и образует основание для психической жизни каждого.

Феномен коллективного бессознательного описывался с глубокой древности, но именно К.Г. Юнг вносит определённую ясность в трактовку названного понятия. Коллективное бессознательное у К. Юнга представляет собой систему установок и типичных реакций, незаметно определяющих жизнь человека. Это — скрытые следы памяти человеческого прошлого: расовая и национальная история. Именно в коллективном бессознательном сконцен-

В статье представлен анализ исследований взаимосвязи феномена бессознательного с национальными особенностями, в частности доказано, что для представителей различных этносов характерен определённый набор защитных механизмов

трированы все архетипы. Архетип К. Юнг определял как один из элементов структурно и схематически очерченный, являющийся частью более обширного психического пространства структуры коллективного бессознательного. В описаниях архетипов, сделанных К. Юнгом, преобладают следующие темы:

— личностное развитие и личная самореализация (по К. Юнгу — индивидуализация);

— социальная иерархия;

— социальные, возрастные роли и модели психосексуального поведения человека;

— взаимоотношения человеческого сознания и бессознательного [8].

Вводя понятия «архетип» и «коллективное бессознательное», К. Юнг пытался рассмотреть природу бессознательного не только в биологическом плане, а с точки зрения символического обозначения и схематического оформления структурных представлений человека. Именно в этом проявились теоретические расхождения с фрейдизмом: К. Юнг был противником исключительно сексуальной трактовки психической энергии, считал, что инстинкты имеют не биологическую, а символическую природу [7].

Однако ему не удалось избавиться от биологического подхода, так как продукты, которые он определяет, оказываются внутренними продуктами психики, представляя наследственные формы и идеи всего человеческого рода. Разница между теоретическими построениями З. Фрейда и К. Юнга заключается в том, что наследственным, а, следовательно, и биологическим материалом для З. Фрейда были сами инстинкты, предопределяющие мотивы деятельности человека, а для К. Юнга — формы, идеи, типичные события. Механизм биологической предопределённости и наследственности сохраняется как в том, так и в другом случаях, хотя действует на разных уровнях человеческой психики.

С помощью теории «комплексов» К. Юнг также попытался глубже проникнуть в механизм бессознательного, выявить сложные взаимоотношения между сознательными и бессознательными процессами психики, роль бессознательных влечений в формировании поведения человека. Но эта концепция «комплексов» мало чем отличалась от теории вытеснения бессознательного, разработанной З. Фрейдом.

Тем не менее, на наш взгляд, архетипы наконец-то дали научное обоснование той устойчивости и повторяемости мировоззренческих и поведенческих стереотипов различных народов, которые отмечали многие учёные ещё задолго до К. Юнга. А относительная структурность в понимании коллективного бессознательного, внесённая К. Юнгом открыла науке новые горизонты в изучении особенностей, культуры исторических общностей.

Специальных работ, посвящённых изучению бессознательного исторических общностей нет, поэтому в рамках нашего исследования очень важно рассмотреть некоторые положения из теории этногенеза Л.Н. Гумилёва. Ему прежде всего удалось продемонстрировать то, что этнос не является состоянием, а представляет собой процесс, который закономерно протекает в историческом времени.

Именно Л.Н. Гумилёвым отмечено, что этническая принадлежность всегда отражается в сознании, но не является продуктом сознания. То есть она не является конструируемой человеком формой идентификации с тем или иным коллективом, а находится в сфере бессознательного, представляя собой скорее природный феномен. На сознательном уровне глубинные бессознательные комплексы проявляются, по мнению Л.Н. Гумилёва, в ощущении комплиментарности — подсознательной взаимной симпатии людей, определяющей деление на «своих» и «чужих».

В целом, Л.Н. Гумилёву удалось очень подробно разработать категорию этноса и

показать его место в природе и истории. Автором дано следующее определение: «Этнос — устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени» [2].

Ни один из объективных критериев (язык, культура, вероисповедание, антропологический тип и т.п.), по мнению Л.Н. Гумилёва, не является однозначно определяющим этнос. Универсальным критерием отличия этносов между собой может служить только стереотип поведения, который является динамической составляющей (может изменяться в ходе исторического развития). Стереотип поведения передаётся по наследству, но не генетически, а через механизм сигнальной наследственности. Сила этнического стереотипа поведения огромна, потому что члены этноса воспринимают его как единственно достойный, а все прочее — как «дикость». Стереотип поведения складывается в процессе адаптации этноса к окружающей среде и особенно ярко проявляется в экстремальных условиях. Следовательно, проявления этнического бессознательного мы можем проследить в закономерных поведенческих реакциях представителей разных этносов в различных экзотических ситуациях.

В.Г. Бабаков поведение этнофоров (вслед за ним под этнофорами мы будем понимать представителей крупных наций) в стрессовых ситуациях свёл к трём типам.

Первый тип — это попытка вырваться из ситуации, разрушить её, активно воздействовать на внешние обстоятельства так, чтобы элиминировать их влияние, радикально сменить их [1]. В определённых обстоятельствах такое поведение может быть успешным, если у человека есть «программа» для построения новых условий и действия в них. Однако если в сложной среде деятельность направлена

только на разрушение или полную трансформацию, результаты таких действий людей лишь увеличивают проблемы. Смена условий требует заново приспособиться к ситуации, а для этого необходимы новые затратные усилия. Разрушение условий добавляет в ситуацию неупорядоченность, неопределённость, а, следовательно, увеличивает психическую напряжённость её участников.

Второй тип — это пассивное отстранение от решения проблем. Человек примиряется с мыслью, что ситуация неразрешима, отстраняется от каких бы то ни было действий, связанным с её изменением.

В подобных случаях люди склонны предаваться фантазиям, мистическим переживаниям, уходить в размышления о далёком прошлом и будущем. Такое поведение позволяет занять выжидательную позицию. Но тем самым человек поддерживает проблемную ситуацию, ощущает её бессознательно, то есть напряжённость полностью не снимается. Кроме того, самоизоляция не спасает человека от воздействия внешнего мира, который продолжает развиваться «без него». А это означает, что в динамичных условиях элементы среды множатся и меняются, но человек не контролирует их место в ситуации, и потому последняя постепенно теряет для него смысл.

Третий тип свойственен людям, для которых ситуация оказывается субъективно напряжённой, но переносимой, и они ориентированы не на разрушение или избегание, а на изучение или «диалог» с ней. Активизирующееся в этом случае внимание или интерес к решению проблемы позволяет людям контролировать достаточно широкое поле своего окружения и в то же время отвлекаться от излишних сомнений и агрессивных побуждений. Представители этого типа личности не стараются «отделаться» от ситуации, но проявляют намерение попробовать жить в ней. Человек старается найти возможность «сконстру-

ировать» свои отношения с имеющимися элементами окружения, выделяя наиболее устойчивые как своего рода «правила игры», которые следует принимать как исходные данные, а не пытаться их сразу разрушить или игнорировать. Ориентация на такое изменение ситуации проявляется в структурировании — шаг за шагом — последовательного решения проблемы. Этот тип поведения личности в стрессовой ситуации назван Э.А. Орловой «конструктивным». Именно этот тип личности склонен находить выход из стрессовых ситуаций [1].

Соответственно, если сравнить различные поведенческие реакции этих типов личности в стрессовых ситуациях с бессознательно проявляющимися механизмами психологической защиты, то можно предположить, что существуют типы поведенческих реакций, состоящих из определённого набора защитных механизмов, принадлежащих представителям различных этносов, о чём свидетельствуют исследования С.В. Лурье, А.А. Налчаджяна.

Работы А.А. Налчаджяна интересны тем, что он стремится приложить различные известные защитные механизмы психологической защиты не к отдельным личностям, как это обычно делалось до него, а к этническим группам, то есть к взаимосвязанным коллективам людей.

На этническом уровне психологическую защиту он рассматривает как способ ликвидации рассогласований между этнической картиной мира и реальностью, так как в процессе межэтнических контактов люди постоянно сталкиваются с новой информацией, которая может поколебать их этническую картину мира и, как следствие, привести к утрате позитивной этнической идентичности, а психологические защитные механизмы позволяют избегать деструктивных тенденций и поддерживать целостность этнической системы [4].

В критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психоло-

гической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом в похожей ситуации дали возможность пережить её с наименьшими потерями. Активизация системы психологической защиты этноса — результат взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого содержаний этничности при наличии реальной или воображаемой оппозиции в лице другого этноса [4].

Как психологическая защита может расцениваться любое поведение, устраняющее психологический дискомфорт, связанный с низкой самооценкой, тревогой, страхом и так далее, но при этом, отмечает А.А. Налчаджян, необходимо отличать этнические защитные механизмы и личностные.

Под этническими защитными механизмами он предлагает понимать лишь такую деятельность индивида, которая направлена на сохранение позитивного этнического образа и, как следствие, на поддержание целостности этнической системы. А, например, отказ от этнической идентичности и добровольная ассимиляция являются защитным механизмом конкретной личности.

Он предлагает выделять два уровня этнозащиты: а) глобальный, осуществляемый крупными блоками культуры и другими средствами и б) специфический, осуществляемый с помощью специальных защитных механизмов и их комплексов [4].

На глобальном уровне средством защиты этноса является вся его культура. Так, например, А.А. Налчаджян считает, что когда этнодифференцирующих признаков между контактирующими этносами остаётся всё меньше и меньше, один из этносов, чтобы избежать ассимиляции, может актуализировать существующие в латентном состоянии традиции. Одним из самых древних и эффективных защитных механизмов любого этноса является его язык. Исходное свойство человеческой

речи — это выполняемая словом функция внушения (суггестия). В древности, чтобы противостоять суггестии и сохранять свою психологическую уникальность, люди уходили на недостигаемые территории. Затем происходило рождение более специфических средств контрсуггестии. Если невозможно вовсе не слышать звуков речи, можно их не понимать, перекрыть фильтром. То есть непонимание защищает человека от суггестии. Параллельно появлялись средства «сознательного» непонимания (например, различные эмотивные реакции). Таким образом, контрсуггестия становится непосредственным психологическим механизмом осуществления всех изменений в истории.

Сформировавшись, язык продолжает функционировать как самоорганизующаяся система, и его структура во многом зависит от взаимоотношений этноса с его соседями. Так, армянский язык заимствовал из арабского 702 слова, из которых в современном литературном языке используется 53. Из турецкого языка в течение веков армянами было заимствовано около 4000 слов, но из них в современном армянском языке не используется ни одно! Таким образом, вражда армян и турок отразилась в языке [4].

Бессознательное и особенно подсознательное этнической группы А.А. Налчаджян определяет как «результат многовековых вытеснений, которые и продолжаются и в настоящее время». Далее он отмечает: «для того, чтобы знать содержание глубоких слоев национальной психики, мы должны исследовать наиболее трудные и неприятные страницы её истории... пересмотреть ложные авторитеты и вспомнить тех людей, которые внесли реальный положительный вклад в национальную культуру, идеологию и т.п., но не были любимцами правителей... иначе говоря, надо выявить тех достойных людей, которых породила данная нация» [5, с. 170].

Считая вытеснение групповым явле-

нием, А.А. Налчаджян не утверждает, что весь этнос единодушно вытесняет какие-то воспоминания и впечатления, а ведёт речь о психической активности тех людей, которые создают культуру и идеологию этноса, отмечая также, что всегда найдутся те, которые не только не вытесняют, но специально запоминают и напоминают другим о неприятных событиях прошлого и настоящего. Учитывая, что по пути вытеснений возникла значительная часть сфер психического склада и психодинамики этноса, необходимо раскрыть вытесненное, преодолеть цензуру, которая находится в глубинах национальной психики [5].

Что бы люди не делали, они должны быть уверены в правильности и справедливости своих действий. Любое действие должно иметь обоснование в психике человека. Такое обоснование всегда позволяют дать механизмы психологической защиты. Значительное место в межэтнических отношениях и в процессах этнической самозащиты данный автор отводит механизму атрибуции — приписывании объекту каких-либо свойств и мотивов. Атрибуция используется этническими группами, в первую очередь, для того, чтобы создать о себе положительное представление, а также приписать отрицательные мотивы противникам. Данный механизм лежит в основе формирования стереотипов.

Частным случаем атрибуции, по мнению А.А. Налчаджяна, является проекция. Её суть заключается в проецировании собственных, но неосознаваемых и потому неприемлемых для своего народа негативных чувств, качеств и особенностей на представителей других этнических групп. Смысл проекции как защитного механизма состоит в том, что отрицательные проекции помогают группе избежать прямого внутреннего контакта с несовместимыми или вызывающими беспокойство психическими содержаниями.

Под рационализацией он понимает «разумное» объяснение неосознаваемых

причин собственных действий, а также своих неудач и поражений. Для оправдания себя люди сочиняют с виду логичные, но, по существу ложные объяснения. Но мотивы и выбор аргументов обычно производятся подсознательно, поэтому рационализация не всегда является сознательным обманом.

Символизация, по А.А. Налчаджяну, — это приписывание всех положительных качеств и намерений, в которых отражаются чаяния и желания большей части этноса, конкретному человеку. Так, сочетание принципа и персоны превращается в символ, ради которого стоит рисковать жизнью. При этом личность исторического деятеля может не обладать нужными качествами, но, если это необходимо, люди приписывают ей нужные черты. Подобная символизация даже не совсем идеальных людей необходима для этнопсихологической самозащиты, усиления положительных аспектов его Я — концепции и идентификации индивидов с этносом. Последняя же часто происходит путём идентификации личности с национальными символами.

Обвинение жертвы он также рассматривает как этнозащитный комплекс, который состоит из нескольких механизмов: 1) проекция обеспечивает то, что агрессор видит свои недостатки в жертве, вне себя; 2) атрибуции обеспечивают приписывание этим людям дополнительных отрицательных качеств; 3) в результате происходит дегуманизация жертвы, что облегчает применение к ней самых жестоких и аморальных мер, способов наказания и контроля; 4) агрессор заранее пускает в ход рационализации для оправдания того, что произойдёт в будущем. Таким образом, становится «очевидно», что будущая жертва виновата и заслуживает наказания. В ходе осуществления этих планов агрессор получает новые факты о «подлости» жертвы, которая ещё осмеливается оказывать сопротивление «справедливым действиям» [4].

Это явление А.А. Налчаджян иллюст-

рирует достаточно ярким примером о том, как в фашистской Германии при создании образа «еврея» именно «еврею» были приписаны все те неприятные черты, которые существовали у немцев, но которые им не нравились. «Еврей» стал противоположной, контрастной идеей, на которую были спроецированы все отвергаемые немцами человеческие черты. Эти процессы создания образа «еврея» протекали параллельно с процессом формирования образа идеального немца. Они-то как раз и показали интересный психологический механизм: спроецировав все свои негативные качества на других и, пытаясь их уничтожить, этнос как бы предпринимает попытку нового рождения, уже без отрицательных качеств. А перед теми, кто вздумает проявлять эти качества, должен стоять пример уничтоженного народа [4].

В периоды обострения межэтнической напряжённости, вплоть до конфликтной стадии, обостряются и психологические защитные механизмы. Повышается избирательность межэтнического восприятия. Усиливаются межгрупповые и уменьшаются внутригрупповые различия. В фокусе внимания остаётся информация, которая подтверждает уже имеющиеся негативные стереотипы, а не подтверждающая их информация отбрасывается. Стороны конфликта совершают насилие, проявляют жестокость, но каждая из них обвиняет в этом другую, считая свои действия ответом на агрессию противника. Всё негативное, что сделали представители своего этноса, автоматически вытесняется (ещё один психологический защитный механизм) из сознания, а раз «это сделали не мы», то в этом обвиняется другая сторона. Создаётся представление, будто враг всегда более жесток и коварен, а вот мы — жертвы, только пытаемся дать им отпор. Причём механизмы психологической защиты приводят к тому, что такое мнение является абсолютно искренним, и поколебать его практически невозможно никакими факта-

ми [4].

Как этнозащитный механизм А.А. Налчаджян рассматривает и стремление этноса обрести государственный суверенитет, или автономию, внутри государства. Достижение этой цели позволяет этносу стать полноправным субъектом международного права. Этнос, обретший государственность, получает в глазах мирового сообщества законные права на защиту своей территории и населения. Естественно, что защитные процессы, связанные с суверенизацией, обостряются, если этнический коллектив переживает чувство страха, опасности (реальной или мнимой) или подвергается притеснениям.

Этнозащитными механизмами также, по мнению А.А. Налчаджяна, являются эндогамные браки, юмор, агрессия, «парадоксальное гостеприимство» и многие другие действия. В целом же, необходимо отметить, что защитные механизмы, оказавшись эффективными, закрепляются в памяти людей и в культуре (традиции, ритуалы и т.п.), а их воспроизводство обеспечивает защиту и адаптацию этноса в сходных проблемных ситуациях. Более того, такие комбинации становятся устойчивыми блоками этнического характера, и поэтому их раскрытие и описание может стать вкладом в этническую характерологию.

Для выявления особенностей функционирования механизмов психологической защиты у выпускников вузов России и Китая, живущих в приграничных районах Дальнего Востока, был использован тест-опросник LIFE STYLE INDEX, разработанный Р. Плутчиком в соавторстве с Г. Келлерманом и Х. Контом, адаптированный и стандартизированный Е.С. Романовой, Р.М. Грановской.

Анализ качественной и количественной обработки теста позволил установить, что наиболее часто используемым, доминирующим у всех обследуемых является механизм «проекция», а самые низкие по-

казатели — по использованию механизма «замещение». В остальном у представителей каждой этнической группы — свой набор защитных механизмов. Так, у российских выпускников последовательность защитных механизмов следующая: «проекция», «интеллектуализация», «отрицание», «компенсация», «реактивные образования», «регрессия», «вытеснение», «замещение»; у китайских выпускников — «проекция», «реактивные образования», «вытеснение», «отрицание», «компенсация», «интеллектуализация», «регрессия», «замещение».

Интересным признаётся тот факт, что у представителей разных этнических групп, наиболее часто используемым защитным механизмом является «проекция», а наименее — «замещение». Но существенным отличием является то, что у российских выпускников показатели использования «проекции» сверхнормативные — 7,93 при $p < 0,001$, а у китайских ниже нормативных — 6,21 при $p < 0,01$. У наименее популярного механизма защиты замещения показатели в обеих этнических группах ниже нормативного значения: 1,93 и 2,11 при $p < 0,001$ у русских и китайцев соответственно. Доминирующими механизмами защиты у российских обследуемых являются «проекция», «интеллектуализация», «отрицание», у китайских — «проекция», «реактивные образования», «вытеснение». По всем механизмам защиты показатели превышают нормативные значения, за исключением показателя «проекция» у китайских обследуемых.

Е.С. Романова считает, что проекция упрощает поведение, исключает необходимость в повседневной жизни оценивать свои поступки, следовательно, бессознательный перенос выпускниками неприемлемых собственных чувств, желаний и стремлений на других, способствует перекладыванию ответственности за то, что происходит внутри Я на окружающий мир. Перекладывание ответственности осо-

бенно типично для русского народа. Этим действием снимается внутреннее напряжение, то есть происходит «освобождение» себя от травмирующей ситуации за счёт переноса ответственности на других людей либо обстоятельства. Таким образом, действуя на уровне неосознаваемой установки, этот защитный механизм освобождает выпускников от тревоги, чувства вины, ответственности и, соответственно, приносит облегчение, то есть цель психологической защиты на какой-то промежуток времени достигнута. По отношению к российским студентам доминирование этого защитного механизма и превышение его нормативного показателя выявляет наличие такой национальной особенности как безответственность, так как перекалывание или проецирование ответственности на другое лицо способствует формированию сниженного уровня собственной критичности, желая уходить от конструктивного разрешения собственных проблем, чаще «плыть по течению», обвиняя то людей, то обстоятельства в сложившейся ситуации.

У китайских выпускников проекция выявляет такую особенность как национальное тщеславие, то есть проецирование всех своих «хороших» качеств, в связи с жизнью в «хорошем государстве». В этом были убеждены, по мнению А. Столповской, ещё жители «Срединного государства».

Вторым по частоте использования у российских выпускников выявлен механизм «интеллектуализация»: его показатель превышает нормативное значение 8,62 при $p < 0,001$. У китайских обследуемых он стоит на шестом месте, то есть не является популярным и находится ниже стандартного значения — 3,34 при $p < 0,001$. Следовательно, у российских выпускников неосознаваемый контроль над эмоциями и импульсами обнаруживает выраженную зависимость любой ситуации от её рациональной интерпретации. Также

суеверность русских может быть вполне объяснима с позиции действия этого механизма.

Редкое проявление этого механизма у китайцев обусловлено, скорее всего, тем, что, живя по определённым законам, они не проникают в глубь событий или вещей путём отстранённого обсуждения в абстрактных терминах, а стараются действовать по предписанным правилам, а также тем, что китайцы живут больше разумом, чем чувствами, которые ещё конфуцианской теоретической мыслью рассматривались как вторичные по отношению к природе человеческого существа.

В проявлении этого механизма защиты у русских выпускников можно наблюдать такие национальные особенности как эмоциональность, общительность. У китайцев — эмоциональная сдержанность, практицизм.

На третьем месте у русских и четвёртом месте у китайцев, то есть практически равнозначно, — механизм «отрицание». Но у российских выпускников показатель по данному механизму защиты выше стандартного значения (7,93 при $p < 0,001$) и относится к наиболее популярным механизмам защиты, а у китайских выпускников ниже (4,05 при $p < 0,001$) и не является популярным. Для российских и китайских выпускников действительность в сложившейся ситуации не совсем приятна, и, отрицая существование неприятностей, связанных с невозможностью осуществить собственные желания, побуждения, намерения, российские выпускники стараются снизить степень угрозы путём бессознательно отрицания их существования, поэтому прибегают к отрицанию достаточно часто. Популярность такого способа защиты как «отрицание», возможно, отражается в проявлении таких особенностей русских, как максимализм, храбрость, бесстрашие. Китайцы же, благодаря их природной неприхотливости и выдержке, просто смиряются с ситуацией, поэтому к такому способу за-

щиты прибегают реже.

Механизм «реактивные образования» у китайских обследуемых на втором месте и превышает стандартное значение (5,92 при $p < 0,001$), а у русских он на пятом месте и стандартному значению соответствует. Несмотря на то, что реактивные образования маскируют части личности и способствуют более ригидным реакциям на события, именно этот механизм большинством авторов признаётся как пример успешной защиты, так как устанавливает психические преграды — отвращение, стыд, мораль. Поэтому не случайно именно реактивные образования занимают у китайских выпускников одно из доминирующих положений в наборе защитных механизмов и превышают нормативный показатель, так как развитие этого защитного механизма, по мнению большинства авторов, связывается с окончательным усвоением индивидом «высших социальных ценностей». Для китайцев свойственна жизнь по предписанным социумом правилам. Результатом работы данного защитного механизма у китайцев являются и такие поведенческие реакции как негативное отношение к «неприличным» разговорам, шуткам, фильмам эротического содержания, подчёркнутое стремление соответствовать общепринятым стандартам поведения, вежливость, любезность. Поэтому не случайно в Китае запрещены фильмы, журналы эротического содержания, а также азартные игры. У русских же выпускников данный механизм не является столь популярным, так как они не всегда стремятся жить по правилам, «запретный плод», напротив, становится объектом пристального интереса, большинство часто надеется на «авось», чудо, «счастливый билет». Высокий процент использования китайскими обследуемыми реактивных образований, вероятно, имеет функцию фиксации положительного самоотношения путём выгодного сравнения себя с другими, что также типично для китайского народа.

На третьем месте у китайских выпускников и на седьмом у русских выпускников находится «механизм вытеснение». У русских показатель этого механизма ниже стандартного значения — 4,20 при $p < 0,01$, у китайцев же превышает стандартное значение: 5,88 при $p < 0,001$. В ситуации русских обследуемых при вытеснении защита проявляется в блокировании неприятной, нежелательной информации, которое осуществляется при переводе из воспринимающей системы в память, либо при выводе её из памяти в сознание. В данном случае вытеснение выступает как форма переживания несоответствия своих ожиданий и действительности. Так как условием вытеснения обычно выступает результат сравнения новой информации с идеалом Я, происходит конфликт, в результате которого обследуемые вытесняют неприятную для них информацию, тем самым снимая напряжение и разрешая возникший конфликт. Причём русские выпускники к такому способу защиты прибегают гораздо реже, чем китайские. Китайскими выпускниками этот механизм защиты используется немногим меньше, чем проекция и реактивные образования. Как показали исследования, проведённые нами ранее, у китайских детей 5—7 лет, наиболее часто используемым является механизм «вытеснение». Согласно психоаналитической концепции, ситуацией при работе этого механизма управляет Сверх-Я, и именно Сверх-Я делает индивида «нечувствительным», «слепым», «глухим» к травмирующей его информации, так как при восприятии этой информации возможно нарушение сложившегося равновесия, внутренней согласованности психической жизни.

У китайских обследуемых низкий балл по «замещению» в сочетании с высоким по «реактивному образованию» отражает факт проявления национальной установки на «примерное» поведение, предполагающее отсутствие агрессивности, стремле-

ние следовать общепринятым правилам поведения, скромность, справедливость и т.п.

Механизмы, к которым реципиенты двух этнических групп прибегают реже всего, — это «компенсация», «регрессия», «замещение».

Результаты обследования по методике С. Розенцвейга показали, что у российских выпускников по направлениям реакций преобладают экстрапунитивные ответы — 50 % при стандартном значении 36,2 %, в которых высказываются негативные эмоции по поводу возникшей ситуации, обвиняются и осуждаются окружающие люди. Эти реакции можно отнести к результату работы механизма проекции.

У китайских выпускников преобладают интропунитивные направления реакций — 37,5 % при стандартном значении 35,1 %. В этих ответах признаётся собственная вина, просится прощение, ответы начинаются со слов «извините», «простите». Эти ответы указывают на работу такого механизма как реактивные образования. Преобладание ответов этого направления реакций, скорее всего, связано с такой национальной особенностью как «потеря лица». Учитывая, что это явление социальное, то усвоенные определённые культурно-исторические ценности не позволяют реагировать на любые неприятности неподобающим для китайца образом.

По типу реакций у российских и китайских выпускников преобладают реакции с фиксацией на самозащите (ED). Причём у российских выпускников высказывания, имея личную направленность, направлены на окружающих или находящихся за пределами ситуации людей. У китайских выпускников реплики также имеют личную направленность, но они чаще направлены на самих себя. Выраженность показателя ED характеризует такое свойство личности, как силаслабость Я. Превышения этого показателя нормативного значения у обеих этнических групп обследуемых, а также

превышение реакций E над M и I у русских и M над E и I у китайцев свидетельствует о сильном Я у обследуемых. Сформированность психологической защиты выяснялась путем сравнительного анализа показателей E, I, M, характеризующих направленность реакций ED.

У русских реакций E (5,3) больше, чем I (1,6) и M (3,5). Это означает, что психологическая защита сформирована и может быть определена как защита через агрессию и перекалывание собственной вины на других людей. Их психологическая защита проявляется в виде «осуждения за спиной», сплетен, поддержания дистанции в общении, холодной корректности. У китайских выпускников реакций M (3,9) больше, чем E (2,8) и I (3,7). Психологическая защита в данном случае также считается сформированной и может быть определена как философское отношение к жизни. Они рассуждают по типу «жизнь во всё вносит свои коррективы, идеальных людей в реальной жизни нет, многое от нас не зависит, ко всему нужно относиться спокойнее, на всё смотреть проще, не надо многого ждать и требовать, кого-то обвинять». В Китае есть народная мудрость, смысл которой сводится к тому, что в жизни нет ни врагов, ни друзей — все они учителя.

Превышение нормативного значения наблюдается у русских обследуемых и по типу реакции OD (реакции с фиксацией на препятствии) — 31,2 % при стандартном — 28,9 %, а у китайских обследуемых этот показатель ниже стандартного значения — 25,0 %. У российских выпускников реакций E' (4,2) больше, чем I'(1,1) и M'(2,2) по данному направлению. У китайских выпускников реакций I' (3,4) больше, чем E'(1,4) и M'(1,1) при OD ниже нормативного.

Таким образом, результаты данной методики показали, что русские обследуемые чаще прибегают к проекции, интеллектуализации как к защитным механизмам, а китайские выпускники к проекции, вытеснению и реактивным образованиям.

Для подтверждения данных о том, что русские причины своих неудач и проблем чаще связывают с внешним миром, а китайцы эти моменты, реальные или воображаемые, преобразуют во внутренние представления и структуры, нами было проведено исследование локуса контроля. Результаты обследования показали, что русских выпускников в основном можно отнести к экстерналам, а китайских — к интерналам. Принимая во внимание позицию психоанализа о том, что экстернализацию можно считать механизмом защиты, интернализацию также можно отнести к защитным механизмам. Следовательно, получается два способа защитного реагирования: экстернальный и интернальный, которые качественно отличаются друг от друга. Наибольший процент ответов у российских выпускников относится к степени экстернальности «выражена» (46 %), а у китайцев — к степени «слабо выражена» (84 %). Учитывая, что основными показателями экстернальности являются категории «выражена» и «сильно выражена», общая сумма по ним у русских обследуемых составляет 69 %, а у китайцев — 16 %. Следовательно, у русских обследуемых прослеживается тенденция к экстернальному способу защитного реагирования, у китайцев — к интернальному.

Таким образом, превышение нормативного показателя у обследуемых китайцев по интропунитивному, а у русских — по экстрапунитивному направлению реакций, по методике С. Розенцвейга соотносятся с результатами исследования локуса контроля.

Исходя из того, что информацию можно получать и через невербальные средства выражения, мы использовали рисунки обследуемых для интерпретации вероятных проявлений механизмов психологической защиты. В ходе проведения исследования был учтён и тот момент, что в русской и китайской культурах проявление одних и тех же жестов может иметь разное зна-

чение. Мы принимали во внимание лишь те жесты, значение которых друг другу не противоречат. Также нами не оценивались направления рисунков (лево — право, верх — низ) и цветовое разрешение.

На интегративнооценочном этапе оценки рисунков по классификации Е.С. Романовой были получены следующие результаты: наибольший процент рисунков и у русских, и у китайцев приходится на реалистическое изображение (у русских — 27 %, у китайцев — 54 %). У русских присутствуют все виды изображений, у китайцев отсутствует эмоциональное изображение. Дальнейшее упорядочение материала шло по схеме Г. Рида. Во всех исследуемых группах присутствуют все виды изображений, но в различных процентных соотношениях, за исключением эмфатического направления рисунков у китайских выпускников, так как, возможно, философские традиции Китая укоренили в бессознательном народа способность не нарушать своими действиями (и даже мыслями) гармонию природы, а согласовывать с ней свою сущность.

Анализ рисунков для выявления частоты и особенностей проявлений механизмов психологической защиты у обследуемых, выделения наиболее типичных жестов и движений, отображённых в рисунках и сравнение их с критериями, выделенными Е.С. Романовой, проводился с позиции более углублённого разбора содержания рисунков.

Анализ содержания рисунков русских выпускников показал, что у них наиболее часто встречается изображение лица как центрального (в профиль или в виде бюста), изображение портрета в интерьере, сюжетные автопортреты, выполненные в обычной реальной ситуации (на фоне природы или других членов семьи), изображения в ожидаемой, но вполне реальной ситуации (в свадебном платье, с дипломом в руках и т.д.). Незначительное количество автопортретов изображает вымышленные ситуации, которые связаны с уходом в мир

собственных фантазий, и совсем незначительное количество автопортретов изображает самих себя, но в более младшем возрасте. Среди рисунков «Автопортрет», выполненных русскими девушками — обследуемыми, есть пять рисунков (5,6 %), когда вместо женских изображений встречались изображения мужчин. Скорее всего, здесь уместно говорить о действии такого защитного механизма как замещение. У тех обследуемых, которые изобразили себя маленькими девочками, вероятно, сработал защитный механизм — регрессия.

У китайцев наиболее часто встречаются изображения в полный рост, в форменной одежде, изображение лица — всегда в анфас, только один рисунок из 49 — автопортрет в профиль. Все автопортреты изображены в реальной ситуации.

Во всех 278 рисунках обследуемых персонажи либо совершают какие-то действия, либо изображены в определённых позах, в которых можно выделить жесты. Все изображения имеют определённые мимические проявления разной степени выраженности. Наиболее часто встречающимися (в 56 % рисунков по результатам двух рисунков) у русских выпускников являются изображения стен, ворот, заборов, дверей. Эти элементы подтверждают проявление у обследуемых такого защитного механизма как «интеллектуализация». Также проявлению именно этого механизма защиты способствуют такие детали изображений в рисунках как чрезмерная озабоченность порядком, изображение румянца на щеках, изображение себя, прислонённого к каким-либо предметам. В изображениях автопортрета присутствуют жесты, выражающие чувство гордости за себя: закладывание рук за спину; подпираание щеки сжатыми в кулак пальцами, когда указательный палец упирается в висок. Достаточно часто русские выпускники изображали тщательно прорисованные большие пальцы (при изображении кисти руки), руки на бедрах

(при изображении автопортрета в полный рост, причём как у вымышленного, так и у реального персонажа). Данные жесты также указывают на использование защитного механизма «интеллектуализации» российскими выпускниками.

В рисунках семьи или в автопортрете, где было изображено двое и более людей, встречалась открытая треугольная позиция двух стоящих людей, как бы указывающая на принятие в компанию третьего человека. В рисунках, отражающих эмоциональные состояния, часто встречался комплексный жест: развернутые ладони, поднятые плечи и поднятые брови. Эти жесты свидетельствуют о работе такого механизма психологической защиты как отрицание, который для данной категории обследуемых также является доминирующим.

Перечисленные жесты практически не встречаются в рисунках китайцев, за исключением дверей и заборов, которые относятся к группе отметок своей территории. В рисунках выпускников китайцев обращает на себя внимание то, что изображенные персонажи находятся на достаточно большом расстоянии друг от друга, а если изображены взявшимися за руки, то руки чаще вытянуты в стороны. Эти проявления относятся к действию защитного механизма «реактивные образования». На многих изображениях этой категории обследуемых часто встречается стереотипная улыбка. В рисунках органического направления обращает на себя внимание то, что изображенные члены семьи хоть и обращены друг к другу, но как бы избегают взгляда в упор. При выполнении каких-то действий (ухаживание за животными, детьми, чтение книг и так далее) в ритмических рисунках, в отличие от подобных рисунков русских выпускников, обращает на себя внимание сдержанность изображенных движений. Следовательно, сохранение зонального пространства, вытянутые прямые руки, избегание взгляда в упор, стереотипная улыбка, закусывание

нижней губы, сдержанные движения — эти особенности в рисунках у китайских выпускников доказывают проявление такого защитного механизма как «реактивные образования». В рисунках данной категории обследуемых встречается изображение закрытых ладоней или отсутствие ладоней вообще (в Китае также открытая ладонь — признак честности). Китайскими обследуемыми часто изображались взгляд в сторону (в Китае не принято смотреть в глаза), прикрытые веки (хотя это можно отнести на счёт восточного разреза глаз), преувеличенно спокойное выражение лица. Эти изображенные моменты тоже не являются случайными: такие жесты соотносятся с действием защитного механизма «вытеснение».

В рисунках и у русских, и у китайских выпускников встречаются изображения человеческих фигур со скрещенными на груди руками, при изображении фигур взятых за руки, у сидящих или стоящих людей рисуются перекрещенные ноги, сцепление пальцев рук. Эти жесты свидетельствуют о проявлении защитного механизма «проекция».

Помимо перечисленных жестов и движений, отраженных в рисунках наших исследуемых, в единичных рисунках встречаются жесты и движения, свойственные другим механизмам психологической защиты.

Для того, чтобы снизить уровень субъективности во время интерпретации графической продукции, в наше исследование было добавлено проективное вербализованное задание — сочинение «Мои проблемы». Это задание предполагало выявление «естественных категорий», отражающих представления наших респондентов об осознаваемых проблемах их жизни. Причём обозначенные проблемы наших респондентов характеризовались как факты сознания, в которых едины осознанное и неосознаваемое. Использовалась статистическая процедура обработки выска-

зываний, имеющая психолингвистические основания. На основе полученных данных были составлены корреляционные матрицы данных употребления определений респондентами, учтённых в статистической обработке.

Анализ корреляционных плеяд у российских и китайских выпускников показывает, что подход к собственным проблемам можно охарактеризовать как устоявшийся. Это подтверждается большим количеством в плеядах значимых связей и меньшим количеством отталкиваемых связей, значения которых также приближаются к достоверным.

Кристаллизация «естественных категорий» у российских выпускников происходит вокруг слов «проблемы», «любовь», «деньги», «здоровье». Наибольший процентный уровень значимости (0,80 при 0,01) выявлен между понятиями «проблемы» — «любовь». Между понятием «проблемы» во взаимном притяжении находятся слова «деньги» (0,72 при 0,01), «реализация» (0,54 при 0,01), «здоровье» (0,53 при 0,01). Выявлена статистически значимая связь между категориями «время — деньги» (0,44 при 0,05), «деньги — достаток» (0,44 при 0,05), «деньги — здоровье» (0,52 при 0,01), «время — здоровье» (0,44 при 0,05), «время — достаток» (0,52 при 0,01), «реализация — образование» (0,52 при 0,01). Все эти связи указывают на то, что обследуемые считают свои проблемы явлением временным. Практически происходит отрицание основных причин и рациональная интерпретация собственных предположений, а следовательно, и уход от конструктивного разрешения проблем. Это следствие работы таких защитных механизмов как отрицание и интеллектуализация.

Во взаимно отталкивающих связях находятся понятия «здоровье», «образование», «квартира», «достаток», «хорошая» и «разочарование».

Анализ корреляционных плеяд у китайских выпускников показывает, что фор-

мирование «естественных категорий» происходит вокруг трёх категорий «деньги», «терпение», «совершенствоваться». Наиболее значимая связь между категориями «деньги — терпение» (0,92 при 0,01), «деньги — совершенствоваться» (0,92 при 0,01), «терпение — совершенствоваться» (0,85 при 0,01). Основной проблемой, или, как отмечали обследуемые, «трудностью жизни» является проблема материального плана. Эти связи указывают на работу защитного механизма «вытеснение». Только вытесняя из сознания негативные или нежелательные моменты, можно проявлять терпение, не уходить в проблему, обиды, а просто отстраниться от неё. Выявлена связь между категориями «деньги — не разочаровывать» (0,62 при 0,01), «совершенствоваться — не разочаровывать» (0,72 при 0,01), «терпение — не разочаровывать» (0,52 при 0,01), то есть, однажды добившись определённого уровня, китаец не должен «упасть вниз»; «любовь — работа» (0,46 при 0,05) — китаец любит всякую работу. Обособленный характер в общей схеме плеяд у китайских выпускников занимает корреляционная связь «родители — характер» (0,76 при 0,01). Наиболее отталкиваемыми понятиями оказались «родители — терпение» (-1 при 0,01), «родители — совершенствоваться» (-0,85 при

0,01), «родители — деньги» (-0,9 при 0,01). Отрицательные связи обнаружены между категориями «вера — будущее» (-1 при 0,01), что означает: китаец живёт только настоящим; «преодолевать — законы» (-1 при 0,01) и «преодолевать — начальник» (-1 при 0,01): законопослушный китаец не представляется как нарушающий законы или открыто перечасший начальнику, но при необходимости любой китаец может сыграть в игру «кто кого перехитрит».

Анализ содержательной стороны составленных плеяд показал, что у обеих этнических групп обследуемых прослеживаются проявления защитных механизмов. У китайцев чаще проекция, реактивные образования и замещение, у русских — проекция, отрицание и интеллектуализация.

Таким образом, можно утверждать, что проявление психологической защиты наблюдается вне зависимости от национальности, но для каждого этноса характерен свой набор защитных механизмов. В проявлениях механизмов защиты отражаются национальные личностные особенности.

Таким образом, этническое бессознательное идентично у представителей конкретных наций и образует тем самым основание психической жизни каждого, но по своей природе является сверхличным.

Список использованной литературы

1. Бабаков, В. Г. Стрессовое состояние этнического сознания / В. Г. Бабаков // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня : хрестоматия / сост. К. В. Сельченко. — Минск : Харвест, 2004. — 496 с.
2. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. — Л. : Наука, 1990. — 278 с.
3. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. — М. : Аспект Пресс, 1997. — 446 с.
4. Налчаджян, А. А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия / А. А. Налчаджян. — Ереван : Огебан, 2000. — 406 с.
5. Налчаджян, А. А. Этнопсихология : учеб. пособие / А. А. Налчаджян. — СПб. : Питер, 2004. — 380 с.
6. Романова, Е. С. Графические методы в практической психологии / Е. С. Романова. — СПб. : Речь, 2002. — 416 с.
7. Юнг, К. Г. Психология бессознательного : пер. с нем. / К. Г. Юнг. — М. : Канон, 1994. — 320 с.
8. Юнг, К. Г. Сознание и бессознательное / К. Г. Юнг. — СПб. : Унив. кн. ; М. : АСТ, 1997. — 536 с.

Социокультурная реальность

Филаткина Ирина Викторовна,
директор Дальневосточной
государственной научной библиотеки,
кандидат филологических наук,
доцент

Национальная программа поддержки и развития чтения и её реализация в Хабаровском крае

В статье описаны цели, задачи и основные направления Национальной программы поддержки и развития чтения. Представлен опыт общедоступных библиотек Хабаровского края по поддержке и развитию чтения, обозначены перспективы работы библиотек в данном направлении

«Люди перестают мыслить, когда перестают читать», — считал Д. Дидро, а великий Вольтер писал о том, что чтение возвышает душу. Чтение всегда считалось делом, заслуживающим глубокого уважения и представляющим важнейший способ освоения жизненно значимой информации. С одной стороны, без него невозможна интеграция личности в культуру в широком понимании смысла этого слова, включающего весь комплекс материальных, духовных ценностей, образ жизни, традиций и др. С другой, — от уровня культуры граждан во многом зависит развитие экономики, политики, национальной безопасности.

В 60—70-е годы прошлого века нашу страну называли самой читающей страной в мире. Однако по ряду объективных и субъективных причин люди стали читать меньше. Особенно тревожит падение интереса к чтению у подрастающего поколения. Специалистами отмечается тенденция замедленного вхождения детей и подростков в книж-

ную культуру и отсутствия у них стабильной привычки к чтению. Подростки воспринимают чтение как необязательное ежедневное занятие. Читающие дети, к сожалению, часто становятся «белыми воронами», изгоями. Большое место в досуге детей и молодёжи занимает телевидение, компьютерные игры. Нарастающий поток аудиовизуальной информации уменьшает субъективно ощущаемую ребёнком потребность читать. В современном обществе активно развивается культура, которую называют визуальной.

Специалисты считают, что связи между производителями и пользователями социально важной и полезной информации ослаблены, в результате знание своевременно не доходит до пользователей, не представлено в достаточно доступных для широкой аудитории формах, во многом расходится с массовыми социальными нуждами и запросами [6, с. 6]. Снижение статуса чтения проявляется в том, что:

- увеличивается доля россиян, вообще не читающих или читающих от случая к случаю;

- утрачиваются традиции семейного чтения;

- снижается интерес к печатной прессе;

- растёт невзыскательность вкуса и предпочтений в области чтения;

- ухудшается владение родным языком;

- снижается уровень грамотности;

- возрастают сугубо развлекательная составляющая чтения и стремление людей к минимуму затрат интеллектуальных усилий при чтении [5, с. 18—19].

Нечтение, порождающее неграмотность, в том числе и функциональную, способно привести к появлению профессионально неподготовленных людей в различных областях экономики, техники, науки. Всё это приводит к снижению

конкурентоспособности страны, ведёт к ухудшению качества человеческого капитала. В таком контексте нынешняя ситуация с чтением встает в один ряд с глобальными угрозами человечеству, а тревога по поводу «кризиса чтения», охватывающего всё новые и новые социальные и возрастные группы общества, находит отклик не только у деятелей культуры.

В связи с тем, что проблема поддержки и развития чтения в нашей стране сложна и масштабна, настало время для осознания единства целей и консолидации людей разных профессий и возрастов в области продвижения чтения среди детского и взрослого населения.

В современном мире существуют институциональные структуры, предназначенные для создания, хранения и распространения печатной продукции и письменных документов. Это библиотеки, центры чтения, архивы, учреждения образования и науки, издательства, книжная торговля. В России продвижением чтения занимаются властные структуры, Российская библиотечная Ассоциация, Некоммерческий фонд поддержки книгоиздания, образования и новых технологий «Пушкинская библиотека», основной задачей которого является создание системы комплектования библиотек новейшими отечественными изданиями, развитие библиотек как информационных, культурных и образовательных центров. Фонд ведёт ряд проектов, в числе которых — программа «Чтение», направленная на возрождение отечественных литературных традиций и формирование в России читающего общества [7, с. 31—32].

24 ноября 2006 г. на Санкт-Петербургском книжном салоне руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинский и президент Российского книжного союза С.В. Степашин подписали текст

Национальной программы поддержки и развития чтения. К разработке программы были привлечены специалисты отрасли культуры, образования, науки, экономики, книгоиздания, книжной торговли. Основными разработчиками программы выступили Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества и консалтинговое агентство «Стратегика» [4, с. 8].

Цель программы заключается в повышении культурной компетентности членов общества за счёт:

— повышения читательской компетентности, понимаемой как совокупность знаний и навыков, позволяющих человеку отбирать, понимать, организовывать информацию, представленную в печатной (письменной) форме и успешно использовать её в личных и общественных целях;

— роста читательской активности (охвата и интенсивности) граждан — субъектов чтения, доведение её до уровня, соответствующего успешной адаптации в сложном, динамичном обществе переходного типа.

Задачами программы являются:

— упорядочение социокультурного пространства чтения и укрепление основных институтов, составляющих инфраструктуру поддержки и развития чтения — библиотек, образовательных и культурно-просветительских учреждений, книжной индустрии, индустрии производства и распространения иных видов контента различными средствами (газеты, журналы, документы и т.п.), системы популяризации чтения, системы подготовки кадров для инфраструктуры чтения, системы научно-методического изучения проблемы чтения;

— создание системы эффективного информационного обмена между институтами инфраструктуры чтения, а также между институтами и системой управления, обеспечивающего упорядочение

соответствующего социокультурного пространства;

— создание системы управления инфраструктурой поддержки и развития чтения, т.е. эффективных механизмов координации и кооперации ведомств и институтов, формирующих и реализующих политику в области чтения.

Программа должна быть реализована в 2007—2020 годы [5, с. 6—7]. Первый этап (2007—2010 гг.) предусматривает создание организационных механизмов и базы для укрепления инфраструктуры поддержки и развития чтения. Второй этап (2011—2015 гг.) предполагает системное укрепление инфраструктуры. Третий этап (2016—2020 гг.) — реализацию заложенного потенциала, интенсивный рост. Программа включает:

— систему популяризации чтения;

— систему подготовки кадров;

— систему научных исследований и научно-методической работы в сфере чтения;

— формирование и развитие библиотечных сервисов;

— модернизацию библиотечных фондов;

— модернизацию материально-технической базы библиотек;

— разработку перспективного стандарта многофункциональной библиотеки нового типа;

— разработку и внедрение высококачественных современных учебных программ, методик, подходов и технологий, направленных на повышение читательской и культурной компетенции граждан, развитие читательских интересов, продвижение книги и чтения во всех типах образовательных и воспитательных учреждений всех уровней системы образования;

— реализацию комплекса мероприятий, направленных на стимулирование развития издательской отрасли, мероприятий по вовлечению производителей

и распространителей контента на различных платформах.

Важно отметить, что программа предусматривает поддержку чтения не только художественной литературы, но и периодических изданий, книг по науке и технике, экономике, социологии, политологии, истории, философии и др. Через чтение книг по различным отраслям знаний, в том числе в электронной форме и в Интернете, люди должны осваивать все социально необходимые знания [4, с.11]. Огромная роль в программе отводится библиотекам, школам, средствам массовой информации, особенно телевидению и радио. Национальная программа задаёт общие идеологические, концептуальные, целевые и методологические рамки, определяющие действия, направленные на модернизацию и упорядочение социокультурного пространства чтения в масштабах страны [6, с. 4].

Успех Национальной программы поддержки и развития чтения зависит от качества её реализации на уровне регионов. Для распространения идей программы необходимы региональные программы по формированию в регионе рационально организованного социокультурного пространства чтения, благоприятного для активизации чтения и повышения уровня читательской компетенции. Региональные версии программы становятся основаниями для непосредственной работы на уровне городов, сельских поселений и библиотек, выбранных в качестве ключевых исполнителей. Целями Национальной программы в целом и любого её регионального варианта является приобщение к чтению, пользованию широкой общественности библиотеками, книжными магазинами, Интернетом, повышение уровня читательской компетенции, престижа чтения, формирование упорядоченного, устойчивого социокультурного

пространства чтения. Право выбора адресатов, с которыми следует начинать работу в первую очередь, предоставляется самим библиотекам от приоритетов, определяемых региональной версией программы, с одной стороны, и локальными проблемами и ресурсами — с другой [6, с. 6].

В данной связи интересен опыт различных субъектов Российской Федерации. Можно назвать Год чтения в Бурятии, Карелии, Ульяновской, Псковской, Архангельской областях. Год детского чтения в Мурманской, Челябинской, Рязанской и ряде других областей, программы «Читающая Брянщина», «Читающая Москва», владимирский фестиваль «Читающий город» и др. [2, с. 4] Имеется опыт проведения всероссийского конкурса проектов в поддержку чтения, созданы и активно работают Центры чтения, в том числе в ряде библиотек России.

С целью продвижения Национальной программы поддержки и развития чтения, разъяснения и обсуждения её основных положений, формирования единой политики поддержки и развития чтения в Хабаровском крае, обобщения имеющегося опыта работы учреждений образования и культуры краевые и муниципальные библиотеки края предусмотрели в планах своей работы комплекс различных мероприятий. Так, традиционная апрельская конференция «Развитие библиотечно-информационного пространства на Дальнем Востоке и высшее библиотечное образование» в 2007 г. проводилась под девизом «От продвижения книги, чтения, информационных ресурсов к личностному росту, интеллектуальному развитию и духовности нации!». Организаторами конференции выступили Хабаровский государственный институт искусств и культуры, Дальневосточная государственная научная библиотека и Научная

библиотека Тихоокеанского университета при организационной и финансовой поддержке Министерства культуры Хабаровского края, Министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края, Тихоокеанского государственного университета. В конференции приняли участие более 300 представителей библиотек различных типов, учреждений науки, культуры и образования, книготорговых, издательских и информационных организаций из Москвы, городов Сибири и Дальнего Востока. Была организована работа секций «Роль книги и чтения в современном обществе. Чтение как потребность», «Продвижение информации и электронных информационных ресурсов для развития науки и образования», «Деятельность библиотек по продвижению книги и чтения: традиции, достижения, проблемы, перспективы», «Кадровые ресурсы библиотек региона: проблемы развития профессионализма» [3, с. 8—9]. На конференции рассматривались вопросы, связанные с чтением в электронной среде, возможностями реализации Национальной программы по продвижению книги и чтения на Дальнем Востоке, применения информационных технологий в социокультурном пространстве книги и чтения, инновационный опыт работы библиотек как центров продвижения книги и чтения и др. Материалы конференции опубликованы в специальном выпуске ежеквартального журнала по вопросам теории и практики библиотековедения, библиографоведения и книговедения «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки» [1].

21 ноября 2007 г. представители Хабаровского библиотечного сообщества стали участниками Всероссийской конференции «Национальная программа поддержки и развития чтения: первые итоги, проблемы и перспективы», про-

ходившей в Москве в Президент-Отеле, и VI Конгресса в поддержку чтения «Я люблю читать», который проходил в рамках VI Юбилейной Международной профессиональной выставки «ПРЕССА-2008».

В Хабаровском крае была поддержана инициатива Президента Российского союза прессы О.В. Никулиной о проведении 24 ноября 2007 г. Дня чтения. Библиотеками края были организованы акции в поддержку чтения в учреждениях культуры и образования.

Знаменательно, что накануне, 14 ноября, Центром детского чтения (ЦДЧ) Дальневосточной государственной научной библиотеки совместно с Централизованной системой детских библиотек г. Хабаровска был проведён круглый стол «Детское нечтение: пути его преодоления». Библиотекари детских и школьных библиотек, педагоги, преподаватели вузов, книгоиздатели, представители законодательной и исполнительной власти обсуждали волнующие их вопросы: что происходит с детским чтением сегодня? Как сделать чтение престижным занятием? Что читают и что хотят читать дети и подростки? Что нужно сделать для возвращения чтения в семью? В ходе обсуждения были высказаны мысли о необходимости разработки краевой программы в поддержку детского чтения, мероприятия которой будут способствовать возрождению традиций семейного чтения, продвижению качественной литературы, воспитывающей нравственность, гражданственность, патриотизм, любовь к родному языку.

Участники Круглого стола призвали всех, обеспокоенных спадом интереса детей и подростков к чтению и готовых содействовать повышению статуса чтения в детской среде, участвовать в процессе вхождения детей в мир книги, объединиться для сотрудничества и

партнёрства. Обращение 65 участников этого столь важного мероприятия было направлено в органы законодательной и исполнительной власти, учреждения образования и культуры, средства массовой информации с призывом:

— содействовать утверждению в общественном сознании ценности детского чтения как сферы духовно-интеллектуальной деятельности ребёнка и духовного ресурса национальной культуры;

— продвигать идею о статусе детской (школьной) библиотеки как важнейшего социального института, формирующего интеллектуальное развитие ребенка, как центра культурно-творческой среды детства, социального центра по защите личностных и авторских прав детей и юношества в информационной среде;

— поручить разработку краевой программы в поддержку детского чтения Центру детского чтения ДВГНБ;

— формировать привлекательный для ребенка образ библиотеки: укреплять материально-техническую базу детских (школьных) библиотек как необходимое условие организации комфортного библиотечного пространства; способствовать техническому переоснащению библиотек, выходу в Интернет, созданию компьютерных классов, созданию сайтов;

— активизировать продвижение качественной литературы, воспитывающей нравственность, гражданственность, патриотизм, любовь к родному языку;

— развивать связи библиотек с издательствами, выпускающими книги для детей и подростков; систематически передавать книжным издательствам информацию о детской литературе, имеющей большой спрос у детского читателя, для составления перспективных планов деятельности;

— рекомендовать издательствам Хабаровского края при формировании планов учитывать региональный компонент в образовании юных дальневосточников (издавать и переиздавать хрестоматии дальневосточной тематики);

— инициировать создание краевой грантовой программы для поддержки издателей, библиотек, СМИ, продвигающих книгу и чтение в детскую среду;

— осуществлять поддержку молодых авторов, организуя в библиотеках встречи с детской аудиторией, презентации новых книг, выдвижение авторов на премии благотворительных фондов;

— способствовать возрождению традиций семейного чтения: в Год семьи (2008 г.) ЦДЧ ДВГНБ провести краевую эстафету библиотечных мероприятий, адресованных семье, сценарии лучших мероприятий опубликовать;

— определить одной из важнейших задач детской библиотеки возрождение традиции материнского чтения как культурной нормы развития ребёнка; укреплять в сознании матерей авторитет библиотеки как значимого информационно-образовательного учреждения для реализации их материнского статуса;

— проводить краевые, районные и городские фестивали, праздники, конкурсы для читателей-детей;

— предложить Министерству образования Хабаровского края 1 раз в неделю (месяц) в детских садах, школах проводить День Чтения;

— усилить внимание к рекомендательной библиографии для детей и подростков. Провести в 2009 г. краевой конкурс на лучший образец рекомендательной библиографии среди детских библиотек;

— активно информировать общественность через средства массовой информации о важнейших библиотечных мероприятиях, акциях, кампаниях и услугах;

— возобновить традицию проведения на краевом радио литературных передач, викторин для детей и подростков, информирования о лучшей детской литературе; привлечь к сотрудничеству с библиотеками коммерческие радиостанции;

— сформировать при библиотеках волонтерские группы из числа читающих детей, желающих пропагандировать чтение и книги; провести в детских библиотеках края в 2008 г. краевую акцию «Приведи в библиотеку друга»;

— привлечь творческий потенциал читателей-детей для поддержки издания детской газеты «Фаэтон»;

— оказывать всестороннюю поддержку в информационной адаптации детям беженцев и иммигрантов; сделать библиотеку территорией миротворчества: создать условия для взаимного обмена культурными традициями, воспитания толерантности;

— способствовать созданию при библиотеках Попечительских советов, способных принять максимальное участие в решении проблем, касающихся продвижения чтения в детскую среду;

— способствовать формированию в общественном сознании образа читающего человека как человека успешного в жизни; при поддержке сотрудников краевых СМИ провести краевую фотосессию «Большие» читатели» как свидетельство человеческого и профессионального успеха;

— ввести в практику работы библиотек края встречи представителей исполнительной и законодательной власти с читателями-детьми;

— способствовать созданию краевого информационного центра по сбору информации и координации мероприятий учреждений культуры и образования по продвижению книги и чтения в детскую среду;

— разработать долгосрочную про-

грамму деятельности учреждений культуры, образования, книготорговли (вузы — издательства — библиотеки — книжные магазины) по пропаганде книги, инициировать проведение Года чтения в Хабаровском крае;

— возобновить издание информационного профессионального журнала для детских и школьных библиотек «Вместе»;

— присоединиться к всероссийской акции в поддержку чтения — Дню чтения, объявленного 24 ноября и приуроченного к проведению в этот день VI Конгресса в поддержку чтения «Я люблю читать»; провести в библиотеках Хабаровского края в этот день мероприятия в рамках библиотечного марафона «Читающий край — 2007».

Обращение участников круглого стола нашло поддержку в Министерстве культуры края. В соответствии с письмом министра культуры А.В. Федосова с 19 по 25 ноября 2007 г. в Хабаровском крае был проведён библиотечный марафон «Читающий край», приуроченный ко Дню чтения. В библиотеках края прошли интересные по содержанию и разнообразным по форме мероприятия, направленные на привлечение внимания к чтению, продвижение книги, поддержку русского языка как важнейшего элемента культуры, источника духовного и интеллектуального обогащения нации.

В Дальневосточной государственной научной библиотеке был реализован крупномасштабный выставочный проект «Найди свою книгу», организована выставка-просмотр дальневосточной литературы «Хабаровские издательства», подготовлены и распространены среди читателей библиотеки книжные закладки с высказываниями великих людей о роли книги и чтения «Чтение возвышает душу». Проведена благотворительная акция «Библиографическое пособие в подарок» (передача 124 библиографи-

ческих пособий библиотечным и образовательным учреждениям г. Хабаровска). В средствах массовой информации распространена информация о Дне чтения. В Центре детского чтения проведена акция «Я люблю читать», в рамках которой организована выставка-просмотр лучших детских книг, выставка рисунков «Книга дарит вдохновение», обзоры литературы «О человеке читающем и нечитающем», «А у книжки юбилей». С успехом прошла рекламная акция с элементами театрализации и музыкальным сопровождением для потенциальных читателей «Запишись в библиотеку». Были организованы викторины, беседа с элементами библиографической игры по книге С. Шлотгауэр «Времена года», беседа с элементами психологического тренинга «Книга и толерантность».

К участию в Дне чтения и библиомафоне «Читающий край» были привлечены муниципальные библиотеки края. В библиотеке п. Ванино состоялся День открытых дверей «Человек читающий» для учащихся школ № 2 и № 4. В ходе этого мероприятия в библиотеку записалось 76 новых читателей, залы библиотеки посетило 145 человек. Школьникам были предложены экскурсии по библиотеке, информационные обзоры «Лучшие книги читального зала», обзоры молодежной прессы «Планета периодика», беседа-викторина «Читать — это модно, читать — это стильно». Работа по пропаганде чтения ведётся в ЦБС постоянно и планомерно. В течение 2007 г. были проведены десятки экскурсий по библиотеке, праздники детской книги, интеллектуальный марафон «Мы за чистку русского языка», литературные гостиные, презентация сборника стихов «Я тебе доверяю стихи». На протяжении 7 лет (с 2000 г.) библиотека проводит благотворительные акции «Книги — для школы-интерната», «Книги — для пенитенциарных учреждений». В 2007 г. им было передано

более 1500 книг. Библиотека принимает участие в новом молодёжном движении в России «Буккроссинг» — прочёл книгу сам — передай другому». На протяжении трёх лет в библиотеке действует стеллаж «Буккроссинг», на котором все желающие могут оставить прочитанную книгу и взять себе другую для чтения без возврата. Сотрудники библиотеки приглашают молодёжь района присоединиться к этому движению. В 2007 г. оформлены рекламный баннер с перечнем услуг библиотеки и плакат-растяжка на фасаде здания библиотеки «Читать — это модно, читать — это стильно».

Центральной библиотекой Вяземского района проведены благотворительные акции «Книги — детям», «Книги — для инвалидов», «Книги — для ветеранов». В поселенческих библиотеках района проведены краеведческая викторина «Город читающих людей», «круглый» стол «Чтение и современное книгоиздание», бенефис лучших читателей, конкурс «Моя любимая книга о родном крае», викторина «Путешествие по книжной вселенной», конкурс рисунков «Растём вместе с книгой», выставки литературы «Книга есть жизнь», «Занимательные уроки», «Школа эмоционального чтения».

В библиотеках Нанайского района организованы выставка-обзор «Я люблю читать», анкетирование старшеклассников «Чтение без границ» (о роли чтения в жизни молодёжи). На базе Межпоселенческой библиотеки проведены познавательные беседы с подведением итогов исследования чтения старшеклассников, широкий просмотр литературы «Книга — 2007». В местной газете «Аньюские перекаты» подготовлена информация для публикации «Приходи в библиотеку» с обзором книжных новинок.

Под методическим руководством МУК «Межпоселенческий информационный библиотечно-музейный центр» во

всех поселенческих библиотеках района им. П. Осипенко были проведены День открытых дверей, обзоры книг «Книга XXI века», организованы выставки «Виват, периодика», «Читаем периодику». С 24 по 26 ноября в школах района проведены беседы «Читать — престижно», викторины в рамках конкурса «Самый читающий класс», литературная игра «Поле чудес».

С 20 по 23 ноября в рамках библиотечного марафона в библиотеках Охотского района прошло 16 мероприятий, которые посетили 339 человек. Среди наиболее удачных — литературные игры и викторины «Библиотека. Читатель. Книга», «Путешествие по книжной вселенной», турниры знатоков «Новые книжки для вас, ребяташки», конкурсы стихов «Стихи, которые читают дети». Оформлено 11 книжно-иллюстративных выставок, проведены социологические исследования «Библиотека и читатель», посвящения в читатели. Издано семь информационных списков литературы и три рекламных буклета.

В библиотеках Солнечной МЦБС 24 ноября прошли заседание клуба «Собеседник», конкурс чтецов «Весёлая ромашка», литературная гостиная «Самый родной человек» (ко Дню матери), литературно-музыкальный вечер «Берегите матерей».

В Межпоселенческой библиотеке Ульчского района и её филиалах было проведено 29 мероприятий, направленных на поддержку чтения, продвижение книги. Среди наиболее ярких и запоминающихся — книжная выставка-просмотр «Познавайте мир с новыми книгами», парад книг «Проза новой России», занимательная конкурсная программа «Нет ничего сильнее слова», урок радостного чтения «Вместе весело читать», фотовыставка «Я читатель», выставка-просмотр «Мифы, были, легенды малых народов», обзор-репортаж

«Я и периодика».

С 19 по 25 ноября в ЦСДБ г. Хабаровска прошла Неделя чтения. Цель проекта — объединить всех читателей, любящих книгу. Мероприятия были рассчитаны на разновозрастную аудиторию — от дошкольников, только начинающих читать, до читателей с большим стажем. Конкурсы и программы предполагали активное участие читающих семей. Неделе чтения предшествовала большая подготовка: готовились сценарии мероприятий, были объявлены конкурсы поделок «Тепло материнских рук», фотоконкурсы «Читать — это модно! Читать — это стильно!». В детских библиотеках краевого центра проведено 78 мероприятий, которые посетили 7042 человека, было выдано 14629 экземпляров книг и журналов, в библиотеки записались 425 новых читателей. Среди наиболее успешных мероприятий — Праздничный вечер, посвящённый Дню матери «Мама, я и друг наш книга», театрализованное представление «У Лукоморья» (по сказкам А.С. Пушкина), час фольклора «В гостях у Тимони», книжная выставка «Парад самых популярных книг» (самая смешная, спорная, большая), выставка-отзыв «Прочитал сам, советую Вам», благотворительная акция «Читатель дарит читателю», конкурсная игровая программа «Путешествие в Читай-город», литературная игра-викторина «Остров книголюбов», библиотечный урок «Что принёс нам почтальон?» (обзор газет и журналов для детей), День открытых дверей «Вместе весело читать», День чтения «Мудрые уроки деда Столета» (встреча с героями произведений С. Маршака), вечер-встреча с дальневосточной писательницей И.С. Лободой и др.

Мероприятия по продвижению книги и чтения проходят не только в рамках «Библиотечного марафона». Ежегодно в дни весенних каникул в детских и

школьных библиотеках края проводится Неделя детской и юношеской книги, в мае — циклы мероприятий в рамках Дней славянской письменности и культуры. В Дальневосточной государственной научной библиотеке стало хорошей традицией в преддверии Всемирного Дня книги и защиты авторского права, который отмечается 23 апреля, организовывать выставку «Книга в русском плакате». Центром детского чтения ДВГНБ разработаны комплексная программа «С книгой — в будущее» и проект «Тёплый дом», основная цель которого — оказание помощи в социальной адаптации детям группы риска, неблагополучным семьям, организация клуба семейного чтения. Творческий проект «Музыкально-поэтическая гостиная «Вдохновение» принял участие во Всероссийском конкурсе «Лучшее в библиотеках». Творческая программа «Как хорошо уметь читать!», рассчитанная на дошкольников и младших школьников, реализуется сотрудниками отдела обслуживания ЦДЧ. Гостями Центра часто становятся известные дальневосточные писатели — Е. Неменко, Д. Наволочкин, А. Лепетухин, А. Федотов. Были проведены творческие конкурсы среди детей разных возрастных категорий, объявлен краевой конкурс на лучший рассказ (сочинение) о прочитанной книге.

На базе библиотек реализуются также международные проекты, направленные на продвижение книги и чтения. Традиционным стало участие Дальневосточной государственной научной библиотеки в проведении Дней немецко-российской культуры, в рамках которых в библиотеке проходят встречи с писателями, научные семинары, выставки. В 2006 и 2008 гг. ДВГНБ совместно с Генеральным консульством Японии в г. Хабаровске проведены Первый и Второй фестивали Японской поэзии, в 2007 г. — Дни Японской книжной культуры.

10 апреля 2008 г. в п. Солнечном состоялась краевая научно-практическая конференция «Ребёнок. Книги. Будущее: перспективы нового поколения в библиотечном пространстве». Организаторами конференции выступили Министерство культуры Хабаровского края, Дальневосточная государственная научная библиотека, управления культуры и образования администрации Солнечного муниципального района, Солнечная межпоселенческая централизованная библиотечная система.

Участники конференции — государственные и муниципальные служащие, библиотекари краевых, муниципальных, школьных библиотек; преподаватели общеобразовательных школ, учреждений начального и среднего профессионального образования, воспитатели дошкольных учреждений, педагоги дополнительного образования, социальные работники из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Амурска, п. Солнечный, Комсомольского, Амурского, Солнечного районов обсуждали современное состояние и перспективы нового поколения в библиотечном пространстве.

Часто ли дети видят своих родителей читающими? Что нужно сделать для того, чтобы чтение стало образом жизни для взрослых и детей? Как формировать в общественном мнении представления о ценности и значимости чтения и книжной культуры? Как вовлечь в активное квалифицированное чтение нечитающих и мало читающих людей? Какова роль книги в воспитании дошкольников и подростков? На эти и другие вопросы пытались найти ответ участники конференции.

Основной доклад был посвящён роли библиотек в реализации Национальной программы поддержки и развития чтения. В выступлениях участников конференции освещена деятельность

библиотек Солнечной межпоселенческой централизованной библиотечной системы, Центральной городской библиотеки им. Н. Островского г. Комсомольска-на-Амуре в поддержку чтения, проблемы психологии чтения. Всех собравшихся объединяла мысль о том, что поддержка чтения должна войти в число общественных и государственных приоритетов. Участники конференции делились практическим опытом работы, искали научные подходы к созданию системы популяризации чтения, повышению статуса чтения и «человека читающего», развитию семейного чтения, активного использования для поддержки чтения детей и юношества новых возможностей, которые предоставляет Интернет, новые компьютерные технологии. Интерес вызвал видеосюжет «Дальневосточные писатели — детям».

Участники краевой научно-практической конференции выразили уверенность, что настало время для осознания единства целей и консолидации людей различных профессий и возрастов в области продвижения чтения среди детского и взрослого населения.

Накопленный общедоступными библиотеками опыт работы позволяет сделать вывод о том, что в Хабаровском крае есть необходимые условия и ресурсы для реализации Национальной программы поддержки и развития чтения.

На территории края действуют около 900 библиотек различных организационно-правовых форм и форм собственности, среди них более 500 библиотек образовательных учреждений, 300 общедоступных библиотек краевого и муниципального уровней, 24 муниципальные библиотеки работают в составе культурно-досуговых учреждений. В библиотеках накоплен значительный объём упорядоченной социально значимой информации.

Фонд общедоступных библиотек края составляет более 9 млн. единиц хранения. Фонд крупнейшей в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке России Дальневосточной государственной научной библиотеки, начавший формироваться с конца XIX века, насчитывает более 3,2 млн. экземпляров. Целью деятельности библиотеки является обеспечение доступа населения Хабаровского края к открытым национальным и мировым информационным ресурсам с целью реализации права граждан на приобщение к ценностям науки и культуры, права на доступ, поиск и получение информации для развития и самореализации личности, научного познания, образования и самообразования, социально-культурной деятельности, закрепленных в Конституции Российской Федерации. В целом, библиотека является единственным социальным институтом, где поддерживается местный и национальный репертуар печати и приобретаются с возможно большей полнотой выходящие в стране издания с тем, чтобы предоставлять их в общественное пользование, в основном бесплатно. Фонды библиотеки являются частью национального культурного достояния и информационных ресурсов края, страны.

Библиотеки берут на себя значительную долю ответственности за обеспечение доступности информации. Именно библиотеки объединяют и координируют деятельность учреждений образования и науки, издательств и книготорговых организаций, спонсоров и меценатов, интеллектуальных сил населения вокруг программных целей и задач Национальной программы поддержки и развития чтения. Именно библиотеки привлекают внимание общественности к социальной необходимости и значимости повышения уровня читательской компетенции и формирования социокультурного

пространства чтения.

Однако существуют и негативные факторы, тормозящие развитие библиотек как центров поддержки и развития чтения:

— недостаточная материально-техническая база (в том числе некомфортность помещений, неудобство расположения фондов, отсутствие привлекательных помещений для проведения культурно-просветительских мероприятий, специализированных конференц-залов, учебных аудиторий, Интернет-кафе, книжных галерей, недостаток компьютерной, копировальной, аудио-, видео- и др. техники);

— недостаток квалифицированных библиотечных кадров, низкий социальный статус библиотечных специалистов. Например, в Российской Федерации действуют только три специализированные кафедры подготовки библиотекарей для детских библиотек, которые ежегодно выпускают не более 10 специалистов. При этом в стране около 5000 детских библиотек [5, с.29].

— несоответствие фондов запросам читателей, недостаточное комплектование библиотек, прежде всего муниципальных, новой литературой.

Для сглаживания негативных факторов библиотеки максимально используют имеющиеся у них ресурсы, а также координируют свою деятельность с различными партнёрами, имеющими непосредственное отношение к проблемам чтения. Несомненно, что в обществе не до конца утрачены богатые литературные традиции и стремление их передать. Так, традиционными являются связи библиотек с профессиональными литераторами — писателями, журналистами, переводчиками, литературными критиками. Библиотеки края сотрудничают с Хабаровским региональным отделением Союза писателей России. В рамках проекта «Дальневосточные

talанты» Дальневосточная государственная научная библиотека активно сотрудничает с приморскими авторами и издателями.

Вовлечённость профессиональных литераторов в программы продвижения чтения обеспечивает им специально организованные регулярные встречи с читателями и другими участниками программных проектов и мероприятий.

Другой постоянный партнёр библиотек — государственные и частные издательства, которые регулярно поставляют на рынок традиционные книги, журналы и газеты, электронные издания. Среди них Издательские Дома — «Приамурские ведомости» и «Частная коллекция», издательство «РИОТИП» и др. Прошедшая в Дальневосточной государственной научной библиотеке в мае 2008 г. Вторая краевая книжная выставка «Научное книгоиздание в Хабаровском крае: современные тенденции и перспективы развития» представила около 30 различных издательств и издающих организаций, выпускающих научную, научно-популярную, учебную литературу. Хабаровские издатели участвуют в различных выставках, завоёвывают медали и дипломы. Так, традиционным стало участие в Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор», которая проходит во Владивостоке.

В крае работают крупные специализированные книжные магазины, среди которых выделяются сети магазинов «Деловая книга», «МИРС», «Пиши-читай», магазины «Книжный мир», «Большой книжный». Они представляют потенциальным читателям достаточно широкие возможности в приобретении нужной им продукции. Участвуя в реализации программы, они могут также организовать на своей базе клубы для читателей, коллекционеров книг, книголюбов.

Властные структуры, органы управ-

ления культуры и образования могут обеспечивать координацию усилий учреждений-участников.

И наконец, самый главный ресурс: среди населения края сформирована читательская группа, ориентированная на чтение профессиональной и художественной литературы, есть общественные объединения книголюбов, любителей чтения, действующие при краевых и муниципальных библиотеках. Например, на протяжении нескольких лет в Дальневосточной государственной научной библиотеки работает клуб «Литературные среды», в Центре детского чтения — литературная гостиная «Вдохновение».

В крае также есть необходимый потенциал средств массовой информации, оповещающий общественность о деятельности, связанной с развитием чтения, с формированием социокультурного пространства чтения, который может быть использован для пропаганды чтения. Среди них можно назвать журналы «Дальний Восток», «Наш семейный очаг», «Словесница искусств». «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки» систематически публикует информацию о новых книгах в рубриках «Литературный клуб», «Литературная страница». Газета «Тихоокеанская звезда» ведёт постоянную рубрику «Читают все!».

К реализации Национальной программы поддержки и развития чтения могут быть привлечены и другие учреждения культуры, прежде всего музеи, театры, филармония, культурно-досуговые учреждения. Специалистами неоднократно предпринимались попытки объединения усилий заинтересованных учреждений, организаций в проведении совместных проектов, выставок, презентаций, фестивалей.

Таким образом, создаются «трансорганизационные системы» — устойчи-

вые отношения с различными группами пользователей, государственными и общественными организациями, бизнес-структурами, значимыми для библиотек с точки зрения обмена информацией и ресурсами, извлечение взаимной выгоды из компетентности друг друга [6, с. 9]. Такие системы позволяют координировать библиотекам свои цели с целями пользователей, партнёров, решать многие проблемы и задачи, в том числе быстрее осваивать и использовать новые информационные технологии, экономить на исследованиях, связанных с продвижением чтения, с повышением уровня читательской компетенции, удерживать и расширять относительно постоянный контингент пользователей, координировать усилия с партнёрами (например, учебными заведениями, правоохранительными органами и др.) для более эффективного совместного решения задач, связанных с продвижением чтения и повышения читательской компетенции.

Разработчики программы делают акцент на то, что все мероприятия программы должны иметь чётко выраженный адресный характер, что явится залогом успешности реализации программных мер. В данной связи особое значение приобретает работа с социально слабо защищёнными группами населения — детьми и подростками из бедных и неблагополучных семей, молодыми людьми, инвалидами, пенсионерами, мигрантами. Эффективность результатов работы с подобными группами в значительной степени зависит от того, насколько хорошо будет организована соответствующая социальная коммуникация.

При разработке региональной программы поддержки и развития чтения необходимо систематическим образом объединить все эти ещё недостаточно связанные между собой ресурсы в

единое социокультурное пространство чтения, в рамках которого возможно осуществление рациональной региональной политики поддержки и развития чтения.

Поддержка программы и её реализация на местах — не роскошь, а необходимость, требующая от каждого большой и вдумчивой работы. При реализации программы поддержки и развития чтения особое значение приобретает организация общественного мнения. Необходимо выявить в сообществе лидеров общественного мнения. Это мо-

гут быть популярные и авторитетные общественные деятели, учёные, деятели культуры и искусства, спортсмены, книготорговцы.

Современное общество, делая ставку на инновационное развитие, требует новых знаний и конструктивных идей. Поэтому реализация Национальной программы чтения в Хабаровском крае будет способствовать повышению интеллектуального потенциала населения, станет важным инструментом поддержки и приумножения родного языка.

Список использованной литературы

1. Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. — 2008. — № 2 (35).
2. Как разорвать замкнутый круг : поддержка и развитие чтения : проблемы и возможности : науч.-практ. сб. / сост. Е. И. Кузьмин, О. Г. Громова. — М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2007. — 184 с.
3. Качанова, Е. Ю. От оценки ситуации в области чтения, продвижения книги и информационных ресурсов к поиску новых возможностей профессиональных коммуникаций и инновационного развития библиотек Дальнего Востока / Е. Ю. Качанова, Е. В. Лунегова // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. — 2007. — № 2. — с. 9.
4. Кузьмин, Е. И. Национальная программа поддержки и развития чтения сложнее и шире, чем пропаганда художественной литературы / Е. И. Кузьмин // Как разорвать замкнутый круг : поддержка и развитие чтения : проблемы и возможности : науч.-практ. сб. / сост. Е. И. Кузьмин, О. Г. Громова. — М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2007. — С. 8—13.
5. Национальная программа поддержки и развития чтения. — М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2007. — 56 с.
6. Рекомендации по организации социокультурного пространства реализации Национальной программы поддержки и развития чтения на локальном уровне. — М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2007. — 88 с.
7. Как создаются читающие нации : опыт, идеи, образцы : сб. материалов / ред.-сост. В. Д. Стельмах, Дж. Я. Коул. — М.: НФ «Пушкинская библиотека» : Белый город, 2006. — XIV, 274 с.

Социокультурная реальность

Научное сообщение

В статье дана характеристика региональной культурной среды в сети Интернет, намечены перспективы создания единого авторитетного информационно-справочного интернет-ресурса о культурной жизни региона

Потехина Юлия Владимировна,
директор Научной библиотеки Хабаровской государственной академии экономики и права, старший преподаватель кафедры Книговедения и библиотечно-информационной деятельности Хабаровского государственного института искусств и культуры

Отражение культурной жизни Хабаровского края в сети Интернет: необходимость создания репрезентативного регионального ресурса сферы культуры

В современных условиях неуклонно возрастает число жителей Хабаровского края, использующих Интернет для профессиональной, научно-исследовательской, образовательной, досуговой и просто повседневной деятельности. Сегодня мы, не выходя из дома, проводим исследования и участвуем в конференциях, получаем образование и делаем покупки, заказываем авиабилеты, следим за расписаниями, консультируемся у юристов, психологов и врачей, публикуем свои стихи, картины и фотоработы, читаем и обсуждаем новости, находим друзей и супругов... Наша жизнь постепенно интегрирует в электронную ин-

формационно-коммуникационную среду обитания.

В последние годы новые информационные технологии всё шире используются для информационной поддержки культурной деятельности регионов, создаются веб-сайты учреждений культуры, творческих союзов, деятелей культуры и искусств, отдельных событий. Сетевые ресурсы облегчают информационный поиск и доступ к всевозможным сведениям из этой сферы, расширяют круг потенциальных пользователей, формируют образ территории, служат дополнительным инструментом коммуникаций. Однако сфера ресурсов в хаотичной среде Интернета приводит как минимум к двум проблемам: затрудненному поиску и достоверности данных.

Потребности граждан Хабаровского края в информации из сферы культуры и искусства разнообразны. Одних интересуют репертуары театров, анонсы и обзоры культурных событий, адреса и телефоны учреждений культуры, научные статьи и книги, материалы конференций, интервью с деятелями культуры, критические статьи, фото-, аудио- и видеоматериалы и т.п. Других волнует, как и кому из представителей власти можно задать вопросы и сделать разумные предложения, как получить консультацию профессионалов, найти спонсоров для финансирования перспективного проекта или найти единомышленников. Третьи мечтают заявить миру о себе и своей деятельности, опубликовать творческие работы, услышать отзывы, профессиональную критику и получить выгодное предложение. Кто-то собирается в командировку и на отдых, кто-то ищет работу, кто-то — рынок товаров и услуг, а кто-то собирает информацию о творческих студиях и коллективах города и края, чтобы дать эстетическое воспитание своему ребёнку и реализовать его творческие возможности.

Роль электронных средств коммуникации особенно велика для всего дальневосточного региона, имеющего ограниченные возможности для художественно-эстетического развития в условиях недостаточно насыщенной культурно-эстетической среды, информационного дефицита и низкого уровня жизни основных категорий населения. Среди активных потребителей электронной информации профессионалы сферы культуры, любители искусства и культуры, журналисты, преподаватели и студенты творческих специальностей.

Может ли сегодня сфера культуры Хабаровского края обеспечивать население полной и авторитетной информацией посредством Интернета: предоставлять ресурсы, услуги, формировать интеллектуальную культурную среду в Интернет-пространстве региона?

Большинство существующих региональных интернет-ресурсов данной области находятся в стадии становления, они неравноценны по качеству, неравномерно представляют разные сферы культуры и искусства. Для целостного представления о лучших достижениях традиционных и современных направлений культуры и искусства Хабаровского края, облегчения их поиска в сети Интернет и интеграции в мировое сообщество необходимо упорядочение ресурсов и их обобщённое представление на едином сайте.

Для получения более полного впечатления о ситуации нам представилось важным выяснить несколько вопросов:

- Существует ли репрезентативный и обобщающий ресурс сферы культуры и искусства Хабаровского края?
- Насколько полно и авторитетно представлена сфера культуры и искусства Хабаровского края на федеральном и региональном уровнях в данном тематическом сегменте сети Интернет?
- Доступна ли населению края спра-

вочная, новостная и другая информация из области искусства и культуры, необходимая сегодня как профессионалам, так и любителям для удовлетворения информационных потребностей в образовательных, научных, профессиональных и досуговых целях?

• Имеют ли возможность жители края принимать участие в культурной жизни края, публиковать свои творческие работы, используя мультимедийные средства и сеть Интернет?

• Могут ли специалисты и любители выстраивать свои коммуникации в современной комфортной электронной среде, а также общаться с представителями власти, получать консультации профессионалов по актуальным вопросам?

В поисках ответов на вопросы сначала мы обратились к официальным сайтам федерального уровня.

Имеется обобщенный ресурс, призванный представлять многонациональную российскую культуру в междуна-

родном Интернете, на котором во всем разнообразии освещены достижения регионов. Это Федеральный портал «Культура регионов» [4]. Сведения о Дальневосточной культуре размещены в формализованном виде по отдельным территориальным образованиям. Раздел «Хабаровский край» представлен информацией в подразделах «Органы управления культурой», «Учреждения культуры», «Историко-культурные и природные достопримечательности», «Традиционная культура».

Информация по вопросам культуры и искусства Хабаровского края на официальных сайтах федерального уровня имеет преимущественно справочный характер. Несомненно, о новостях культурной жизни края сообщают разнообразные электронные СМИ. Однако участие в таком масштабном федеральном проекте как «Культура регионов», имеющем англоязычную версию, значительно повысит авторитет сферы культуры Хабаровского края не только

Рис. 1. Сведения о культуре Хабаровского края на Федеральном портале «Культура регионов».

Рис. 2. Формализованная структура данных о культуре регионов на Федеральном портале «Культура регионов».

на федеральном, но и на международном уровнях.

Рассмотрим, насколько полно представлена авторитетная информация сферы культуры и искусства в региональном сегменте сети Интернет.

В результате исследования нами установлено, что официальные сайты краевых органов власти приводят общие сведения об объектах культуры, включая статистические, справочные и контактные данные. Официальный сайт Правительства Хабаровского края [17] насыщен информацией по всем направлениям общественной жизни края, он имеет развернутую информационную структуру, отраженную в подробной «Карте сайта». Размещена информация о Министерстве культуры Хабаровского края. В разделе «Туризм и отдых» выявлены подразделы «Исторические места» и «Театры», представляющие справочную информацию об исторических местах и театрах города Хабаровска. В этом же разделе размещён очень

подробный «Календарь туристских событий на 2008 год», повествующих о состоявшихся и предстоящих культурных мероприятиях двух городов — Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре.

Более полную информацию представляет Сайт Министерства культуры Хабаровского края, размещая не только сведения об организациях культуры и их деятельности, но и кратко комментируя основные события культурной жизни города и края. Сайт имеет 5 основных разделов: «Новости культуры», «Министерство», «Деятельность», «Документы», «Организации культуры» [18]. Желательно разместить интерактивные разделы типа «Гостевой книги», «Вопрос-ответ», «Опрос», «Рассылка новостей», что будет способствовать развитию взаимодействия населения с властью.

Интерактивным наполнением отличаются региональные сайты, использующие концепцию портала (или интернет-портала)*. Официальный краевой

информационный интернет-портал «Хабаровский край» [19] активно публикует последние новости культурной жизни края среди прочих событий и новостей. В специальном разделе сайта «Культура» приводятся справочные сведения, но они отличаются краткостью и повествуют лишь о структуре органов управления сферой культуры и основных направлениях деятельности Министерства культуры края.

Текущие события культуры и искусства Хабаровска и Хабаровского края освещаются также на других региональных сайтах, не имеющих официального статуса, но разносторонне и полно представляющих жизнь города и края, таких как «Мой город» [21], «Информационно-справочный сервер «Хабаровск»» [20] и др.

«Мой город» — это портал о жизни Хабаровска, городов края и людей, имеющий информационно-развлекательную направленность. Там много интересной и полезной информации, в том числе и из сферы культуры: адреса учреждений культуры, афиши, новости и др., но она «разбросана» по различным разделам сайта. Для сферы культуры и искусства на сайте нет специального раздела. Разделы «Кино», «Театр» и др. указаны в общем каталоге сайта среди разнообразных сфер общественной жизни («Бизнес», «Работа», «Знакомства» и пр.), выстроенных в порядке алфавита. Преимущество портала — в наличии средств интерактивной коммуникации и дополнительных сервисов для пользователей (рассылка новостей, чат, форум, отправка сообщений, доска объявлений и т.п.).

Большей степенью упорядоченности

информации о новостях и событиях городской жизни, репертуаре театров, кинотеатров и концертных залов обладает «Информационно-справочный сервер «Хабаровск», созданный и поддерживаемый Хабаровским краевым центром новых информационных технологий (при Тихоокеанском государственном университете). В разделе «Хабаровск сегодня» в подразделе «Культура» собран удобный в использовании иллюстрированный каталог учреждений культуры и органов власти с указанием адресов и телефонов. В специальном разделе «Афиша» публикуются анонсы предстоящих событий в области театра, кино, выставок и концертной жизни города. Важным достоинством сервера можно считать коллекцию ссылок на Интернет-ресурсы в области культуры и искусства Хабаровского края. Других коллекций ссылок по теме культурной жизни края на обследованных сайтах не было обнаружено. К сожалению, и этот ресурс не избежал упомянутых недостатков, свидетельствующих об отсутствии регулярного обновления информации.

Необходимо создание авторитетного обобщенного ресурса, полно и оперативно отражающего богатство и разнообразие искусства и культуры края в историческом ракурсе и современном состоянии, ресурса, открывающего возможности для мультимедийного представления достижений творческих организаций и деятелей искусств, для коммуникации профессионалов, любителей, представителей власти и всех желающих. Информация по вопросам культуры и искусства на региональных официальных сайтах разрозненна, имеет преимущественно справочный харак-

* Интернет-портал (от англ. portal «главный вход; ворота») — веб-сайт, предоставляющий пользователю Интернета различные интерактивные сервисы, работающие в рамках одного веб-сайта, такие как почта, поиск, погода, новости, форумы, обсуждения, голосования и т. д. Портал — наиболее мощный тип тематического сетевого ресурса. Цит. по: Википедия. Свободная энциклопедия <http://ru.wikipedia.org>

тер. Нельзя не упомянуть еще об одной детали, довольно часто встречающейся в контактной информации региональных сайтов и затрудняющей межкультурные и иные коммуникации — об отсутствии кода города в указанных телефонных номерах.

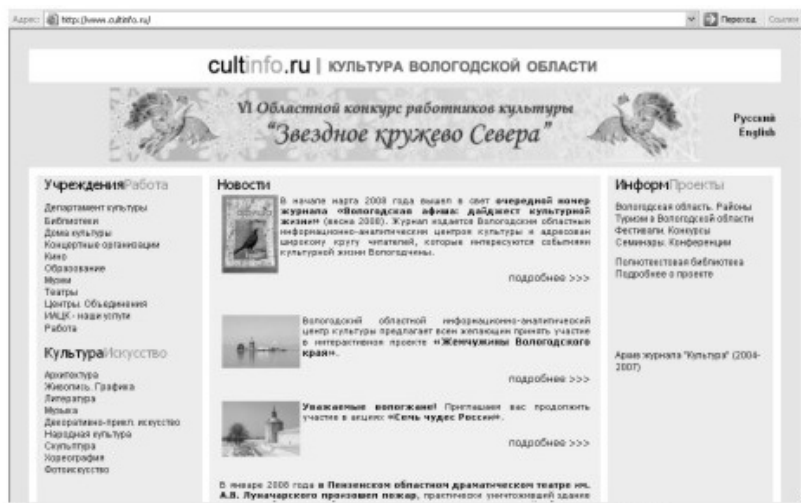
Интересен опыт соседнего региона — Приморского края. По материалам исследований авторитетного информационно-поискового сервера «Яндекс» (проект «Яндекс: Города»: Странички городов: Хабаровск), «...Хабаровск успешно соперничает с Владивостоком за первое место по числу посетителей Яндекса с Дальнего Востока. Однако при этом по числу интересных сайтов, описанных в каталоге Яндекса, Хабаровск заметно уступает не только столице Приморья, но и некоторым другим близким по размеру городам» [23]. Результаты наших исследований в области ресурсов по культуре и искусству подтвердили данное утверждение.

Нами было установлено, что культура Приморского края представлена в сети Интернет несколько большим количеством разнородных ресурсов сферы культуры. Они довольно полно отражены и систематизированы в Каталоге ресурсов «Искусство и культура» на Региональ-

ном сайте «Приморский край России», созданном при участии специалистов ДВО РАН [7]. Этот каталог значительно объёмнее упомянутой коллекции ссылок на Информационно-справочном сервере «Хабаровск». В нём собраны сайты организаций, творческих союзов и отдельных персон: художников, музыкантов, поэтов и других представителей разных направлений в области региональной культуры и искусства. Он обобщенно систематизирован: «Музеи», «Театр», «Музыка», «Живопись», «Фото». Другого специализированного ресурса, представляющего сферу культуры и искусства Приморского края, выявить не удалось.

В других регионах России среди многочисленных ресурсов разной тематики и качества выделяются своей полнотой и достоверностью информационные порталы по вопросам культуры региональных уровней, инициированные в большинстве своём местными министерствами и департаментами по культуре: «Культура в Вологодской области» [10], «Культура Новгородской области» [11], «Портал молодежной культуры Пермской области «Все свои»» [15], «Арт-Орел. Культура и искусство Орловской области» [5], «Культура Подмосковья» [13], «Культура Бердска» [9].

Рис. 3. Региональный портал культуры «Культура в Вологодской области»

Есть и другие интересные порталы о региональной культуре: «Портал культуры и искусства Ханты-мансийского АО» [16], «Культура Сибири» [12], «Интернет-портал по культуре и культурному сотрудничеству Баренцева региона» [6], «Карелия. Культурный туризм» [8], «Культура Южного Урала» [14]. Порталы публикуют новости региональной культуры, планы культурно-массовых мероприятий, знакомят с работой учреждений культуры, творческих коллективов, театров, музеев, библиотек. Они содержат справочные данные, актуальные интервью, коллекции ссылок на родственные ресурсы, фото- и видеоматериалы. Как правило, желающим предлагается рассылка новостей, участие в форумах, посещение гостевых книг, консультационных и справочных служб.

Таким образом, можно говорить о необходимости создания в Хабаровском крае своего «Портала культуры» — единого авторитетного информационно-справочного интернет-ресурса о культурной жизни региона, отвечающего требованиям полноты и достоверности информации, имеющего развитую информационную и коммуникационную структуру. Такой сетевой ресурс более всего подходит для просвещения, образования и активного обмена идеями не только профессионалам культуры и искусства, но и всем заинтересованным гражданам: журналистам, студентам, детям, родителям и прочим.

При поддержке Министерства культуры Хабаровского края такой портал будет способствовать формированию культурной среды региона, авторитетно представлять миру местное культурное сообщество, способствовать развитию деловых и межкультурных коммуникаций в сфере культуры.

В разработке концепции, содержательной структуры и создании портала могли бы принять участие студенты и преподаватели ХГИИК, уже сейчас ак-

тивно проводящие исследования по данной тематике. Руководством к разработке такого масштабного репрезентативного проекта должны стать два документа: «Принципы качества веб-сайтов по культуре» и «Руководство по качеству веб-сайтов по культуре» [1]. Эти документы разработаны и приняты представителями 25 европейских стран, а также Россией и Израилем в целях достижения сетевого взаимодействия Министерств культуры европейских стран для координации, усиления и оценки деятельности по оцифровке культурного и научного наследия и созданию единой общеевропейской платформы доступа к информационным ресурсам. В них подробно изложены критерии и перечень характеристик, которым должен отвечать качественный веб-сайт по культуре.

Согласно этим документам, информационно-справочный портал культуры Хабаровского края должен отвечать следующим критериям:

1. Быть прозрачным, для чего должно быть ясно заявлено о назначении и поставленных при создании сайта целях, а также об организации, ответственной за управление им;
2. Быть эффективным для пользователей, для чего должны применяться адекватные цифровые технологии, авторские материалы, форма и содержание;
3. Гарантировать высококачественную поддержку и своевременное обновление веб-сайта;
4. Быть доступным для всех пользователей, независимо от тех технологий, которые они используют, включая навигацию, содержание и элементы интерактивности;
5. Быть ориентированным на пользователей, принимать во внимание их потребности, обеспечивая уместность и простоту использования сайта с учетом обратной связи и оценки сайта пользователями;

6. Быть “реактивным”, предоставляя пользователям возможность контактов с создателями сайта и получения соответствующих ответов. Где необходимо, поддерживать дискуссии и обмен информацией с пользователями и между ними;

7. Быть многоязычным, обеспечивая доступ к информации минимум на двух языках;

8. Быть связующим звеном между пользователями и другими веб-сайтами по культуре, чтобы предоставить возможность легко находить те информационные

ресурсы и услуги, которые могут быть необходимы пользователям;

9. Быть легитимным, уважать права на интеллектуальную собственность и конфиденциальность личной информации, четко заявлять о сроках и условиях, на которых веб-сайт и его содержание могут использоваться;

10. Быть жизнеспособным, т.е. обеспечивать долговременную сохранность веб-сайта и его содержания за счёт использования соответствующих стратегий и стандартов.

Список использованных источников

• Литература

1. Принципы качества веб-сайтов по культуре : руководство. — М. : Бюро ЮНЕСКО в Москве, 2006. — 61 с. — [Электрон. вариант кн. представлен на сайте Проекта MINERVA. Режим доступа: <http://www.minervaplus.ru/docums/docums.htm>]

• Список ресурсов сферы культуры федерального уровня

2. Культура России. Федеральный портал <http://www.russianculture.ru>
3. Культура и искусство. Культурно-образовательный портал [федерального уровня] <http://www.educulture.ru/kportal/faces/public/kportal>
4. Культура регионов России <http://culturemap.ru> (Разделы: «Хабаровский край»: Органы управления культурой, Учреждения культуры, Законодательство, Историко-культурные и природные достопримечательности, Традиционная культура, Туристская карта, Города и веси, Люди, Калейдоскоп)

• Список региональных ресурсов сферы культуры

5. Арт-Орел. Культура и искусство Орловской области <http://www.art.oryol.ru>
6. Интернет-портал по культуре и культурному сотрудничеству Баренцева региона <http://barentsculture.karelia.ru>
7. Каталог ресурсов Приморье 2000. Регионального сайта «Приморский край России». Раздел «Искусство и культура». <http://www.fegi.ru/katalog/culture.htm>
8. Карелия. Культурный туризм <http://culture.karelia.ru>

9. Культура Бердска <http://www.berdskculture.ru>

Культура в Вологодской области <http://www.cultinfo.ru>

11. Культура Новгородской области <http://www.culture.natm.ru>

12. Культура Сибири <http://www.kulsi.ru/Home>

13. Культура Подмосковья <http://www.mosoblculture.ru>

14. Культура Южного Урала <http://www.culture-chel.ru/site/index/index.php>

15. Портал молодежной культуры Пермской области «Все свои» <http://www.vsesvoi.ru>

16. Портал культуры и искусства Ханты-мансийского АО <http://www.eduhmao.ru/portal/dt?last=false&provider=KultStartPageContainer>

Список ресурсов сферы культуры дальневосточного региона

17. Правительство Хабаровского края <http://www.adm.khv.ru>

18. Министерство культуры Хабаровского края <http://mkhk.ru>

19. Официальный информационный интернет-портал Хабаровского края <http://www.khabkrai.ru>

20. Хабаровск. Информационно-справочный сервер <http://www.khb.ru>

21. Портал «Мой город» [Мой Город. Ру] <http://www.moigorod.ru>.

22. Информационно-поисковый сервер «Яндекс» (проект «Яндекс: Города»: Странички городов: Хабаровск

23. Проект Яндекс Города <http://goroda.yandex.ru/khabarovsk.xml>

Иконникова Татьяна Яковлевна,
заведующий кафедрой
Отечественной истории
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета
(г. Хабаровск), доктор исторических
наук, профессор

Приамурцы на фронтах Первой мировой войны (1914—1917 гг.)

**Автор поднимает
вопрос о восстанов-
лении исторической
справедливости по от-
ношению к забытым
воинам-героям При-
амурского края, сражав-
шимся на фронтах Пер-
вой мировой войны**

Юбилейные даты наряду с чередой ярких торжеств дают импульс к размышлениям об истоках и итогах исторических событий. В советское время сполна проявилась т.н. «инерция забытья» героев Первой мировой войны. Известно, что кавалерами солдатского Георгиевского креста были С.М. Будённый, Г.К. Жуков, Р.Я. Малиновский, К.К. Рокоссовский и др. Однако далеко не во всех изданиях даже тематических энциклопедий указывались эти первые награды выдающихся военачальников [1].

Советская историография, сосредоточившись на детальном изучении победного пути красных армий в годы Гражданской войны, оставляла практически вне поля зрения массовый героизм российских воинов, проявленный на фронтах Первой мировой войны.

Не были исключением из этого общего направления и публикации дальневосточных историков. Отказ от идеологичес-

ких стереотипов, начавшийся в 1990-е годы дал возможность восстановления исторической справедливости. В 1994 году в Хабаровске вышла первая часть «Книги памяти» жителей Хабаровского края, павших смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны. Авторы вступительной статьи особо подчеркнули: «Есть нетленный закон сохранения памяти о погибших во имя справедливо-го дела — сбережения своего родного очага от агрессии, защиты Отечества от вражеского нашествия. Этот закон носит общечеловеческий характер и существует с древних лет. На Руси во все времена в честь павших героев возводились храмы и памятники, слагались сказания» [2]. Отдавая дань глубокого уважения нашим землякам, павшим на фронтах Второй мировой войны, выскажем мнение, что настало время восстановить из забвения и имена дальневосточников-героев Первой мировой войны. К сожалению, сделать это будет непросто.

Исследователи, приступающие к изучению темы, сталкиваются с крайне ограниченным кругом источников, в т.ч. и мемуарного характера. Определенным образом восполнить этот дефицит помогает местная периодическая печать, а так же эмигрантская литература.

Приамурский край был самой отдаленной от Восточного (Русского) фронта территорией Российской империи. Когда здесь было получено известие об объявлении Германией войны России, население не осталось безучастным к судьбе Родины. Начавшиеся боевые действия отменили демобилизацию лиц, отслуживших срок действительной службы. 26 июля (9 августа) 1914 года приказом войскам Приамурского военного округа все нижние чины, которые к 15 августа завершали срок службы, не увольнялись в запас [3]. Последовавшие далее приказы о мобилизациях новобранцев, запасных нижних чинов и ратников ополчения

прошли в Приамурском крае организовано, хотя большого опыта в проведении массовых мобилизационных кампаний в округе не было.

Военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант А.Д. Сташевский в отчёте за 1914 год, направленном на имя Николая II, докладывал о «высоком патриотическом энтузиазме», с которым местное население встретило призыв встать под боевые знамена. Согласно отчёту, в 1914 году «с объявлением мобилизации ушло в армию свыше 30000 запасных нижних чинов и несколько тысяч добровольцев» [4]. Следует отметить, что относительно добровольцев в отчёте содержалась сильно преувеличенная цифра. Возможно, она учитывала число просьб о направлении на фронт, но не реальное количество. Так как эти просьбы шли в основном со стороны учащихся, а также со стороны ветеранов русско-японской (1904—1905 гг.) и даже русско-турецкой (1877—1878 гг.) войн, все они получили отказ. Согласно документам, в 1914 году добровольцами или, как их тогда называли, «охотниками» было зачислено на военную службу по Приамурской области 14 чел., а по Амурскому уезду — 4 чел., т.е. совсем немного относительно общей массы призванных [5].

В конце сентября 1914 года после получения точной информации о скором вступлении в войну на стороне Антанты Японии было принято решение о передислокации на театр военных действий войск Приамурского военного округа. На запад были направлены Сибирские армейские корпуса: I — командир генерал от кавалерии М.М. Пешков, IV — командиры генерал-лейтенант С.С. Савич (до 8.05.1915 г.), генерал от инфантерии А.В. Сычевский (до 1.10.1915 г.) и генерал от инфантерии Л.О. Сирелиус (до 10.04.1917 г.), V — командиры генерал от инфантерии Л.Л. Сидорин (до 22.12.1914 г.)

и генерал-лейтенант Н.М. Воронов (до 12.04.1917 г.). Сибирские корпуса сопровождали «торжественно воинские части гарнизона и представители общественности» [6].

Руководил отправкой на фронт Сибирских военных корпусов генерал от инфантерии П.А. Лечицкий, являвшийся с октября 1910 года командующим войсками Приамурского военного округа и наказным атаманом Амурского и Уссурийского казачьих войск. Прибыв на Юго-Западный фронт, Лечицкий командовал группой войск, направленной на помощь 4-й армии после её неудачных боёв у Красника (10—11 августа 1914 г.). Затем он был назначен командующим 9-й армией. Уже в сентябре 1914 года Лечицкий возглавляет наступление на левом фланге фронта: форсирует с боем р. Сан у Чекаева и у Разводова, берёт Сандомир. 29 сентября 1914 года П.А. Лечицкий был награждён Георгиевским оружием с бриллиантами, а в октябре того же года — орденом Св. Георгия 3-й степени. В Заднепровском сражении (апрель — май 1915 г.) армия Лечицкого взяла около 20 тыс. пленных и 20 орудий, а в начале июля удерживала фронт от Днестра до румынской границы. В 1916 году армия принимала участие в Брусиловском наступлении. 28 мая 1916 года войска под командованием Лечицкого в Бороноуцком бою разбили 7-ю армию генерала Пфланцер-Балтина, отбросив её к Пруту и в Заднепровье. В этом сражении потери противника составили до 70 тыс. чел. (в т.ч. около 39 тыс. пленными), потери нашей 9-й армии были около 14 тыс. чел. 5 июня армейский корпус под командованием Лечицкого взял г. Черновцы. В боевой биографии генерала были новые победы (Тлумач, Станиславов, Кукуль, гора Капул).

В далёком от театра военных дейс-

твий крае с большим вниманием относились к боевому пути командующего Приамурским военным округом. Например, в конце июля 1916 года местные газеты вышли с телеграммой-молнией на первых страницах: «Части генерала Лечицкого 28 июля овладели г. Станиславовым* и продвигаются дальше». На имя генерала были направлены поздравительные письма и телеграммы «по случаю наших побед». Среди них была и телеграмма от хабаровской городской Думы. Вскоре её глава А.В. Плюснин получил ответную телеграмму: «Сердечно благодарю всех хабаровцев (так в тексте — Т. И.) за добрые пожелания. Прошу принять мой искренний привет. Генерал Лечицкий» [7].

М.М. Плешков проявил себя прекрасным командиром корпуса, основу которого составляли 1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии. Его 1-я Сибирская стрелковая дивизия сразу после разгрузки из вагонов, без артиллерийской поддержки у Пясечны была брошена в бой и спасла русские войска в районе Варшавы. 25 октября 1914 года за бои под Ривой 12-13 октября 1914 года М.М. Плешков был награждён Георгиевским оружием. Затем успешно осуществлял командование корпусом под Лодзью, Преснышем (Праснышем). В июле 1915 года на р. Нарев (1915 г.), 2-я и 11-я Сибирские стрелковые дивизии выдержали удар намного превосходящий их сил 12-й германской армии. В 1916 году М. М. Плешков сражался в районе р. Нарочи и р. Припяти.

IV Сибирский армейский корпус (9-я и 10-я пехотные дивизии) под командованием С. С. Саввича прибыл на фронт в январе 1915 года. Под Ломжей он вошёл в состав 12-й армии. С мая 1915 года С.С. Саввич был начальником штаба армией Юго-Западного фронта.

* г. Станислав — с 1962 г. город Ивано-Франковск.

С декабря 1915 по октябрь 1916 года являлся командиром XVI армейского корпуса. Участвовал в Брусиловском прорыве.

С февраля 1914 года II Сибирский армейский корпус возглавлял А.В. Сычевский. Отметим, что с 1906 по 1910 годы Сычевский был военным губернатором Амурской области, а так же командующим войсками области и наказным атаманом Амурского казачьего войска. С февраля 1913 года он являлся начальником Заамурского округа отдельной пограничной стражи (КВЖД). В главе II Сибирского армейского корпуса в составе 10-й армии Сычевский вступил в Варшавское сражение 1914 года. Именно на II Сибирский корпус пришлась основная тяжесть боёв. Под Блоне и Гройцами смертью храбрых пал практически весь кадровый состав 4-й и 5-й Сибирских дивизий (командующие — генерал-лейтенант Н.Ф. Краузе и генерал-лейтенант Г.Г. Лилиенталь).

Л.О. Сирелейс принял командование IV Сибирским армейским корпусом в начале октября 1915 года. Под его командованием корпус был передислоцирован в Добруджу, а затем в Бесарабию на р. Нижний Серет.

Н.Я. Лисовский с ноября 1911 года являлся командующим 10-й Сибирской стрелковой дивизии, во главе которой он и вступил в сражения Первой мировой войны. За бои 13—17 февраля 1915 года под Праснышем был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени, а с мая 1915 года возглавил II Сибирский Армейский корпус 12-й армии.

Генерал от инфантерии Н.Н. Мартос, являвшийся с 1907 по 1911 годы помощником командующего войсками Приамурского военного округа, в 1911 году был назначен командиром XV армейского корпуса. Этот корпус в августе 1914 году сражался в составе 2-й армии генерала А.В. Самсонова. Во

время боёв в Восточной Пруссии 16 августа 1914 г. Мартос был взят в плен. Однако первоначально по сведениям российского Штаба Верховного Главнокомандующего Мартос числился как «геройски павший в бою». Газета «Приамурские ведомости» 10 сентября 1914 года опубликовала это сообщение с описанием подробной боевой биографии генерала.

11 сентября 1914 года в Успенском соборе г. Хабаровска протоиереем Г. Евсеевичем была отслужена панихида «по геройски павшем в сражении с германцами генерале от инфантерии Н.Н. Мартосу». На богослужении присутствовали главный начальник края Н.Л. Гондатти, временно командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант Л.Л. Сидорин, начальник штаба генерал-лейтенант А.С. Санников, управляющий канцелярией приамурского генерал-губернатора В.А. Закревский, городской голова А.В. Плюснин, начальники военных и гражданских учреждений, чиновники управления генерал-губернатора и сотни молившихся хабаровчан [8]. Однако такие скорбные мероприятия оказались слишком поспешными, т.к. вскоре стало известно, что Н.Н. Мартос содержится в лагере для военнопленных под Берлином. 30 октября 1914 года он был исключён из списков пропавших без вести. Заметим, что скончается Н.Н. Мартос в 1933 году в Югославии, не дожив месяца до своего 75-летия [9].

Не сообщая номеров соединений, дальневосточная пресса регулярно информировала население края о подвигах Сибирских стрелковых полков. В апреле 1915 года газета «Приамурские ведомости» сообщала о награждении Георгиевским крестом 4-й степени начальника Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта С.М. Пospelова, полковника Сибирского стрелкового

полка Горностаева, подполковников Сибирских стрелковых полков: Травникова, Бокова, Власова, штабс-капитана 4-го Сибирского стрелкового полка Гурьева, штаб-капитана 2-й Сибирской артиллерийской бригады Баркалова, штабс-капитана Сибирской тяжелой артиллерийской бригады Фалеева, подпоручика Сибирского стрелкового полка Верещагина [10]. Следует отметить, что генерал-лейтенант С.М. Поспелов являлся бессменным командующим 2-й Сибирской стрелковой дивизией с декабря 1911 года по апрель 1917 года [11].

Остановимся на газетных публикациях о героях только одного сражения. В бою 7 июня 1915 года за г. Кальвария (Польша) проявили героизм воины Н-ского Сибирского полка, дислоцировавшегося до войны в Приамурском военном округе. Многие из них были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени. Младший унтер-офицер Афанасий Шантарин и стрелки Василий Данилов и Кондратий Пемов были награждены за то, что «в атаке в ночь на 7 июня, занятый постами противника и несмотря на огонь пулемета и численное превосходство неприятеля, обратили немцев в бегство, причём сами были ранены. Благодаря их отваге ход сообщения был занят нами почти без потерь». Стрелки этого же полка Никифор Федосеев и Василий Головкин были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени за то, что в этой же атаке «под пулеметами и ружейным огнем неприятеля первыми ворвались на лево-фланговый участок окопа, заколов наводчика и несколько неприятельских нижних чинов, находившихся при пулемёте» [12].

Такою же георгиевскую награду как и однополчане получил стрелок Игнатий Анисимов. Он, атакуя немецкую линию обороны, «перебегая в составе отделения к центру неприятельского окопа под

второй пулемёт и перестреляв высунувшихся из окопа офицеров и стрелков, ворвался в окоп и увлёк за собою нашу цепь. Вследствие чего центр германского окопа был занят нами» [13].

Не случайно в Сибирских стрелковых полках родились слова песни:

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура от реки
Молчаливо грозной тучей
Шли на бой сибиряки.
Ни усталости и страха,
Бьются ночь и бьются день,
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.
Русь поднимется родная,
Нашей верою сильна,
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля.
Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя ль мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой привет передадим...

На фронтах Первой мировой сражались и дальневосточные казачьи соединения. С первыми мобилизациями отбыли на театр военных действий 1-й Амурский и Уссурийский казачьи полки. В 1915 году отбыл на фронт 2-й Амурский полк и Уссурийский казачий дивизион. В этом же году Уссурийская конная бригада была объединена со 2-м Амурским казачьим полком, Уссурийским конным дивизионом и 8-м Донским казачьим конно-артиллерийским дивизионом. Такое объединение позволило создать Уссурийскую казачью дивизию [14]. Её командиром с 27 марта 1915 года был назначен генерал-лейтенант А.М. Крымов, который заслужил славу решительного и смелого кавалерийского начальника. Так, 1 июня 1915 года в бою под Попелянами силами Приморского драгунского полка А.М. Крымов форсировал р. Венту и во встречном

бою наголову разбил 5 германских кавалерийских полков.

Столь смелые командиры корпусов, дивизий и полков не могли не стать примером для воинов. Для приамурских соединений типичен был массовый героизм офицеров и нижних чинов. Газета «Приамурские ведомости» сообщала о награждении орденом Св. Георгия 4-й степени подполковника Приамурского драгунского полка Н. Шипунова. 1 июня 1915 года, будучи ещё в чине ротмистра, Н. Шипунов, «когда конная атака полка на укрепленную позицию противника у д. Попеляны, успешная вначале, кончилась неудачно и эскадроны повернули обратно, он собрал части пяти эскадронов и бросился снова в атаку в конном строю во фланг противника и опрокинул его, чем решительно содействовал общему успеху» [15].

Георгиевским крестом 3-й степени был награждён младший унтер-офицер Приморского драгунского полка Михаил Волостников. Во время наступления 26 июня 1915 года он «первым бросился в атаку, увлекая за собой своих товарищей и совместно с ними забрал действующий пулемёт» [16].

Георгиевским крестом 3-й степени был награждён и старший унтер-офицер этого же полка Андрей Головнин. 11 июля 1915 года при отступлении наших эскадронов он получил приказ командующего полком занять со взводом роту на левом фланге и удерживать её до полного отхода основных сил. Под натиском пехоты врага А. Головнин «удержал этот пункт несмотря на потерю 7 человек из состоявших в его распоряжении 15 драгун и отошёл, получив лишь на то приказание» [17]. Кроме Н. Шипунова, «за отличие в делах против неприятеля» в этом сражении были награждены георгиевским оружием полковник Уссурийского казачьего полка Александр Губин, ротмистр Приморс-

кого драгунского полка Валентин Семенов, штабс-ротмистр этого же полка Леонид Урядов и другие [18].

10 февраля 1915 года есаул Уссурийского казачьего полка В. Февралев в бою у деревни Рудка-Скрода, пробился к значительно поредевшей роте кавказских стрелков. Эта рота, потеряв к тому же своего командира, отходила под напором наступавших сил врага. В. Февралев, спешив свою сотню, быстро «подчинил себе остатки стрелков и, находясь под сильным оружейным и пулеметным огнем, перешел в решительное наступление, чем заставил превосходящего в силах противника отойти». Русским удалось удержать за собой переправу через реку Скроду. Решительные действия В. Февралева позволили обеспечить «от обхода во фланг и тыл противником соседнюю 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию». За этот подвиг В. Февралев был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени [19].

Следует отметить, что до февральско-мартовских событий 1917 года сообщения о подвигах дальневосточников на фронтах Первой мировой давались по цензурным требованиям без точных географических названий и нумерации соединений. Это отнюдь не умаляло значимости подвигов, совершенных на поле боя.

Уссурийский казачий полк действовал в летних боях 1915 года в составе Уссурийской казачьей дивизии. Как сообщали дальневосточные газеты, казаки полка проявили беспримерную отвагу, за что многие были награждены высокими наградами. Среди них — младший урядник Петр Бурук, получивший Георгиевский крест 3-й степени за то, что 3 июня 1915 года, находясь в числе четырёх добровольцев, «вызвавшихся разведать группу деревенских домов и обнаруживших там немцев, смело бросился к домам и заставил немецкую за-

ставу в 15 человек очистить эти дома, что давало возможность дальнейшего наступления нашей сотни» [20].

Такой же наградой — Георгиевским крестом 3-й степени — был награждён сотенный фельдшер Уссурийского казачьего полка Георгий Ивлев, который «3 июня 1915 г. у деревни под убийственным огнём тяжелой и легкой артиллерии, ружейным и пулеметным огнём делал перевязки в цепи, причём был и сам ранен и скончался от полученной раны» [21].

Столь же отважным был сменивший Г. Ивлева фельдшер полка Тимофей Авдеев. 16 сентября 1915 года он в составе 29 казаков принял участие в конной атаке «на голову конной дивизии противника, выходящей из леса». Т. Авдеев шёл в атаку непосредственно за командиром сотни, причём в критический момент, спасая его жизнь и выпустив все револьверные патроны, обнажил шашку и продолжал защищать командира сотни, пока не был выведен из строя за ранением». За свой подвиг Т. Авдеев был награждён Георгиевским крестом 3-й степени [22].

Участник боев под Варшавой 1915 года казак 3-й сотни Уссурийского полка Г. В. Бочковой сообщал домой: «Немцы нас называют маньчжурскими казаками. Приходилось нам ходить на германскую кавалерию в атаку. Так они убегали, бросали винтовки и кричали «Казаки...» [23].

В конце 1915 года войсковое правление Уссурийского казачьего войска издало для широкого распространения брошюру А. Жернакова об истории соединения и подвигах казаков-уссурийцев. Анонсируя это издание, газета «Приамурские ведомости» отмечала, что, как и в прежние годы, «в нынешнюю войну уссурийцы покрыли боевой славою своё оружие». За полтора года боевых действий ордена Св. Георгия

получили 279 казаков-уссурийцев. Среди них были и полные георгиевские кавалеры: Лиховидов, Бобров, Гребеньщиков, Михайлов и другие [24].

Особую группу героев составляли кадеты Хабаровского корпуса. Благодаря изданию П. Гаттенбергера [25] и материалам периодической печати можно восстановить имена преподавателей и выпускников, сражавшихся с врагом в годы Первой мировой войны. Приведём отдельные примеры героизма бывших кадет-хабаровчан.

23 августа 1914 года в бою у села Кшонов отличился прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Алексей Абаза, окончивший хабаровский корпус в 1909 году. Он с девятью бойцами, которые остались в живых от его взвода, взял пулеметное гнездо австрийцев, являвшееся ключом позиции врага. За свой подвиг А. Абаза был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

Николай Николаев, выпускник корпуса 1907 года, прибыл на фронт в чине сотника Забайкальской казачьей батареи. 20 ноября 1914 года при защите переправы через р. Рукавку у деревни Бугай, находясь под огнём в четыре раза превосходящих артиллерийских сил противника, сумел задержать неприятеля огнём своей батареи. Это дало возможность целой бригаде отойти на новую позицию, а Н. Николаев был посмертно награждён орденом Св. Георгия 4-й степени [26].

Начальник пулеметной команды 6-го Сибирского стрелкового полка поручик Вячеслав Александров (выпускник корпуса 1909 г.) в бою с 7 по 9 декабря у деревни Дахово пулеметным огнём «привел к молчанию батарею противника». После этого, передвинув два пулемета в окопы к мосту, обстрелял позиции противника на правом берегу реки. В. Александров получил в бою

смертельное ранение. Посмертно он был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

Подпоручик этого же полка Леонид Сейфулин (выпуск 1913 г.) в бою под городом Праснышем у деревни Бобово, командуя 8-й ротой, стремительно атаковал немцев в окопах, «выбил их и обратил в бегство». В бою было захвачено действующий пулемет и 66 пленных (2 офицера и 62 солдата). За этот подвиг Л. Сейфулин был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

Выпускник хабаровской подготовительной школы Сибирского кадетского корпуса штаб-капитан 3-го Сибирского горного дивизиона Ефим Быков 1 марта 1915 года при атаке высоты 884 выдвинул свою батарею на линию стрелковых цепей. Сам же действовал впереди цепей, командуя непосредственно полубатареей. Прицельным огнем Е. Быков содействовал взятию ряда важных пунктов позиций врага, где было взято 6 пулеметов и 1130 пленных (из них 15 офицеров). Наградой штаб-капитану Е. Быкову стал орден Св. Георгия 4-й степени.

Выпускник корпуса 1908 года Александр Быков являлся поручиком 3-го Сибирского горного дивизиона. 25 мая 1915 г. в бою у населенного пункта Мосцицко он командовал взводом горных орудий. Находясь на наблюдательном пункте в передовых пехотных окопах, А. Быков сумел отбить несколько немецких атак и заставил замолчать превосходящую в силах германскую артиллерию. Был награждён Георгиевским оружием.

Михаил Сейфулин (выпускник 1909 г., являясь командиром батареи 2-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, участвовал в бою 4 июля 1915 г., у переправы в местечке Подосье. Когда наши орудия оказались захваченными и уже были повернуты врагом в сторону рус-

ских, М. Сейфулин повёл бойцов в атаку и отбил орудия. Под его командованием «наши стрелки вместе с принужденными немцами вытянули орудия к русским окопам». М. Сейфулин был награждён Георгиевским оружием.

Николай Мурзин являлся кадетом выпуска корпуса, состоявшегося в 1905 г. В боях 27 июля 1916 г. штабс-капитан лейб-гвардии 1-го Мартирного Артиллерийского дивизиона Н. Мурзин «занял наблюдательный пункт на высоте 90,1 в трестах саженьях от передовых позиций неприятеля и, находясь в положении явной опасности, в течение всего боя под сосредоточенным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем неприятеля руководил своей батареей. Этим он способствовал прорыву измайловцев с небольшими потерями и захвату позиций неприятеля» [27].

Всего до начала революционных потрясений 1917 года орденом Св. Георгия или Георгиевским оружием было награждено 2 офицера-преподавателя и 43 выпускника Хабаровского кадетского корпуса [28].

Среди них в 1914 году погибло 36 человек, в т.ч. и выпускник корпуса Глеб Рыбалтовский. Он служил на крейсере Сибирской флотилии «Жемчуг». В октябре 1914 года на рейде Джорджтауна (остров Пенганг, Малайзия) крейсер был дерзко атакован и потоплен германским крейсером «Эмден» [29].

В начале 1917 года погиб в воздушном бою сын первого редактора газеты «Приамурские ведомости» А.П. Сильницкого, выпускник корпуса 1912 года Евгений Сильницкий.

Приведённые примеры подвигов выпускников Хабаровского кадетского корпуса свидетельствуют об их высоком понимании воинского долга перед Отечеством. К сожалению, на здании в Хабаровске, где располагался кадетский корпус, нет мемориальной доски в

память о его героях-выпускниках, прославивших свой край в годы Первой мировой войны.

Следует отметить, что спешили на фронт и выпускники других учебных заведений. В ноябре 1917 года в 9-й Сибирский стрелковый полк прибыл доброволец Александр Пожарский. Он, сумев добиться разрешения начальника края Н. Л. Гондатти, сдал экстерном выпускные экзамены хабаровского реального училища за 5-й класс и был направлен на фронт. За ряд героических подвигов А. Пожарский был награждён тремя Георгиевскими крестами: 4-й, 3-й и 2-й степеней. В одной из ночных атак был ранен и направлен в госпиталь. Командир полка направил письмо в Хабаровск директору училища А.Г. Кедролыванскому, в котором выражал благодарность всему училищу, воспитавшему такого патриота-героя как А. Пожарский, «имя которого занесено кровавыми буквами на скрижали полковой истории» [30].

Далеко не все воины, совершавшие подвиги на фронтах Первой мировой войны получили знаки воинского отличия. Героев, несомненно, должно было быть больше. Однако награждение орденом Св. Георгия требовало после представления и подписанием указа императором (после его отречения — командующим армией или фронтом) ещё и утверждения Георгиевской думой. Она состояла из награждённых

этим орденом ранее. Во фронтовых условиях Георгиевская дума не могла часто собираться, поэтому от момента совершения подвига до награждения уходило около года, а иногда и больше. Многие героические действия русских воинов, совершённые в 1917 году, остались не отмеченными. Только на румынском фронте награждения продолжались до заключения в марте 1918 года Брестского мира [31].

С постепенным уходом из жизни воинов Первой Мировой войны, для которых она являлась масштабным знаковым событием собственной жизни, в памяти следующих поколений история сражений и подвигов российских героев была заменена приблизительными представлениями. С утверждением советской власти наступила сначала эпоха не востребованости, а затем и опасности воспоминаний о боях «за веру, царя и Отечество». Отмеченные в 2008 году 150-летний юбилей Хабаровска, 90-летний юбилей Дальневосточного военного округа и 70-летие Хабаровского края ставят перед нами новые задачи восстановления забытых страниц воинских подвигов наших земляков. Приближающееся 100-летие с начала Первой мировой войны властно диктует восстановить историческую справедливость и вернуть из забвения славные имена воинов-приамурцев, воздвигнув им подобающий памятник.

Список использованных источников

1. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. — М., 1987. — С. 78, 210, 340, 530 ; Великая Отечественная война 1941—1945 : энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов. — М., 1985. — С.117, 272, 430, 616.
2. Дубинина, Н. И. Не померкнет в веках / Н. И. Дубинина, Ю. Л. Яхнин // Книга памяти : здесь поимённо названы жители Хабаровского края, павшие смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Хабаровск, 1994. — Ч. 1. — С. 15.
3. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1914 г. Приказ № 515. 26 июля 1914 г. // ГАХК. Инв. № 1530.
4. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп.1. Д. 923. Л. 1 об.
5. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1017. Л. 95 об., 99 об ; Иконникова, Т. Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны / Т. Я. Иконникова. — Хабаровск, 1999. — С. 108—122.
6. Государственный архив Хабаровского края. ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 6. Л. 63.
7. Приамурье. — 1916. — 28 июля, 2 авг.
8. Приамурские ведомости. —1914 . —12 сент.
9. Биографические сведения о А. М. Крымове, П. А. Лечицком, Н. Я. Лисовском, Н. Н. Мартос, М. М. Плешкове, С. С. Савиче, А. В. Сычевском. См. Залесский, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне / К. А. Залесский. — М., 2003. — С. 332—333, 365—366, 396—397, 481—482, 541—542, 582.
10. Приамурские ведомости. — 1915. — 14 апр.
11. Залесский, К. А. Кто был кто в Первой мировой войне / К. А. Залесский. — М., 2003. — С. 865.
12. Приамурские ведомости. — 1916. — 23 июня.
13. Приамурские ведомости. — 1916. — 2 июля.
14. История казачества Азиатской России. — Екатеринбург, 1995. — Т. 2. — С. 209.
15. Приамурские ведомости. —1917. — 21 янв.
16. Приамурские ведомости. — 1916. — 7 июня.
17. Приамурские ведомости. — 1916. — 28 июня.
18. Приамурские ведомости. — 1917. — 21 янв.
19. Приамурские ведомости. — 1917. — 28 янв.
20. Приамурские ведомости. — 1916. — 7 июня.
21. Приамурские ведомости. — 1916. — 4 июня.
22. Приамурские ведомости. — 1916. — 28 июня.
23. Корнева, Л. В. Вяземцы на фронтах Первой мировой войны / Л. В. Корнева // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке. — Хабаровск, 1995. — С. 98.
24. Приамурские ведомости. — 1915. — 17 дек.
25. Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус : 1888—1978 / отв. ред. П. Гаттенбергер. — Сан-Франциско : Рус. нац. изд-во «Глобус», 1978. — 291 с.
26. Там же. — С. 243—244.
27. Там же. — С. 243—246.
28. Там же. — С. 233—238.
29. Зайончковский, А. М. Первая мировая война / А. М. Зайончковский. — СПб., 2002. — С. 318.
30. Приамурские ведомости. — 1915. — 16 июня.
31. <http://history-gatchna.ru/article/aviatory1.htm//>

Жизнь города Хабаровска на основе архивных документов, исследований учёных-историков и краеведов, воспоминаний участников событий

Ципкин Юрий Николаевич,
профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета (г. Хабаровск), доктор исторических наук

Хабаровск в годы Гражданской войны

Основанный 31 мая 1858 года военный пост Хабаровка в 1884 году стал центром Приамурского генерал-губернаторства, а в 2008 году город отметил своё 150-летие.

В 1918—1922 годах Хабаровск в полной мере испытал всю трагедию гражданского противостояния. Историческое же значение революций 1917 года до сих пор является предметом острых дискуссий в российском обществе.

В данной статье речь пойдёт о жизни нашего города в период Гражданской войны. Для подготовки статьи автор использовал архивные документы, монографии и статьи учёных-историков и краеведов, а также воспоминания участников событий тех далёких лет. Следует отметить, что значительный вклад в эту тему ещё в 40-е—70-е годы XX в. внесли известные дальневосточные историки Н.И. Рябов, В.И. Чернышёва и Н.А. Авдеева и др.

В 1913 году Хабаровск насчитывал 52 тыс. жителей. Промышленных предприятий в городе было мало (самое крупное

— завод «Арсенал». Позже на его базе был создан завод «Дальдизель»), и большинство жителей представляли чиновничество, купечество и городские обыватели.

Особенностью политической ситуации Дальнего Востока было позднее установление в регионе Советской власти. Это объяснялось спецификой социальной обстановки. Сибирь и Дальний Восток отличались от центра России слабостью и малочисленностью рабочего класса. Здесь не существовало помещичьего землевладения, а соотношение социальных слоёв в деревне было совершенно иным, чем в европейской России. Другими на Дальнем Востоке были и сами понятия «бедняк», «середняк», «зажиточный» крестьянин и казак. Бедняки на Дальнем Востоке в 1917 году составляли 33 % крестьянства (в европейской части страны — 65 %), середняки — 45 % (20 %), зажиточные крестьяне — 22 % (15 %). Уссурийское, Амурское и Забайкальское казачьи войска имели лучшие земли и выпасы, большие стада скота, привилегии. Зажиточные хозяйства крестьян и казаков по степени применения наёмного труда и сложной сельхозтехники приближались к фермерским. В регионе активно развивалась кооперация, руководство которой находилось в руках у эсеров. Летом 1917 года на Дальнем Востоке указом Временного правительства были созданы земства. Их возглавили местные правые социалисты (т.е. эсеры и меньшевики).

Свою роль сыграли малочисленность и определённая пассивность большевистских организаций, а также отдалённость края от центра. Парадоксально, но когда в Петрограде и центре России уже установилась власть Советов, на Дальнем Востоке России у власти стоял ещё Комиссар Временного правительства правый эсер А.Н. Русанов. Только на III съезде Советов Дальнего Востока, состоявшемся в Хабаровске 12—20 декабря 1917 года,

была провозглашена новая власть (Съезд работал в резиденции бывшего Приамурского генерал-губернаторства — правое крыло здания ОДОРА). Съезд избрал Дальневосточный краевой комитет Советов под председательством большевика А.М. Краснощёкова. В январе 1918 г. в состав краевого комитета помимо 8 большевиков и 4 левых эсеров, вошли 5 представителей Приморского земства. Так была создана демократическая коалиция Советов и местных самоуправлений, которая была призвана расширить социальную базу Советской власти в регионе. 5 января 1918 года Дальневосточный краевой комитет Советов принял решение о том, что его наименование должно быть «Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и самоуправлений». Это была временная демократическая коалиция Советов и земств, которая, по довольно спорному мнению ряда историков, могла бы решить многие вопросы политической и экономической жизни и даже уберечь регион от гражданской войны.

Органы Советской власти наделили малоземельных крестьян и казаков землёй, причём не за счёт зажиточных односельчан, а за счёт государственного земельного фонда. Был введён 8-часовой рабочий день, поднята зарплата рабочим и служащим, на предприятиях создан рабочий контроль. Были сформированы части Красной армии и Красной гвардии. Дальневосточные Советы сделали первые шаги по защите рыбных, пушных и горных богатств региона от расхищения иностранными фирмами.

Мероприятия Советской власти вызвали ожесточённое сопротивление предпринимателей, зажиточного крестьянства, казачества и чиновничества. Против Советов выступили эсеры и меньшевики, представители которых занимали ключевые посты в земских учреждениях и кооперации. Необходимо помнить, что в коа-

лицию с большевиками вступили только приморские земцы.

Из-за острых разногласий с земствами, а по сути — с правыми социалистами-организаторами первых антисоветских мятежей, а также по указанию Москвы коалиция с земцами была разорвана в апреле 1918 года, и Дальневосточный краевой комитет Советов и самоуправлений принял название «Дальсовнарком» (он размещался в старинном здании, в котором в 1895—1896 годах была канцелярия Приамурского генерал-губернатора. Ныне — это дом на углу улиц им. Муравьёва-Амурского и Волочаевской).

Положение осложнили и ошибки самого Дальсовнаркома, который, хотя и без комбедов и продотрядов пытался провести Декреты об уравнительном землепользовании без учёта местных условий, стремился «рассказачить» амурских и уссурийских казаков, на чём настаивала бедняцкая часть казачества. Это оттолкнуло от Советской власти значительную часть казаков-середняков. В Амурской области национализации подверглись все мелкие и средние предприятия, что вызвало кризис в производстве многих товаров, недовольство населения и оттолкнуло от Советской власти мелких собственников города.

Свою негативную роль сыграли отдалённость Дальнего Востока от центра, его слабая заселённость, близость великих держав, которые воспользовались политической ситуацией в регионе для интервенции и возможного отторжения региона от России. Лидеры же Белого движения рассчитывали создать в Сибири и на Дальнем Востоке свою государственность, привлечь на свою сторону большинство населения, а затем распространить белый режим по всей России.

Но главной причиной падения Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке и условием временной победы антибольшевистских сил стал мятеж час-

тей чехословацкого корпуса (в т.ч. и во Владивостоке в конце июня 1918 г.) и последовавшая затем интервенция союзных держав в начале августа.

Иностранные державы ставили цель ликвидировать большевизм, вернуть старые долги России и национализированную собственность. Для союзников России в Первой мировой войне необходимо было вернуть её солдат на поля битв. Важной частью их планов было расчленение России на ряд небольших государств и превращение их в объект международной политики.

В июле 1918 года чехословацкие части развернули наступление из Владивостока на Хабаровск. Для отпора им был создан Уссурийский фронт. Главнокомандующим советскими силами Дальнего Востока был назначен В.В. Сакович. Отряды же для фронта формировались в Хабаровске. Среди них были отряды руководителя профсоюза грузчиков И.П. Шевчука и учителя А.К. Флегонтова. Позже они прославились как партизанские командиры. (В годы Великой Отечественной войны генерал-майор И.П. Шевчук был командиром дивизии на Калининском фронте и погиб в 1942 году. Генерал-майор А.К. Флегонтов командовал партизанским отрядом в Белоруссии и погиб в 1943 году). Не случайно 31 июля 1918 года, когда красноармейские части перешли в контрнаступление и дали отпор чехословакам на Уссурийском фронте, считается днём основания Краснознамённого Дальневосточного округа.

Однако в конце августа 1918 года чехословацкие войска и отряды т.н. «Сибирской армии» А.Н. Пепеляева, наступавшие с запада, имея огромное численное превосходство, разгромили силы Советов в Забайкалье. В сентябре значительные силы высадившихся интервентов прорвали Уссурийский фронт. 5 сентября 1918 года японцы, американцы, калмыковцы захватили Хабаровск. Дальсовнарком эвакуировался в Амурскую область в

таёжный посёлок Зея, а затем был распущен. Большевики перешли к подпольной и партизанской борьбе.

Если исключить небольшой срок правления эсеровского правительства П.Я. Дербера, которое находилось во Владивостоке, а затем в т.н. Сибирской Директории (29 июня—18 ноября 1918 г.), то с ноября 1918 года Хабаровск формально находился под властью адмирала Колчака и его правительства в Омске. Однако реальными хозяевами в городе с сентября 1918 по середину февраля 1920 года были японские и американские интервенты, а также атаман И.П. Калмыков.

Последний, как и атаман Семёнов в Забайкалье, стремился превратить Дальний Восток в буферное государство под покровительством Японии. В ноябре 1918 года на встрече атаманов Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск Г.М. Семёнова, И.М. Гамова и И.П. Калмыкова во Владивостоке был создан «Дальневосточный союз казачьих войск». Его главой был избран Г.М. Семёнов. Происходило организационное оформление дальневосточной прояпонской казачьей силы. С помощью страны Восходящего солнца атаманы стремились стать полновластными владыками на Дальнем Востоке. Япония же стремилась создать марионеточное государство на российском Дальнем Востоке, оторвать регион от России и сделать его источником полуколонизаторской эксплуатации.

После колчаковского переворота в Омске в ноябре 1918 года дальневосточные атаманы почувствовали угрозу своему положению. Как известно, Колчак выступил с лозунгом «единой и неделимой России». Этим была встревожена и Япония. Не случайно через несколько дней после Омского переворота Семёнов, Гамов и Калмыков получили от японцев инструкции с предложением не признавать Колчака. В дело включились дипломаты интервентов. Летом 1919 года по Забай-

калью и Дальнему Востоку совершил поездку эмиссар Колчака атаман Оренбургского казачьего войска Дутов. Но до конца примирить Семёнова и Калмыкова с Колчаком ему так и не удалось.

Японский историк Такахаси утверждал, что японский Генштаб одно время даже хотел видеть атамана Калмыкова главным лицом в прояпонском буферном государстве, однако «он не был человеком, который оправдывает надежды. Где бы он ни появлялся, везде пахло кровью». Командующий американскими войсками на российском Дальнем Востоке генерал В. Гревс характеризовал атаманов Семёнова и Калмыкова как отъявленных негодяев, убийц и грабителей. С середины 1919 года США стали поддерживать идею «единой и неделимой России», стремясь «выдавить» Японию с российского Дальнего Востока с помощью «дипломатии доллара» и пропаганды американского образа жизни.

При занятии Хабаровска в начале сентября 1918 года атаман Калмыков организовал расправу над 16 пленными австро-венгерской армии (судетскими немцами), которые играли в городском кафе «Чашка чая» и городском саду над Амуром. По сведениям хабаровского краеведа А.М. Жукова, австро-венгерские пленники были расстреляны по указке чеха В. Юлинека за отказ вступить в чехословацкий легион ещё в 1915 году. Этот легион формировался в России из пленных австро-венгерской армии, а чехословацкие земли до 1918 года входили в состав Австро-Венгрии.

Бессудные расправы, обыски и грабежи еврейских магазинов и обывателей, которые записывались в «большевики» и «немецкие агенты», пассажиров поездов, следовавших через Хабаровск, достигли невероятных размеров. Калмыков, осознав негативную реакцию зажиточного населения и то, что часть добычи уходила от него, расстрелял в октябре 1918 года слу-

жащих своей контрразведки (т.н. «Юридического отдела») во главе с хорунжим Кандауровым. По официальным данным Приморской областной земской управы (Хабаровский уезд тогда входил в Приморскую область), число жертв калмыковско-го террора в Хабаровске только к концу 1918 года насчитывало до 5 тыс. чел. По Уссурийской железной дороге курсировал желтый бронепоезд (под цвет лампасов дальневосточных казачьих войск) с т.н. «походной полевой гауптвахтой», которую народ прозвал «вагоном смерти». В этом вагоне калмыковцы производили пытки и казни. По ночам поезд выходил на Амурский мост, где белогвардейцы убивали людей и сбрасывали тела убитых в реку. Но большинство расстрелов происходил в т.н. «овраге смерти». (Сегодня — это остановка общественного транспорта в Хабаровске — «Памятник партизанам». Там же установлен памятник жертвам белого террора. Тюрьма и контрразведка белых находилась на ул. Поповской (сегодня — им. Калинина).

В 1918 году калмыковцы убили представителей миссии Шведского Красного Креста, которые прибыли в Приморье для помощи ещё не эвакуированным германским и австро-венгерским военнопленным. По данным Международного Красного Креста на начало года в Сибири насчитывалось 425 тыс. военнопленных. 1 июня 1918 года глава миссии С. Хедблум и его помощник У. Обсхауг были задержаны калмыковцами на станции Пограничная. Белогвардейцы отобрали у них 273 тыс. руб., а самих выслали в Харбин с предупреждением, что при следующем задержании они будут убиты. В октябре 1918 года (по другим данным 22 сентября) четыре представителя Шведского Красного Креста (в т.ч. одна женщина) повторно были арестованы. У них отобрали 1,6 млн. руб., а имущество миссии (60 тыс. предметов 37-и наименований — одежда, обувь, палатки, продо-

вольствие) калмыковцы присвоили. Сами арестованные были повешены в «вагоне смерти», а их тела, по некоторым данным, захоронены за заводом «Арсенал». Атаман Калмыков инспирировал в прессе статью, что повешенные — германские шпионы. Шведский консул во Владивостоке неоднократно заявлял протесты, а Омское правительство инструктировало представителя Колчака во Владивостоке генерала Розанова затребовать от Калмыкова самого срочного объяснения. Однако арестовать и судить Калмыкова не удалось, ибо его поддерживали японцы. Лишь позже многие калмыковцы получили заслуженное наказание. Калмыкова неоднократно посещали высокопоставленные японские военные, дипломаты и даже члены японского парламента.

На заседании Хабаровского уездного земского собрания 16 февраля 1919 года, которое проходило в присутствии командующего японскими экспедиционными силами генерала Оой, депутаты осмелились выразить свой протест против преступлений со стороны калмыковцев и чинов японской армии. Генерал Оой вынужден был оправдываться тем, что ему об этом «ничего не известно», и обещал прекратить «подобные безобразия».

Когда же японцы сожгли в Хабаровске здание детского приюта на 50 детей, его основатель — местный купец Плюснин — просил японское командование компенсировать ему стоимость приюта в 35 тыс. иен, но не получил ответа. Тогда Плюснин обратился к Госсекретарю США, но также безрезультатно.

Произвол Калмыкова достиг такой силы, что хабаровские обыватели вынуждены были обратиться к американскому командованию. Под давлением американцев генерал Оой потребовал от Калмыкова, чтобы без приговора военного трибунала не производились аресты и расстрелы. Оой, однако, обратил внимание атамана на то, что американцы «всё

воспринимают эмоционально». По сути японский генерал дал совет Калмыкову быть осторожным. В ноябре 1918 года командир 27 американского полка, расквартированного в Хабаровске, Штайер пригрозил разоружить отряд Калмыкова, если казни будут продолжаться. На случай нападения калмыковцев американцы привели свои войска в боевую готовность. 18 ноября 1918 года калмыковцы расстреляли ещё 11 человек. Только опасность ссоры с союзниками заставила японское командование согласиться на создание смешанного конвоя из японцев, американцев и китайцев в хабаровской тюрьме. Это было сделано по просьбе родственников арестованных, которые обратились к генералу В. Гревсу. Подобная позиция американцев объяснялась не только американо-японскими противоречиями и попыткой ограничить своеволие марионетки Страны Восходящего солнца, каковой являлся атаман Калмыков. Речь шла о соблюдении неких «демократических процедур» при проведении антибольшевистского террора. Американцы поддерживали органы гражданского самоуправления, где ведущую роль играли эсеры и меньшевики, ориентировавшиеся на идеи заокеанской демократии. Произвол калмыковцев имел международный резонанс, и не только в деле сотрудников миссии Шведского Красного Креста. На слушаниях в т.н. «Оверменской комиссии» сената США в 1919 году, которая пыталась «судить» Октябрьскую революцию, отмечался и жестокий террор атамана Калмыкова.

Преследования же сторонников Советской власти продолжались с прежней силой. В мае 1919 года провокатор провалил Хабаровскую подпольную организацию РКП(б). Были арестованы её руководители Н.А. Гаврилов и Б.А. Славин. В июле при попытке их освобождения был схвачен большевик Г.Н. Аксёнов. В конце октября 1919 года произошёл ещё один

провал подпольщиков.

На заводе «Арсенал» работала подпольная группа во главе с большевиком Д.И. Бойко (Павловым). Группа вела агитацию среди калмыковских казаков, однако из-за опасности разоблачения вынуждена была уйти из города к партизанам.

В ночь с 27 на 28 января 1919 года в Хабаровске произошло антикалмыковское восстание 2-х сотен 1-го Уссурийского полка. К ним присоединились часть артиллеристов и пулемётная команда. Число восставших достигло 450 чел., которые требовали прекращения расправ и грабежей, грубости офицеров. Попытка взять в плен атамана не удалась. Калмыков обратился за помощью к японцам. Восставшие, понимая свою обречённость, сдались американцам. Интернированных казаков из лагеря на Красной речке Калмыкову американцы не выдали. Генерал В. Гревс писал, что сдавшиеся штабу 27 американского полка в Хабаровске казаки хотели вступить в армию США, но большая часть просила помочь им выбраться из Хабаровска. Японское командование обратилось к генералу В. Гревсу с просьбой возвратить оружие, снаряжение и лошадей, переданных американцам сдавшимися казаками. Причём японцы заявили, что всё оружие и снаряжение является собственностью Японии, которая вооружила т.н. Особый атамана Калмыкова казачий отряд (ОКО).

Дальнейшая изоляция от центральной власти в Омске становилась опасной для атамана. Зрело недовольство среди казаков, а весной 1919 года режим Колчака был на временном подъёме. Но, признав Колчака, Калмыков и не думал выполнять своё обещание отправиться на фронт. Ведь это грозило ему потерей власти в Уссурийском казачьем войске и лишения поддержки японцев. Ссылаясь на атамана Семёнова, который не отдавал приказа об отбытии на фронт, Калмыков также объяснял задержку выезда на фронт рос-

том партизанского движения в Приморье и Приамурье.

В начале мая 1919 года произошло ещё одно выступление подчинённых Калмыкова. Около 70 офицеров и юнкеров ОКО потребовали от атамана прекратить соперничество с Колчаком и отправить их на Уральский фронт. Другими причинами выступления были непрекращающиеся беззакония, которые вызвали протесты зажиточных слоёв населения Хабаровска. 12 мая атаман арестовал офицеров и юнкеров, осмелившихся протестовать против его политики. После освобождения части из них под арестом оставалось 32 чел. Арестованные сумели переписать с гарнизонной гауптвахты письмо шведскому консулу во Владивостоке М. Крюллу. Оно было подписано прапорщиком А. Эповым и ещё 20 офицерами. В письме содержались сведения о гибели членов миссии Шведского Красного Креста. Арестованные офицеры были отправлены к атаману Семенову в Забайкалье, поскольку Калмыков остерегался расправиться с ними в Приморье. И только запросы иностранных консулов и колчаковской администрации, которые свидетельствовали о том, что письмо дошло до адреса, спасли офицеров от неминуемой гибели.

В начале июля 1919 г. в Хабаровск прибыл атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов. 4 июля 1919 г. он посетил городскую Думу. Председатель Думы И.К. Артемьев, заместитель городского головы И.Н. Збайков (активный сторонник Калмыкова, участник судов против сторонников Советской власти) и гласные (депутаты) приняли приветствие Колчаку и Дутову, организовали сбор 50 тыс. руб. в пользу Оренбургского казачьего войска, кричали «ура». А между тем конвой атамана Дутова по приглашению атамана Калмыкова принял участие в расстрелах советских работников, содержащихся в хабаровской тюрьме. В связи с ростом партизанского движения А.И. Дутов был

вынужден задержаться в Хабаровске. Здесь А.И. Дутов издал приказ, в котором призывал забайкальских, амурских и уссурийских казаков бросить всякие трения с Омской властью, крепить единение и дружбу и приказывал казакам отзываться на призыв командующего войсками Приамурского Военного округа, назначенного Колчаком, в деле борьбы с большевиками.

Тем не менее, ни один уссурийский (да и семёновский) казак на фронт отправлен не был, ибо это ослабило бы власть Семёнова и Калмыкова на месте.

25 октября 1919 г. Калмыков «организовал» ещё один международный скандал. Калмыковская артиллерия в районе с. Воронеж под Хабаровском обстреляла и заставила повернуть назад 5 китайских канонерок. Они имели задание пройти из Шанхая через Амур в Сунгари для охраны китайского торгового судоходства от японцев, тем более, что последние захватили большую часть русской Амурской речной флотилии и вооружили часть русских гражданских судов. После обстрела поврежденные китайские корабли вынуждены были зазимовать под Николаевском-на-Амуре. Атаман Калмыков получил благодарность Колчака «за проявленную твёрдость».

Конфликт был улажен в результате сдержанности Омска, который стремился, несмотря на инцидент, сохранить нормальные отношения с Китаем. Немаловажную роль сыграла не только торговля с сопредельным государством, но борьба с казачьими сепаратистами, которая так или иначе затрагивала интересы Китая.

В период господства белогвардейцев были закрыты все советские газеты и стали выходить издания кадетско-монархического, а то и откровенно черносотенного содержания. Увеличилось и число иностранных газет, доставляемых в Хабаровск из Владивостока. Американцы издавали на русском языке газеты

«Дружеская речь», «Дейли ньюс» и др., пропагандирующие американский образ жизни. Японцы выпускали «Владиво-Ниппо», доказывающую необходимость присутствия японских войск на российском Дальнем Востоке. Кроме того, выходило значительное количество газет-однодневок, посвящённых различным юбилеям, пропагандистских брошюр, плакатов и листовок. Земские учреждения закупили в США кинопередвижки и американские фильмы и крутили агитационные ленты, мелодрамы и боевики сомнительного качества для дальневосточной публики, в т.ч. и в Хабаровске.

Активно действовали на российском Дальнем Востоке и американские Красный Крест и Христианский Союз молодых людей (ХСМЛ). Филиал ХСМЛ на Дальнем Востоке назывался «Маяк». Он открыл свои отделения во всех крупных городах региона. Филиалы «Маяка» организовали для русских детей и юношества спортивные секции, скаутские отряды и т.д. Масштаб этой деятельности стал так велик, что местная либеральная печать стала бить тревогу по поводу «американизации сознания русских детей». Американцы также скупали культурные ценности, архивы и т.д.

Зачастую американские «культурные» и медицинские учреждения занимались на российском Дальнем Востоке откровенным шпионажем и вербовкой агентыры. Дело дошло до того, что адмирал А.В. Колчак приказал выслать из прифронтовой зоны в Западной Сибири и на Урале представителей американского Красного Креста и ХСМЛ.

Несмотря на калмыковский беспредел, в Хабаровске существовала и культурная жизнь. Желая поднять свою популярность среди жителей, белые власти организовывали концерты военных оркестров. При отряде атамана Калмыкова, который уже был развёрнут в Уссурийскую бригаду, был создан симфонический ор-

кестр. Руководил им Я. Зильберт, который устраивал для жителей города музыкальные утренники и симфонические вечера. В период гражданской войны на Дальний Восток попали тысячи беженцев, в т.ч. из Москвы, Петрограда и других городов европейской России. В Хабаровске гастролировали труппа Гортвальда с песнями каторжан, труппа Зимина с классическим репертуаром оперетт. Работал и свой театр при бригаде Калмыкова.

На Дальнем Востоке в 1918—1919 годах выходили и художественные книги, в т.ч. поэтические сборники поэтов-футуристов Алымова, Асеева, Бурлюка, Третьякова и др. Справедливости ради стоит отметить, что центром культурной жизни в это время был Владивосток, где сосредоточились основные художественные силы, издательская база и др.

Разумеется, культурная жизнь протекала в тисках военной цензуры.

Со второй половины 1919 г. успех стал сопутствовать Красной армии, и белая армия в Сибири стала отступать на восток. К осени 1919 — началу 1920 годов на Дальнем Востоке вновь активизировалось партизанское движение. О накале ненависти к белогвардейцам свидетельствовал участник гражданской войны на Дальнем Востоке В.П. Голионко. Рассказывая о нападении партизан на японцев и белогвардейцев вблизи села Чёрная речка в Хабаровском уезде, он подчёркивал, что красные «преследовали калмыковцев по пятам, они рубили их и пристреливали, как бешеных собак».

В ходе карательных экспедиций часть казаков перебежала на сторону партизан, а то и просто дезертировала. Чем ближе был конец белой власти, тем сильнее было дезертирство из калмыковских частей. Атаман же повсюду рассылал телеграммы, издавал листовки с угрозами всех перевешать, предать огню и мечу всех предателей и т.д.

По данным хабаровского историка

С.Н. Савченко, перед своим бегством из Хабаровска в феврале 1920 года Калмыков ограбил местное отделение Госбанка (ныне — здание музея ДВО) на 38 пудов (622 кг) золота, которые передал на хранение японцам, причём 27 пудов (422 кг) до сих пор находятся в Японии.

13 февраля 1920 года калмыковцы оставили Хабаровск и после различных злоключений ушли в Китай. В Китае Калмыков был арестован. Китайцы не могли ему простить обстрел китайских судов под Хабаровском. Японцы к этому времени отказались от помощи Калмыкову. Атаман как политическая фигура им больше не был нужен. Китайские власти собирались передать Калмыкова в руки революционных властей во Владивостоке. В начале сентября 1920 года Калмыкова перевозили из Гирина в Чанчунь. Стремясь избежать суда, атаман сделал попытку бежать, но был убит конвоем.

16 февраля 1920 года революционные войска Приморья заняли город. Власть в Хабаровске перешла к Военно-революционному штабу во главе И.Г. Булгаковым-Бельским. Эти войска были созданы из бывших частей колчаковской армии, перешедших на сторону народа в результате восстания в Приморье.

Ещё 31 января 1920 года в результате антиколчаковского восстания во Владивостоке эсеры и меньшевики создали Временное правительство Приморской областной земской управы во главе с эсером А.С. Медведевым. В Совет управляющих ведомствами (СУВ) земского правительства входили большевики, меньшевики, эсеры, народные социалисты, а с лета 1920 года — и прокадетские деятели. Такой альянс был обусловлен присутствием крупных сил интервентов в Приморье. Земское правительство Приморья требовало от Японии и консульского корпуса во Владивостоке вывода японских войск, объявило о проведении политики «экономического демократизма», неприкосно-

венности частной собственности, свободе договорных отношений, предпринимательства и торговли. Оно добилось освобождения политзаключённых, закрыло реакционные газеты, не препятствовало оформлению массовых организаций трудящихся.

Командование американских и чехословацких войск симпатизировало умеренной либеральной программе Приморского земского правительства и его антияпонской позиции.

Дальневосточный (Приморский) комитет РКП(б) поддержал переход власти к земцам, поскольку Советы нельзя было восстановить из-за присутствия на российском Дальнем Востоке значительного числа иностранных войск, особенно японских. Советская Россия в тот момент не могла оказать помощь своей дальневосточной окраине. Большевики видели земство как переходную ступень к Советской власти. В феврале 1920 года Советское правительство официально признало Временное правительство Приморской областной земской управы.

С 31 марта 1920 года Приморская областная земская управа стала называться Временным правительством Дальнего Востока, что сегодня порождает немалую путаницу среди историков. Дело в том, что март—начало апреля 1920 года ознаменовался подготовкой к созданию Дальневосточной республики. В Западном Забайкалье (Прибайкалье), откуда началось строительство ДВР, существовала земско-советская форма власти, а правительством руководили большевики.

В Амурской области существовало своё правительство под руководством большевиков и функционировала Советская власть в «чистом виде». (Лишь в ноябре 1920 года все области Дальнего Востока объединились под эгидой правительства ДВР, которое к тому времени переехало в Читку).

4—6 апреля 1920 года японские войс-

ка выступили по всему Приморью и напали на войска Приморской земской управы и партизан. После падения колчаковского режима партизаны и революционные войска открыто располагались в крупных населенных пунктах Приморья. До отбытия из области основной массы американских и чехословацких войск японцы соблюдали нейтралитет. Видимо поэтому большевики Приморья совершили политическую ошибку, изменив свою позицию. Несмотря на присутствие в Приморье японских войск, неверно оценив обстановку, IV Дальневосточная конференция РКП(б) в марте 1920 года приняла решение о восстановлении Советской власти на Дальнем Востоке. Японцы же стремились уничтожить, в первую очередь, большевиков как наиболее активных и последовательных противников иностранной интервенции. Кроме того, интервенты желали отомстить сторонникам Советской власти за т.н. «николаевский инцидент». (В феврале 1920 г. партизанские отряды, действующие в низовьях Амура («Красная Армия Николаевского района») под командованием анархиста-максималиста Я. Тряпицына, заключили договор о нейтралитете с японским гарнизоном и вошли в Николаевск-на-Амуре. 12 марта 1920 года японский гарнизон (350 чел.) и местная японская колония (380 чел.) напали внезапно на партизан, но были разгромлены. Позже почти все японские пленные были расстреляны. Тряпицын, используя мощную местную радиостанцию, сообщил всему Дальнему Востоку и даже Москве о своём неприятии идеи буферной Дальневосточной республики и призвал все революционные силы региона к войне с Японией. Правящие круги Японии развернули мощную антирусскую пропагандистскую кампанию и заявили о необходимости «компенсации» за «николаевский инцидент». Летом 1920 года японцы высадили десант в низовьях Амура. Отряд Я. Тряпицына вынужден был эвакуироваться из

Николаевска. При отступлении партизаны сожгли город и угнали почти всех жителей в таёжный посёлок Керби (ныне — пос. им. П. Осипенко). Уже в Керби в отряде произошёл переворот и был организован т.н. «суд 103». За преступления против мирного населения Я. Тряпицын со своими соратниками был расстрелян. Однако и сегодня события зимы-лета 1920 года в Николаевске-на-Амуре, судя по исследованиям известных хабаровских историков В.Г. Смоляка и Г.Г. Лёвкина, служат предметом острых дискуссий).

Как только основная масса американских и чехословацких войск покинула Владивосток, японцы немедленно выступили. Во время японской провокации 4—6 апреля 1920 года погибли более 7 тыс. воинов революционной приморской армии, партизан и мирных жителей, в т.ч. заместитель председателя Военного совета Приморья С.Г. Лазо и члены Военного совета большевики В.М. Сибирцев и А.Н. Луцкий. Они были переданы бесчинствовавшей на Уссурийской железной дороге офицерской банде В. Бочкарева. Наиболее распространенной версией о гибели революционеров является их сожжение в паровозной топке американского паровоза «декапод» белыми офицерами. По другой версии Лазо с соратниками был расстрелян самими японцами во Владивостоке.

Однако добиться своей цели Японии не удалось. В период японского выступления международная полиция Владивостока, состоявшая из американцев и чехов, спасла от расправы большинство членов Приморского земского правительства. Возмущение действиями Японии среди трудящихся и консульского корпуса, опасавшегося усиления страны Восходящего Солнца на российском Дальнем Востоке, было настолько велико, что интервенты вынуждены 7 апреля 1920 года вернуть к власти Приморское земское правительство, правда, оговорив это множеством условий и уступок с русской стороны.

Японское выступление в Приморье в начале апреля 1920 года совпало с официальным провозглашением 6 апреля 1920 года на съезде трудящихся в Верхнеудинске (ныне — Улан-Удэ) Дальневосточной республики. Символичность этого совпадения состоит в том, что большевики вынуждены были отойти от откровенной просоветской ориентации в строительстве буфера.

Буферная Дальневосточная республика была создана по решению Советского правительства для ликвидации японской интервенции без войны между РСФСР и Японией при возрастании опасности столкновения с Польшей на Западе и борьбы с белыми армиями Деникина и Врангеля на Юге России. Перед ДВР стояли также задачи прорвать экономическую и политическую блокаду Советской России и восстановить единство страны, её геополитические позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В связи с тем, что создание ДВР стало уступкой империалистическим державам, характерными чертами её политического и социально-экономического устройства явились многопартийность, парламентаризм, отказ от системы Советов. В ДВР была сохранена смешанная экономика с преобладанием частной собственности. Однако руководящую роль в ДВР играла дальневосточная организация РКП(б).

Трагические события произошли и в Хабаровске. Известный комиссар партизанских отрядов, редактор армейской газеты «Вперёд», будущий член Военного совета Восточного фронта Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) П.П. Постышев вспоминал, что 5 апреля 1920 года «японцы открыли по всему городу Хабаровску орудийную, пулемётную и ружейную стрельбу, даже не сняв своих патрулей с улиц. Стреляли по школам, по лачужкам рабочих, по прохожим, которые шли на базар за покупками, стреляли по крестья-

нам, приехавшим в город. Стреляли по всем и особенно избирали целью тех, кто был одет в военную форму или походил по одежде на партизана. Центральный артиллерийский огонь японцы направили по нашему штабу, который находился в бывшем кадетском корпусе». Сам П.П. Постышев с беременной женой оказался в здании Красного Креста кадетского корпуса. Здание корпуса было окружено японскими солдатами. Было решено отстреливаться до последнего, а затем покончить с собой. Лишь отступавшие к Амуру партизаны позволили П.П. Постышеву с ранеными уйти в лазарет на берегу Амура, а затем по льду перейти под огнём японцев на левый берег реки. Сам П.П. Постышев позже с ужасом вспоминал, как он собирался застрелить свою жену.

После некоторого замешательства революционные части дали отпор интервентам. По данным хабаровского историка Г.Г. Лёвкина, в ходе боёв в Хабаровске и под Хабаровском японцы потеряли убитыми и ранеными около 300 солдат и офицеров. Потери же народно-революционных частей оказались гораздо большими — 400 убитых и 1200 пленных. Интервенты захватили артиллерию и бронепоезд Народно-революционной армии. Героически сражался за Хабаровский вокзал, который японцы стремились захватить в первую очередь, взвод моряков Амурской флотилии под командой Николая Хорошева. Большинство бойцов взвода погибли в последней штыковой атаке.

(Вопрос, почему отдельные части революционных войск в Приморье дали отпор японцам, другие же спешно отступили в тайгу, является отдельной темой).

Именно в это время в районе Хабаровска революционные войска, чтобы не допустить японцев по железной дороге в Амурскую область, территория которой начиналась на левом берегу Амура, взорвали 2 фермы железнодорожного моста. (Мост был полностью восстановлен толь-

ко в марте 1925 г. Летом здесь действовала паромная переправа, зимой очень короткие поезда ходили по льду).

С боями пробился на левый берег Амура ряд частей, из которых был создан сводный полк под командованием Ф. Петрова-Тетерина. Полк занял позиции в районе моста и протоки Бешеная. Попытки японских войск переправиться на левый берег на катерах и лодках были пресечены пулемётным огнём.

27 мая 1920 года боевые действия между русскими и японскими войсками официально были прекращены.

После провокации интервенты попытались насадить в Приморье марионеточную администрацию из белогвардейцев, но эти попытки везде, кроме Хабаровска, закончились неудачей. Белые генералы и офицеры опасались открыто выступить на стороне японцев.

В Хабаровске к власти пришла бывшая колчаковская дума во главе с городским головой К.Т. Лихойдовым, крупным домовладельцем и откровенным японофилом. Кроме японцев в городе хозяйничал отряд бывших калмыковцев в 200 человек, которые открыто носили погоны.

1 июня 1920 года в Хабаровск прибыл уполномоченный Приморского земского правительства А.Ф. Милеев, которому пришлось действовать в очень сложной обстановке. 20 апреля 1920 года два офицера из банды В. Бочкарева на ст. Иман (ныне — Дальнереченск) в японском поезде (!) застрелили членов русско-японской согласительной комиссии большевика П.В. Уткина и эсера В.В. Граженского. И только после этого террористического акта и протестов российских властей японцы дали согласие на ввод в Хабаровск резерва милиции Приморского правительства.

Несмотря на присутствие в городе интервентов и белогвардейцев, большевистская организация, действовавшая под флагом профсоюзов, развернула под-

готовку к выборам в Учредительное собрание ДВР. Однако в начале июня 1920 года К.Т. Лихойдов отстранил от должности начальника милиции и назначил на его пост бывшего царского полицмейстера Л.П. Тауца. Японское командование официально «занимало нейтралитет», однако части 26-й бригады интервентов пытались заблокировать батальон милицейского резерва. После резкого заявления Председателя русской делегации русско-японской согласительной комиссии Р.А. Цейтлина японцы сняли осаду. После неудачи с блокированием милиции Приморского правительства интервенты стали перебрасывать в Хабаровск бочкаревцев. В. Бочкарев со своим штабом обосновался в гостинице «Селект» и начал подготовку к перевороту. (Гостиница «Селект» находилась в доходном доме И.А. Смаги на ул. Корсаковской. Ныне — большое кирпичное административное здание по ул. Волочаевской, 146).

Однако заговор был раскрыт большевиками, и в Хабаровск для его подавления выехал с большим отрядом Р.А. Цейтлин, который имел широкие полномочия Приморского правительства. После категорических требований ареста белогвардейцев японское командование позволило русской милиции взять в плен В. Бочкарева со штабом. Тем не менее, высланный во Владивосток для суда В. Бочкарев с помощью японцев сумел уйти от ответственности. (После белогвардейского переворота в Приморье 26 мая 1921 г. В. Бочкарев в составе экспедиции белого Временного Приамурского правительства в октябре 1921 г. высадился в Гижиге на Охотском побережье, где возглавил белые отряды. Был убит в 1923 г. при сопротивлении красноармейским силам, очищавшим побережье от белогвардейцев).

22 августа 1920 года лихойдовское «самоуправление» объявило о «независимости» Хабаровского уезда от Приморья и попыталось создать чуть ли не рес-

публику со своим «правительством». К.Т. Лихойдов даже хотел взять заем у Японии в 30 тыс. зол. руб. под залог городского имущества. Не признав финансовую реформу, проведённую Приморским правительством 5 июня 1920 года, К.Т. Лихойдов стал распродавать земельные участки по старым ценам, т.е. в 10 раз дешевле. 21 августа 1920 года Приморское правительство объявило Хабаровскую думу распущенной. С 20 по 23 августа 1920 года по призыву большевиков в городе прошла всеобщая политическая забастовка. А.Ф. Милеев добился у японского командования, которое под влиянием неблагоприятной для Японии обстановки стало готовиться к выводу своих войск из Хабаровска, разрешения выполнить постановление Приморского правительства о роспуске лихойдовской думы. 23 августа 1920 года батальон народной милиции разогнал белогвардейскую думу.

1 сентября 1920 года Временная комиссия по заведыванию делами и хозяйством Хабаровской городской управы, которая действовала до выборов Хабаровского городского собрания уполномоченных, приняла дела у Лихойдова, а сам он под охраной японцев уехал во Владивосток. В состав комиссии вошли 5 человек, в т.ч. бывший заведующий Хабаровским переселенческим районом правый эсер Е.В. Людницкий. Председателем Хабаровского городского собрания уполномоченных, которое играло роль городского самоуправления ДВР, стал член Военного совета Приамурского Военного округа НРА Б.Н. Мельников. (В 20-х годах он возглавлял военную разведку РККА, был на дипломатической работе в Китае и Японии. Позже Б.Н. Мельников работал в разведке Коминтерна. Самым известным его делом была организация заброски в Японию советского разведчика Рихарда Зорге). С января 1921 года председателем исполнительного органа городского самоуправления — Хабаровского город-

ского управления — стал уже упоминаемый Е.В. Людницкий.

6 октября 1920 года японцы начали эвакуироваться из Хабаровска. Они вывезли материальные ценности, сожгли склады с обмундированием, испортили кислотой механизмы канонерок Амурской флотилии. 23 октября эвакуация была закончена. Город и территорию Приморья до Имана (ныне — Дальнереченск) заняли части Амурской дивизии Народно-революционной армии ДВР. 22 ноября 1920 года была создана Приамурская область с центром в Хабаровске. Область охватывала часть территории Приморья до Имана, которая была свободной от интервентов.

26 мая 1921 года остатки колчаковских (каппелевских) и семеновских войск, перебравшиеся с помощью интервентов по КВЖД из Забайкалья в Приморье, совершили во Владивостоке и области переворот и создали т.н. Временное Приамурское правительство (ВПП) во главе с предпринимателями братьями С. и Н. Меркуловыми. Переворот поддержали японцы. Интервенты увидели в новом белогвардейском государственном образовании не только альтернативу ДВР и возможность военного шантажа буферной республики, но и шанс на закрепление своего присутствия на российском Дальнем Востоке, продолжение политического и территориального раскола России. Белогвардейцы же, потеряв надежду на синхронность своего выступления с Кронштадтским и другими мятежами в Советской России, стремились, тем не менее, создать базу для возрождения страны на антикоммунистической основе.

После переворота в Приморье в Хабаровске активизировалась работа белогвардейской разведки. Свою разведку имел меркуловский режим, свою — атаман Семёнов, свою — японцы. Хабаровское отделение органов госбезопасности ДВР — Государственной политической охраны (ГПО) — раскрыла в городе не-

сколько белых шпионских групп, в т.ч. шляпной мастерской на ул. Муравьёва-Амурского. (Хабаровское отделение ГПО находилось в особняке на ул. Барановской — ныне здание бывшего геологического музея на ул. им. Ленина). Японская миссия в Хабаровске собирала информацию о дислокации частей НРА. Аналогичной деятельностью занималась китайская миссия в Благовещенске.

30 ноября 1921 года белые части под командованием генерала В.М. Молчанова начали наступление на Хабаровск. Сами интервенты в этом походе во избежание протестов РСФСР, ДВР и США участия не принимали. В этот период в Дайрене шли переговоры делегаций ДВР и Японии. На Дайренской конференции Япония предъявила буферной республике неприемлемые требования, реализация которых превратила бы ДВР в зависимое от Токио государство. 12 ноября 1921 года началась Вашингтонская конференция, на которой США стремились закрепить свое доминирующее положение на Тихом океане. В свете этого становятся ясными действия белого Приморья, почти полностью зависящего от Японии, которая спешила расширить сферу господства контрреволюции и «закрепить» её за собой. Иницируя поход белых, интервенты, однако, не вооружили их в полной мере, опасаясь обвинений в прямом пособничестве ВПП. Белые, объявившие себя т.н. «белоповстанцами», смогли выставить всего 6 тыс. бойцов; столько же пришлось держать в тылу для борьбы с партизанами.

Чтобы избежать «ошибок» Колчака, получить поддержку населения, белое Приморское правительство изобрело тактику «белоповстанчества»: добровольческий принцип военного строительства, демонстрация верности православию, отказ от реквизиций, плата крестьянам за продукты, фураж и подводы, борьба с мародерством и пьянством в армии, гуманность по отношению к пленным. Однако

население области и даже маньчжурские эмигранты в белоповстанческие части не пошли: сыграли свою роль собственный политический опыт, усталость от гражданской войны, неверие в успех белых, очевидность их авантюры даже в глазах их открытых и скрытых сторонников. За спиной ДВР стояла Советская Россия, разгромившая своих противников.

Тем не менее, белоповстанцам поначалу сопутствовал успех. Темпы их продвижения были весьма высоки — примерно по 20 км в день. 4 декабря 1921 года белые взяли Иман, 15 декабря — Вяземскую. Зачастую они демонстрировали гуманизм и отпускали пленных, однако подавляющее большинство народоармейцев вернулись в свои части. Нарастающее сопротивление НРА, неверие белой пропаганде озлобило белоповстанцев, и они вновь перешли к террору.

19 декабря 1921 года белоповстанцы почти вплотную подошли к Хабаровску. Чтобы отрезать частям НРА пути отступления из Хабаровска на запад, В.М. Молчанов приказал генералу Н.П. Сахарову наступать со своей Поволжской бригадой в обход Хабаровска по долине Амура и Усури через станицу Казакевичево на Волочаевку, которая находится в 55 км западнее города. (Сам В.М. Молчанов до Первой мировой войны служил на Дальнем Востоке, знал театр военных действий и стратегическое положение Хабаровска.) Наспех сколоченный командованием НРА Коммунистический отряд ценой своей гибели задержал белых в Казакевичево и сорвал планы В.М. Молчанова. Из 94 бойцов Коммунистического отряда, состоящего из коммунистов и комсомольцев, в живых остались 54 человека. Отряд имел всего 1 пулемёт и мало патронов. 27 человек попали в плен, еще 4 человека, чтобы не попасть в руки белых, покончили с собой. Белогвардейцы жестоко изрубили пленных на протоке Рыбка около Большого Усурийского острова. (Памятник бой-

цам Коммунистического отряда установлен на ул. им. Серышева около военного госпиталя).

20 декабря 1921 года конница Н.П. Сахарова вышла к Волочаевке. Белые попытались поджечь мост на железной дороге. Однако караульная рота и подоспевший «бронепоезд» НРА (паровоз с двумя платформами, на которых стояли 2 танка «Рено») под командованием Ф. Петрова-Тетерина отогнали противника. Отрезать Хабаровск от тылов НРА не удалось. Тем не менее, эвакуация города прошла в панике. Подрывники НРА взорвали часть боеприпасов, 4 судна Амурской флотилии. Властям ДВР удалось вывезти из Хабаровска и ст. Покровка (на левом берегу Амура) в Амурскую область 13 эшелонов (309 вагонов) с больными и ранеными бойцами, семьями комсостава НРА, боеприпасами, частью артиллерийского парка, средствами связи, продовольствием, валютой, цветными металлами и авиаотрядом. Однако белым достались значительные материальные ценности и оружие, в т.ч. тяжёлое, часть парка вагонов и паровозов.

Значительные просчёты были допущены в подготовке и использовании частей НРА. В период наступления белоповстанцев на Хабаровск слишком поздно началось строительство ледовой переправы через Амур. (Ледовая переправа, построенная с помощью железнодорожной роты, начала работать только 19 декабря 1921 г., т.е. за 3 дня до сдачи Хабаровска. Через такую переправу одновременно могли идти только паровоз с тремя вагонами. Сыграло свою роль позднее становление крепкого льда).

В ночь с 21 на 22 декабря 1921 года части Народно-революционной армии оставили Хабаровск. После захвата Хабаровска белоповстанцы продвинулись до ст. Ин (в 110 км западнее Хабаровска), но 28 декабря 1921 года потерпели первое поражение в данном походе. После боёв за разь-

езд Ольгохта белые отошли к Волочаевке и создали здесь мощный укрепрайон.

Известно, что Советская Россия оказала значительную помощь Дальневосточной республике, однако в публикациях по данному вопросу не указывалось, что эта помощь затягивалась, была недостаточной. Москва недоценила степень опасности, исходящей от белогвардейцев, скопившихся в Приморье, видимо, уповая на способность ДВР самой справиться с контрреволюцией. Все силы РСФСР были брошены на восстановление народного хозяйства, борьбу с голодом, реализацию новой экономической политики. Сразу же после белогвардейского переворота в Приморье Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение направить на Дальний Восток В.К. Блюхера, снабдив его вооружением и возможным снабжением для НРА, помочь кадрами политработников, предоставить бронепоезда, принять меры дипломатического характера и т. д.

Когда летом 1921 года В.К. Блюхер приступил к своим обязанностям, он нашёл НРА в тяжёлом состоянии. Армия была разновозрастной, в ней преобладали бойцы старших возрастов, которые давно подлежали демобилизации. Необыкновенно разрослись штабы. Из более чем 183 тыс. человек по штату в строю реально числилось 69 тыс. бойцов и командиров. В НРА не хватало оружия и снаряжения.

30 июня 1921 года В.К. Блюхер отдал приказ о реорганизации НРА. И в этот ответственный момент он был включён в состав делегации ДВР на Дайренские переговоры с Японией. Из Дайрена В.К. Блюхер прибыл только 18 декабря 1921 года, т.е. за 4 дня до сдачи Хабаровска.

23 декабря 1921 года, т.е. на следующий день после сдачи Хабаровска, член Военного Совета Приамурского Военного округа П.П. Постышев в разговоре по прямому проводу с В.К. Блюхером указал на ошибки комсостава как высшего, так и

среднего, и младшего звена. Он подчеркивал, что войска вместо боевой подготовки косили сено, пилили дрова, садили капусту и картошку, охраняли границу или несли бесконечные наряды. Молодёжь не нюхала пороху, не видела винтовку, не умела её зарядить и приходила в панику от натиска противника. (Сегодня среди историков продолжают дискуссии о необходимости военной реформы в ДВР летом—осенью 1921 г., её негативных последствиях, ошибках В.К. Блюхера и т.д.)

Дальбюро ЦК РКП(б) и правительство ДВР провели целый ряд крупных мероприятий по укреплению НРА.

При взятии Хабаровска генерал В.М. Молчанов, действующий якобы «самостоятельно», подчинился Временному Приамурскому правительству. Председатель Хабаровского городского управления ДВР правый эсер Е.В. Людницкий стал предателем, приветствовал белых и обещал В.М. Молчанову создать эсеро-меньшевистское городское самоуправление. (Ещё 6 апреля 1921 г. на заседании, посвящённом памяти событий 4—6 апреля 1920 г. и празднования годовщины ДВР, тот же Е.В. Людницкий лицемерно скорбел по поводу жертв интервенции).

Но белогвардейцы не позволили эсерам и меньшевикам организовать городское самоуправление. Была восстановлена городская дума, избранная ещё в 1919 году при Колчаке. Её возглавил бывший помощник городского головы С.С. Бабилов. Начальником милиции стал небезызвестный Т.П. Тауц. С.С. Бабилов благодарил председателя ВПП С.Д. Меркулова за «освобождение от большевистского ига» и подчёркивал, что коммунисты теперь не могут говорить на Дайренской конференции от имени Приамурья.

Новая администрация города пыталась наладить городское хозяйство. Её заботами стали организация работы почты и телеграфа, подвоз воды, очистка улиц от снега, борьба за своевременную

оплату коммунальных услуг и т. д. Городские власти грозили неплательщикам отключить электроэнергию и др. Был организован сбор пожертвований на армию и детский приют, в котором было 112 детей. Готовилось даже открытие политехникума. Общей бедой для всех городских служб была нехватка средств.

В Хабаровске был воссоздан союз домовладельцев.

Восстанавливались мосты на Уссурийской железной дороге, и 28 января 1922 года было открыто сквозное движение до Владивостока, но поезда покрывали это расстояние из-за разрухи на транспорте за 1—2 суток.

Для излечения раненых и обмороженных белоповстанцев и для пополнения войск в Хабаровске были мобилизованы все военные врачи, фельдшеры и бывшие офицеры. Через главный военный госпиталь, помещавшийся в доходном доме Плюснина (ныне — здание Дальневосточной государственной научной библиотеки), в дни пребывания белых прошли более 1600 раненых и обмороженных солдат и офицеров, а также 300 народоармейцев. Морозы, особенно в конце декабря 1921 — начале января 1922 года, наносили большой ущерб воюющим сторонам.

Для захваченных районов стали издаваться газеты «Белоповстанец», «Назад», в Хабаровске готовился выпуск газеты «Приамурский край», выходящей до 1920 года. Белые газеты и листовки призывали крестьян «пахать и сеять», «кончить гражданскую войну», жертвовать для белой армии деньги, тёплую одежду и продукты. На видных местах публиковались фамилии «расстрелянных» за мародерство белоповстанцев.

Однако мало кто верил этой пропаганде. Сам В. М. Молчанов негодовал по поводу искажения информации и неверного истолкования его высказываний хабаровской антибольшевистской прессой. Он вызвал редакторов местных газет и под

угрозой ареста приказал опубликовать опровержение статей под заголовками «Молчанов идет на Москву». Генерал уже убедился в отсутствии резервов и добровольцев. Позже генерал в своих мемуарах писал, что из харбинской белоэмиграции в его войска прибыл 1 доброволец (! — Ю.Ц.).

Белые власти закрыли эсеровскую газету «Наше слово» (её последний номер вышел 11 января 1922 г.), грозили эсеровской «Волне».

В Приамурье наносили визиты различные делегации из Приморья, в т.ч. «Дальневосточного союза русских журналистов», благотворительных обществ с подарками для белоповстанцев. Шла подготовка к выборам в Народное собрание, новые городские думы с полномочиями... до 1924 года (!).

3 января 1922 года в Хабаровск с целью инспекции войск прибыл член правительства Н.Д. Меркулов. Однако его попытка проехать на бронепоезде вместе с В.М. Молчановым на передовые позиции не удалась. Прорвавшиеся в тыл к белоповстанцам части НРА обстреляли и повредили бронепоезд, и он был вынужден вернуться назад. (Достоверно сегодня не выяснено, кто обстрелял и повредил бронепоезд В.М. Молчанова: партизаны И.П. Шевчука или отряд НРА под командованием Ф.И. Петрова-Тетерина, посланный со специальным заданием в тыл белоповстанцев).

Хабаровск посетила комиссия Приморского Народного собрания («парламента» белого Приморья). Её целью стали агитация населения принять участие в выборах, точнее — в довыборах в Народное собрание от Приамурья, а также выяснить состояние дел на фронте и степень злоупотребления в довольствии и снабжении армии, «что сделалось уже общей темой среди населения», — писал в своих воспоминаниях член комиссии генерал В.Г. Болдырев. Он отмечал, что населе-

ние оставалось безучастным, казачество очень туго мобилизовывало свои силы, в тылу оживлялось партизанское движение, начались взрывы на железной дороге. Армия голодала и мерзла, вместо валенок ей послали резиновую обувь. Возникли слухи о грандиозных мошенничествах.

В Хабаровск был назначен Особоуполномоченный белого Временного Приамурского правительства по Хабаровскому району Д.П. Ступин, а с ним чиновник для особых поручений Щербинский. (Дмитрий Петрович Ступин имел низшее образование и не закончил даже городского училища. Женился на дочери миллионера-рыбопромышленника Семёнова и после его смерти разбогател, привык к роскоши, продвинулся по службе, обзавёлся необходимыми связями. До революции был гласным Хабаровской городской думы и служил чиновником по ведомству Министерства финансов. Имел дом (ныне — Дворец бракосочетаний по ул. Пушкина).

Посетивший Хабаровск вместе с Н.Д. Меркуловым редактор «Вечерней газеты» во Владивостоке, будущий советский писатель Вс.Н. Иванов вспоминал, как он вместе с корреспондентом своей же газеты Л.Е. Ещениным, военным врачом Пономаревым сумели пообедать в ресторане на Соборной площади, а затем пошли смотреть штаб НРА, ранее находившийся в здании бывшего кадетского корпуса. В Хабаровске было тревожно. Госпитали были забиты ранеными и обмороженными солдатами и офицерами. Вс.Н. Иванов писал, что на обратном пути в поезде загорелся вагон, но останавливаться не стали, т.к. остерегались нападения партизан.

В захваченном белыми Хабаровске коммунисты и комсомольцы развернули подпольную деятельность. Всей подпольной работой в районах, занятых белоповстанцами, руководил Центр в составе члена Дальбюро ЦК РКП(б) В.А. Масленникова, члена правительства ДВР И.В. Слинкина,

члена Военного Совета Восточного фронта П.П. Постышева.

Большевики и комсомольцы Хабаровска уже имели опыт подпольной борьбы. В 1919—1920 годы подпольщики имели конспиративную квартиру на ул. Поповской, 87 (позже — несохранившийся дом по ул. Калинина, 131). Хозяйка квартиры А.Я. Каминская, её помощницы: Т. Брагина, А. Машукова, К. Окунева, Н. Волкова, Е. Лебедева и дочь хозяйки квартиры З. Каминская собирали оружие и медикаменты, которые затем переправляли в партизанские отряды.

С декабря 1921 года до освобождения Хабаровска в середине февраля 1922 года в городе действовала группа комсомольцев-подпольщиков: Д. Бакун, А. и М. Бочкаревы, Т. Брагина, Н. Калашников, А. Кокин, Н. Афанасьев, У. Бакшеева. Ими руководил молодой коммунист С. Пчелкин. Конспиративная квартира находилась по ул. Артиллерийской (ныне — ул. им. Истомина), однако подпольщики имели связь и с конспиративной квартирой А.Я. Каминской. Подпольщики вели разведку белых войск, собирали оружие, белогвардейские документы и пропагандистские материалы, распространяли большевистскую литературу и листовки, которые сами и сочиняли, собираясь под видом учеников у С. Пчелкина. Оружие, теплая одежда и медикаменты через связную Е.А. Плеханову передавались в партизанский отряд Кочнева, а сведения — разведчикам НРА.

Девушки-подпольщицы ухаживали за ранеными командирами НРА и укрывали также тех, кто не успел уйти из города. Комсомольцы и коммунисты Д. Носок, Е.К. Гедэ, Патрушев работали в т. и. «Компомране» (белогвардейском комитете помощи раненым), над которым шефствовали местные дамы-патронессы. Подпольщики собирали медикаменты и переправляли их партизанам.

В город проникали переодетые раз-

ведчики НРА, которые вступали в беседы с солдатами и офицерами. Солдаты и офицеры жаловались на жадность Японии и откровенно высказывались за прекращение гражданской войны. По архивным данным, японский заём белому правительству во Владивостоке составил только 3,5 млн иен. Белоповстанцы к началу похода вообще не получили жалования. В Хабаровске платили только белой милиции. И только 29 января 1922 года прибывший в Хабаровск на бронепоезде «Орлик» член белого правительства Е.М. Адерсон привез жалование для войск, и то в иенах. Деятельность подпольщиков была крайне опасна. 9 января 1922 года в Хабаровске была создана контрразведка, которая сразу же «отличилась» тем, что спустила под лёд Амура нескольких пленных партизан и народоармейцев.

В ночь с 11 на 12 января 1922 года партизанский отряд под командованием Д.И. Бойко-Павлова совершил налёт на Хабаровск. Однако командир не знал, что в Хабаровск были отведены на отдых самые надёжные и боеспособные части Ижевско-Воткинской бригады. (Уникальность подразделений бригады состояла в том, что она состояла в большинстве из рабочих ижевских и воткинских оружейных заводов, не принявших Советскую власть). Отряд Д.И. Бойко-Павлова при налете на Хабаровск насчитывал 70 человек. Он разделился на три группы, одна из которых попыталась прорваться к штабу генерала В.М. Молчанова. (По одним данным штаб располагался в резиденции бывшего Приамурского генерал-губернатора, по другим — в доме по ул. Алексеевской, где до революции размещалось Хабаровское губернское казначейство, а в 1918—1919 годы был американский штаб (ныне — здание коммерческого предприятия «Парус» по ул. Шевченко, 5).

Гарнизон города, не считая частей Ижевско-Воткинской бригады, состав-

лял 300 штыков, 120 сабель, а также 250 милиционеров. Во время партизанского налёта были убиты и ранены 42 солдата и офицера. Потери партизан составили 6 человек убитыми, 13 пленными, а также 2 пулемета Шоша (всех пленных контрразведка спустила под лёд Амура).

Белогвардейцы организовали погоню за партизанами, выбили их из Вятского, заняли Елабугу и загнали отряд в тайгу. После этого Д.И. Бойко-Павлов активности не проявлял и в боях за Волочаевку не участвовал. Более того, сам командир чудом избежал расстрела за неподчинение приказам командования НРА и лично В.К. Блюхера. (В 30-е—40-е годы XX века Д.И. Бойко-Павлов приукрасил свои подвиги и увеличил потери белогвардейцев при налёте на Хабаровск).

Белогвардейская контрразведка в своих сводках указывала, что дислокацию белоповстанческих частей в Хабаровске выдал Д.И. Бойко-Павлову Е.В. Людницкий, которому генерал В.М. Молчанов отказал в организации городского самоуправления. После отступления белогвардейцев из Хабаровска Е.В. Людницкий бежал во Владивосток, где был опознан на улице агентами наружного наблюдения белой контрразведки. (Позже он был арестован советскими властями и погиб в лагере на Соловках, как и бывший глава Приморского земского правительства А.С. Медведев).

После налёта партизан Хабаровск был объявлен на осадном положении. Поскольку Ижевско-Воткинская бригада выводилась в Покровку и Николаевку, в город были введены 2 полка численностью в 900 штыков. Зажиточные старожилы Хабаровска, особенно те, кто прошел воинскую службу, 15 января 1922 года предложили В.М. Молчанову создать бесплатную общественно-добровольческую дружину. Они также предложили выставить вооруженные заставы, ввести надзор за приезжающими и даже выдать оружие

крестьянству.

Контрразведка начала аресты всех подозреваемых в связях с большевиками, НРА и партизанами. Проводились повальные обыски, поощрялись доносы. Был схвачен бывший военный комиссар Васильев, который выдал белым ряд партийных работников. 9 февраля 1922 года партизаны попытались напасть на тюрьму, но безуспешно. Белогвардейцы захватили 10 человек. Контрразведка раскрыла ещё одну конспиративную квартиру в Арсенальной слободке.

Начальник белогвардейской контрразведки в Хабаровске в своей докладной записке, сохранившейся в государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), докладывал и о нравах, царящих среди белой администрации Хабаровска, организационной неразберихе, и т.д. Он жаловался на плохие условия работы, нехватку средств, указывал на расцвет интриг среди различных спецслужб, командования белоповстанцев и гражданской администрации.

Контрразведка докладывала, что Особоуполномоченный ВПП по Хабаровскому району Д.П. Ступин и его окружение вели разгульный образ жизни, всем задолжали и со скандалом переселились из «Бельведера» в «Шанхай». (Все высокопоставленные лица белого режима из Владивостока останавливались в одном из лучших отелей Хабаровска «Бельведере», в левом крыле которого находился «Гранд-Иллюзион» (ныне — здание кинотеатра «Совкино»). Более дешёвая китайская гостиница «Шанхай» находилась в здании бывшего доходного дома Такеучи (ныне — помещение коммерческого предприятия «Русь»). «Они, — говорилось в докладе, — не отвечают своему назначению и подрывают престиж правительства неблагоприятными действиями и поступками в глазах местного и иностранного населения и белоповстанческих войск».

В то, что белые удержат Волочаевку,

сами же они не верили. Подготовка к эвакуации белыми Хабаровска началась еще 7 февраля 1922 года. Прекратилась выдача пайков рабочим и служащим. Была взорвана ледовая переправа, вывозились склады, железнодорожное имущество, снимались стрелки, взрывались мосты.

10—12 февраля 1922 года произошло историческое сражение за Волочаевку. В ходе операции Забайкальская группа Восточного фронта НРА 11 февраля овладела селами Верхнеспасским и Нижнеспасским на Амуре и стала наступать на Казакевичево, стремясь отрезать теперь уже белый Хабаровск от тылов. Генерал В.М. Молчанов считал, что именно здесь наносится главный удар НРА и бросил сюда свои малочисленные резервы, однако прикрыть все направления у него явно не хватило сил. Но и части НРА не смогли выполнить поставленную задачу: окружить и уничтожить белоповстанческую армию из-за сильного утомления бойцов и конского состава.

В Хабаровске началась паника. Город спешно покидали штабы и учреждения белых.

14 февраля 1922 года в Хабаровск без боя вошли подразделения 5 стрелкового полка НРА. В городе не работали предприятия, были закрыты все школы. Белые бросили в Хабаровске госпиталь с больными и ранеными. Белоповстанцы оставили 600 вагонов, в т. ч. 102 вагона с фуражом и военным имуществом, склады с подарками из Приморья, ценности в госбанке.

При отступлении белогвардейцы увезли с собой 100 человек арестованных, которых разместили в 2-х теплушках, прицепленных к последнему бронепоезду, ушедшему из Хабаровска.

16 февраля 1922 года в Хабаровск прибыл В.К. Блюхер, а 17 февраля в городе состоялся митинг, на котором жителей приветствовали эмиссар Приамурского областного управления ДВР, член Дальбюро ЦК РКП(б) В.А. Масленников

и командующий Восточным фронтом НРА С.М. Серышев. Хабаровск, в судьбе которого отразилась вся трагедия гражданской войны, окончательно перешёл в руки народной власти. Необходимо было налаживать жизнь. В 1922 году в городе оставалось 32 тыс. жителей.

После ожесточенных боёв за Бикино-Васильевские высоты белоповстанцы быстро ушли на юг Приморья под защиту японцев. Летом 1922 года Япония начала окончательный вывод своих войск из Приморья. Последний белый режим на территории России был обречён. Потерпев поражение под Спасском и Монастырищем, белая армия и тысячи беженцев ушли в Китай, и 25 октября НРА ДВР под командованием И.П. Уборевича вошла во Владивосток. 14 ноября 1922 года Дальневосточная республика была ликвидирована, и Дальний Восток воссоединился со всей Россией.

Драматическая история революции и гражданской войны в нашем городе нашла отражение в названиях улиц, памятниках, в мемориальных досках. Забегая вперёд, хочется отметить, что в 1956 г. на Комсомольской площади был возведён памятник героям Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В годы гражданской войны Хабаровск пережил 8 политических режимов. Восстановление Советской власти из-за длительности гражданской войны, специфики законов ДВР, близости белоэмиграции в Маньчжурии было специально растянуто до 1926 года. Лишь в этом году Советы были восстановлены в полном объёме снизу доверху: от сельских и поселковых до крайисполкома во главе с Я.Б. Гамарником, а наш регион стал называться Дальневосточным краем (ДВК) с центром в Хабаровске. 20 октября 1938 года ДВК был разделён на Хабаровский и Приморский края. Эта дата и стала днём рождения нашего края, который будет в этом году отмечать своё 70-летие.

Романов Валентин Викторович,
кандидат исторических наук,
профессор

Из истории медицинского образования в регионе: первый хабаровский вуз (1930—1950 годы)

Из истории Дальневосточного государственного медицинского университета

В самый разгар Первой мировой войны в газете «Приамурская жизнь» в разделе «хроника» появилось интригующее сообщение «Медицинский факультет в Хабаровске». В нём говорилось: «Наш петроградский корреспондент телеграфирует нам. Сенатору Поздееву поручено выяснить об открытии медицинского факультета во Владивостоке, Благовещенске или Хабаровске».

Сообщение в местной газете являлось весьма любопытным ещё и потому, что проблема подготовки медицинских кадров с высшим образованием на месте долгое время оставалась нерешённой и извечно острой. Можно уверенно сказать, что дефицит врачей, который являлся хроническим, тормозил дальнейшее социально-экономическое развитие региона.

До Октябрьской революции 1917 года в Сибири и на Дальнем Востоке находился лишь один медицинский фа-

культет. Существовал он при Томском государственном университете. Естественно, что его малочисленные выпуски не могли удовлетворить даже ничтожные потребности региона.

Фактически история высшего медицинского образования в России началась с открытия в 1775 году Московского государственного университета. Как известно, он был создан по инициативе М.В. Ломоносова в составе трёх факультетов: философского, юридического и медицинского.

В дальнейшем, а именно в 1798 году были открыты специализированные медицинские высшие учебные заведения — Медикохирургические академии в Петербурге и Москве. Однако в последующие годы распространение медицинского образования было связано с открытием новых университетов, в составе которых неизменно имелись медицинские факультеты.

Характерно, что дореволюционная история высшей медицинской школы в России ознаменовалась довольно значительными достижениями как в области формирования по тем временам сильной клинической базы, так и в подготовке и воспитании целой плеяды выдающихся деятелей народного здравоохранения. К их числу относятся всемирно известные ученые и врачи-практики Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, Н.Ф. Филатов, Н.М. Якубович и ряд других выдающихся деятелей медицины.

Однако общий уровень медицинского образования в дореволюционной России далеко не соответствовал потребностям. Подготовка врачей осуществлялась всего лишь семнадцатью высшими учебными заведениями и факультетами университетов. В их числе — медицинские факультеты в Московском, Киевском, Казанском, Саратовском, Томском, Юрьевском, Харьковском,

Новороссийском, Пермском, Ростовском университетах, а также высшие женские курсы в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и Одессе. Крупнейшим самостоятельным высшим медицинским учебным заведением являлась Военномедицинская академия в Петербурге и созданный там же Психоневрологический институт по инициативе В.М. Бехтерева в 1908 году. Общие выпуски этих учебных заведений, сосредоточенных практически в европейской части страны, были ничтожно малы — они не превышали полутора тысяч человек в год [1].

Дореволюционное здравоохранение на Дальнем Востоке начало активно формироваться после подписания в мае 1858 года генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым Айгунского договора, который 2 июня 1958 года был ратифицирован Пекином [2]. Здравоохранение того времени представляло собой пёструю картину. Переселенческая политика была направлена на освоение и заселение огромной территории, отделённой от центра громадным расстоянием. В её осуществлении участвовало много различных ведомств, которые столкнулись со сложной эпидемиологической обстановкой в регионе (эпидемия оспы в 1898 году, вспышка холеры в 1911—1919 годах, распространение таких инфекционных заболеваний как брюшной тиф, малярия, дизентерия, трахома, туберкулёз и т.д.). Отсутствие единой системы здравоохранения на Дальнем Востоке отрицательно сказывалось на организации врачебной помощи населению.

Известно, что дальневосточный регион долгое время считался краем ссылки и каторги, поэтому первые медицинские учреждения (больницы, лекарские пункты) по обслуживанию ссыльных появились по линии тюремного ведомства. С развитием края стали возникать медицинские службы в других ведомствах

Амурского казачьего войска (1880 год), водного и железнодорожного транспорта (1898—1912 годы), а также приисковая медицина в горнорудных районах. Так, ведомство казачьих войск в 1880 году развернуло в Благовещенске бригадный военный лазарет на сто коек, который обслуживал также и гражданское население. А первое лечебное учреждение амбулаторного типа для переселенцев было открыто в Благовещенске в 1896 году. Позже на благотворительные средства там же в 1903 году открывается первый родильный приют на пять коек [3].

В г. Хабаровске первая городская больница на 25 коек была открыта в 1894 году во время эпидемии кори. Она располагалась в одном из частных домов. Через четыре года была открыта новая больница на 25 мест, которая приняла первых больных и стала клинической больницей, первым главврачом которой был В.М. Любарский. Место нахождения больницы было определено решением Хабаровской городской Думы в районе ручья Лесопилка по улице Артиллерийская (ныне ул. Истомина). С 1906 года по 1929 год главным врачом являлся Л.Ф. Пионтковский, довольно авторитетная личность в медицинском мире.

В 1887 году Хабаровск посетил великий князь Александр Михайлович Романов. Как отмечают современники, за хороший приём вельможа пожертвовал на лечение неимущих и на воспитание сирот штатное по своей службе содержание (25785 рублей), которое поступало на протяжении ряда лет, что позволило также сформировать Александро-Ксеньевскую общину сестёр милосердия, позднее переданную в введение Красного Креста [4].

Большую деятельность по организации медицинского обслуживания в войсках Приамурского военного округа осуществлял Василий Николаевич Радаев,

назначенный в 1892 году в чине генерала на должность военно-медицинского инспектора округа. Для региона, в котором в то время большинство населения составляли военные и их семьи, координация врачебного обслуживания имело большое значение.

Примечательно, что состоявшийся в 1903 году IV съезд сведущих людей, организованный Приамурским генерал-губернатором Д.И. Субботичем, на котором присутствовало 150 человек, счёл необходимым обсудить проблемы народного образования и организации врачебно-медицинской помощи населению.

Важным событием в дальневосточном здравоохранении явился I съезд врачей Приамурского края, который состоялся в Хабаровске в 1913 году. Съезд обсудил широкий спектр вопросов, связанных с состоянием профилактической работы по борьбе с туберкулёзом, чумой, проказой, алкоголизмом. Участники съезда с большим интересом заслушали доклад директора Хабаровского краевого музея Владимира Клавдиевича Арсеньева «К вопросу о вымирании инородцев».

Следует подчеркнуть, что создание в Хабаровске в 1910 году отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулёзом положило начало организации планомерного врачевания в этой области. Хабаровский доктор А.О. Эбергардт на своей квартире безвозмездно принимал больных, а в ноябре 1911 года открыл собственную амбулаторию для туберкулёзных больных. 21 мая 1913 года по инициативе лиги в Хабаровске состоялся праздник «белого цветка» для оказания материальной помощи больным туберкулёзом. В этот день была организована продажа ромашек и других полевых цветов по цене «сколько не жалко», что позволило городскому отделу лиги пополнить собственный банковский счёт на сумму 4563 рублей [5].

Однако, несмотря на сложившуюся систему лечебных учреждений, регион постоянно испытывал острейший дефицит как врачей с высшим образованием, так и среднего медицинского и санитарного обслуживания. Это положение усугубилось гражданской войной, которая затянулась на Дальнем Востоке до конца 1922 года. И лишь только с подготовкой первого пятилетнего плана на 1928/29 — 1932/33 годы Далькрайкомом партии и Далькрайисполкомом была предпринята попытка разработать некую концепцию развития высшего образования на Дальнем Востоке с учётом перспективного развития производительных сил в регионе.

В этих условиях принимается принципиальное решение о создании в Хабаровске медицинского института. Руководство ДВК считало, что устранить постоянный дефицит в кадрах здравоохранения прежними мерами, какие использовались ранее (то есть за счёт других местностей Союза), невозможно, и полагало, что только организация непосредственно в крае медицинского института поможет изжить «хронический, перманентный недокомплект врачебных сил», а также создать в Хабаровске центр «научной жизни и научного творчества», сосредоточение «всякого рода культурных учреждений, связанных с медвузом» [6].

24 мая 1929 года СНК РСФСР принял постановление о создании в Хабаровске медицинского института, поддержав тем самым настоятельную просьбу местных партийных и советских органов.

Первый вуз в Хабаровске распахнул свои двери 2 октября 1930 года. Размещался он тогда в двухэтажном здании бывшей средней школы имени В.И. Ленина, в которой до революции находилась женская гимназия. Все заботы по организации медицинского института выпали на его первого директора, профессора Николая Дмитриевича Бушма-

кина, направленного Наркомздравом из Иркутска. Будучи анатомом по специальности, он возглавил кафедру нормальной анатомии.

Первые трудности, с которыми столкнулся директор института Бушмакин, состояли в комплектовании вуза научно-педагогическими кадрами и приёме студентов. Кадровую проблему на месте решить было практически невозможно, особенно если иметь ввиду специалистов высшей квалификации. 6 июня 1930 года, то есть за несколько месяцев до открытия института, его директор обращается с письмом в адрес руководства Минздрава РСФСР, в котором указывает, что «при организации мединститута в Хабаровске встречаются затруднения из-за отсутствия преподавателей по физике и химии». Так как «конкурс ничего не даёт», директор просит откомандировать специалистов, окончивших аспирантуру в Москву или в Ленинграде, а также профессоров или доцентов и по два ассистента по этим двум специальностям [7].

Благодаря поддержке местных органов власти, а также Наркомздрава, на начало сентября 1930 года были сформированы кафедры анатомии, гистологии, физики, биологии, химии, истории медицины с числом штатных преподавателей в 14 человек. В начале июля 1930 года в адрес Хабаровского крайоно из Москвы прибыла телеграмма об утверждении профессорами Хабаровского мединститута Н.Д. Бушмакина, а также П.Я. Лаховского (по кафедре гистологии) и В.А. Хохлова (по кафедре биологии). Это обстоятельство позволило молодому вузу начать свой первый учебный год при достаточно высоком уровне специалистов.

Значительная работа была осуществлена по приёму студентов. В помощь дирекции вуза были привлечены партийные, советские, профсоюзные и комсомольские органы, а также командование

воинских частей по отбору и направлению кандидатов для поступления. В ходе этой работы особое внимание обращалось на число рабочих и крестьян в составе студентов. На 1 сентября 1930 года закончился приём студентов, было подано 470 заявлений. Из числа принятых на первый курс 106 человек более 60 человек составляли рабочие и крестьяне. Среди зачисленных 15 человек являлись членами и кандидатами ВКП(б), а 33 человека — членами ВЛКСМ [8].

Весьма характерно, что, несмотря на многочисленные трудности, стоявшие на пути руководства вуза и профессорско-преподавательского коллектива, вновь назначенный директор Н.Д. Бушмакин довольно смело и энергично решал вопросы организации научно-исследовательской работы. Об этом свидетельствует любопытный документ, хранящийся в Хабаровском краевом государственном архиве. Это письмо директора института в Дальневосточную краевую плановую комиссию. Согласно этому письму, мединститут уже в декабре 1930 года планировал развернуть научно-исследовательскую работу, несмотря на сложный и трудный организационный период. В этом письме определялись следующие направления: 1) изучение распространения проказы среди туземного населения по Амуру; 2) антрополого-медицинское обследование чукчей по системе реки Анадырь; 3) исследование питьевой воды в крупных колхозах края; 4) гистология кожи морских животных и рыб как материал для промышленной обработки; 5) изучение кровососущих паразитов в условиях лесозаготовок и способов борьбы с ними.

И в этой связи автор письма просил Далькрайплан оказать помощь: выделить институту 5 тыс. рублей и 4 тыс. рублей в инвалюте, а также дать разрешение на открытие аспирантуры по гистологии (2 человека) и по химии (2 человека) [9].

Большую работу в решении многих организационных проблем, а также в организации учебного процесса выполняла комячейка института, которая была создана 4 сентября 1930 года. Её первым временным секретарём был избран преподаватель немецкого языка Н.Н. Плютач. А на состоявшемся 11 октября 1930 года организационном заседании бюро партячейки мединститута он избирается секретарём на постоянной основе. На этом же заседании были распределены обязанности между членами партячейки, а также организованы следующие сектора: а) оргсектор — руководитель Плютач; б) академический — руководитель Коган и Закс; в) культмассовый — руководители Жебровская и Тюнис [10].

21 октября 1930 года было проведено общее собрание студентов вуза, на котором присутствовали почти все лица, зачисленные на первый курс. При обсуждении вопроса о пригородном хозяйстве и паевых взносах было принято решение, обязывавшее всех студентов и служащих института внести вклад, обеспечивавший выполнение контрольной цифры для коллектива в 400 тысяч рублей, а также «обеспечить снабжение и питание пролетарского студенчества путём улучшения работы закрытого распределителя и столовой». По вопросу об отчислении средств на постройку дирижабля было решено все заработанные деньги на субботниках отчислять целиком и один процент от стипендии [11].

Необходимо подчеркнуть, что местные органы уделили достаточно большое внимание вузу. Краевым комитетом партии, Далькрайисполкомом, горкомом ВКП(б) систематически рассматривались отчеты руководителей вуза по различным вопросам деятельности.

Следует признать, что вопрос об учебных корпусах мединститута решался исполнительной властью края чрезвычайно медленно и нечётко. Почему-то

у краевого руководства на первых порах была надежда передать вузу площади, находившиеся в пользовании военного ведомства. В принятом постановлении бюро крайкома партии в начале 1930—1931 учебного года Далькрайисполкому поручалось окончательно договориться с военным ведомством о передаче мединституту здания бывшего кадетского корпуса и о строительстве на его территории анатомического института, важной структуры медвуза. Об этом, в частности, говорил на первом организационном собрании партячейки заместитель директора института Ф.А. Коган.

Можно предполагать, что с такой постановкой вопроса краевым руководством штаб ОКДВА не согласился, поэтому проблемы с обеспечением вуза учебно-лабораторной базой и студенческими общежитиями приобрели хронический характер. В марте 1933 года этот вопрос был вынесен на обсуждение открытого партийного собрания института. В принятом решении партячейки дирекции института предлагалось представить на заседании партбюро конкретный план завершения строительства студенческого общежития.

В мае 1933 года партийное собрание института вновь возвращается к этому важному вопросу и принимает решение, обязывавшее директора института подготовить докладные записки в Наркомздрав, Крайисполком и Крайком ВКП(б) с освещением положения в институте и перспектив его развития (строительство общежития, развёртывание клиник, обеспечение клиническим и теоретическим квалифицированным преподаванием, отоплением и освещением, оборудованием кафедр) [12].

Нужно отметить, что мытарства коллектива медицинского института в связи с нехваткой учебных площадей продолжались до 1938 года. Лишь в августе 1938 года бюро Далькрайкома ВКП(б)

в связи с расширением мединститута и ростом контингента студентов «для обеспечения нормального хода учебного процесса» приняло решение о переводе медицинского института в здание красных курсов — партактива, а названные курсы переводились в учебный корпус вуза. Для медицинского института предоставлялась великолепная возможность резко улучшить своё размещение в большом кирпичном здании (ныне — городская больница № 3 на площади имени В.И. Ленина) [13].

А в 1936 году к арендованным жилым зданиям для проживания студентов присоединилось собственное студенческое общежитие на 140 мест, построенное в районе медгородка (ныне — автобусная остановка «Памятник партизанам»). Несмотря на известные трудности, руководство вуза, профессорско-преподавательский состав наращивали свою учебно-лабораторную базу и вели работу по выполнению постановления СНК СССР о переходе на полные наборы. А это означало, что, начиная с 1938 года, ежегодный приём на первый курс в вузе должен был составлять 300 человек, что, естественно, требовало соответствующего роста возможностей — учебных аудиторий, научных кадров и жилищно-бытовых условий.

Большое значение для развития здравоохранения в крае имело принятое летом 1934 года Постановление Совета народных комиссаров Союза СССР «О просвещении, здравоохранении и лесном хозяйстве на Дальнем Востоке». Оно было примечательно тем, что напрямую затрагивало судьбу медицинского института и определяло его будущее. Этим постановлением предусматривалось увеличение капитальных вложений на здравоохранение в ДВК с 5880 рублей до 7890 рублей за счёт перераспределения ассигнований по капитальному строительству на 1934 год. Своим постановле-

нием СНК СССР обязал Дальневосточный крайисполком (под ответственность его председателя Крутова) обеспечить строительство учебного здания и анатомического корпуса мединститута в Хабаровске, а также общежития на 500 студентов и 30 квартир для преподавателей (ориентировочной стоимостью в 6 миллионов рублей, в том числе с ассигнованием в 1935 году 3,5 миллионов рублей). Под личную ответственность Наркома здравоохранения Каминского Минздрав РСФСР обязывался откомандировать к 1 декабря 1934 года для работы в Хабаровском мединституте в 1934—1935 учебном году 8 профессоров и 11 ассистентов, а также организовать в 1934 году на базе мединститутов в Хабаровске и Иркутске курсы усовершенствования врачей на 150 человек. В соответствии с постановлением нормы снабжения врачебного и среднего медицинского персонала в городах ДВК приравнивались к нормам снабжения, установленным для индустриальных рабочих, а младшего медицинского персонала лечебных учреждений в городах и сельских медработников — нормам снабжения, установленным для остальных рабочих ДВК [14].

Весьма остро в связи с увеличением набора в институт стояла проблема учебных площадей. В рассматриваемый период теоретические кафедры были развёрнуты в основном (и единственном) здании института, в котором находились дирекция, службы управления, рабфак, общежитие студентов (4-й этаж), а также армейские курсы Наркомата обороны и т.д. Сложным оставалось положение с клинической базой, где студенты, начиная с 3-го курса, в соответствии с учебным планом обязаны были работать. Собственной клинической базы институт не имел и пользовался услугами существовавших больниц. Их разбросанность (краевая больница, горбольница, де-

тская, психбольница и железнодорожная — все они находились на приличном расстоянии от института), а самое существенное — непригодность к учебно-педагогическому процессу (отсутствие учебных помещений и необеспеченность медицинским оборудованием) чрезвычайно осложняли учебный процесс. А если к этому добавить, что вуз не имел автобусов и необходимого лимита горячего, рабочий день студента-практиканта был напряжённым. По оценке директора института М.Л. Дмитриева, студенты в своём большинстве ежедневно делали переходы по 10—15 км [15].

Настойчивые усилия дирекции и ведущих учёных института побудили в июне 1940 года крайком партии обратиться в ЦК ВКП(б) со специальным письмом. В нём подчёркивалось, что Наркомздрав неудовлетворительно руководит вузом, плохо решает социальные проблемы и вопросы развития учебно-лабораторной базы, не выделяет средств на его развитие, хотя мединститут являлся единственным на Дальнем Востоке и готовил кадры для Хабаровского, Приморского краёв и Читинской области. В письме обращалось внимание на то, что Наркомздрав тратит миллионы рублей на завоз медицинских кадров (которые, как правило, через непродолжительный промежуток времени возвращаются обратно) и совершенно не думает о подготовке этих столь необходимых кадров на месте [16].

Исходя из этого, Хабаровский крайком партии обратился с просьбой к ЦК ВКП(б) обязать Наркомздрав срочно обсудить вопрос о положении в Хабаровском мединституте и оказать реальную помощь вузу, для чего предусмотреть:

а) строительство уже в текущем году общежития для слушателей мединститута на 500 мест;

б) строительство хотя бы одного 16-квартирного дома для профессорско-

преподавательского состава медицинского института;

в) выделить средства на строительство в 1941—1942 годах клиники института.

Довоенный период Хабаровского медицинского института была нелёгким не только для дирекции, но и для профессорско-преподавательского состава, обслуживающего персонала и студенческого коллектива. Непростой путь создания в Хабаровске высшего учебного заведения явился началом процесса формирования высшей школы в Приамурье. Первый выпуск врачей состоялся в 1935 году. Он был небольшим — 70 человек при поступивших в 1930 году 106 абитуриентов. Отсев студентов был значительным, колебался до 50 %. Так, с 1930 по 1935 годы в мединститут поступило 782 человека, а сумели его окончить — 424 человека. Выпуск по годам составлял: 1936 год — 54 человека, 1937 год — 65 человек, 1938 год — 82 человека, 1939 год — 54 человека, 1940 год — 99 человек [17].

Уже в довоенные годы институтом была проделана значительная работа в подготовке преподавательских кадров высшей квалификации. Учёный совет института присудил учёные звания профессора и доцента одиннадцати преподавателям. При этом все претенденты были утверждены Высшей аттестационной комиссией Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Кроме того, шесть человек успешно защитили диссертации на соискание учёной степени доктора медицинских наук, а 12 человек — на соискание учёной степени кандидата медицинских наук. Среди них — ассистент кафедры патанатомии Е.Н. Миронович, ассистент кафедры нервных болезней В.М. Кантер и др. На собрании, посвящённом 10-летию юбилею института, отмечалось, что к этому времени закончили свои на-

учные исследования и были готовы к их защите С.К. Нечепанев, А.А. Кешишева, Е.П. Федорова и другие сотрудники кафедр института. Характерно, что расходы на научно-исследовательскую работу выросли в 1940 году по сравнению с 1936 годом в 16 раз, а общий бюджет вуза в 1940 году составил 6,5 миллионов рублей. По сравнению с 1936 годом он увеличился более чем в два раза.

Следует отметить, что в довоенные годы руководили вузом интересные личности, выдающиеся организаторы высшей школы и здравоохранения, известные учёные. Это первый директор института Н.Д. Бушмакин, с 1932 по 1937 год — профессор Ф.А. Коган, который ранее работал в мединституте заместителем директора по учебной работе и одновременно заведующим кафедрой кожновенерических болезней. Депутат городского Совета трёх созывов, с 1930 по 1935 год бессменный член партийного бюро института, в 1937 году он был освобождён от занимаемой должности и необоснованно репрессирован. Его сменил И.З. Карпов, выпускник Московского медицинского института, работавший до приезда на Дальний Восток руководителем группы подготовки кадров в аппарате Наркомздрава, затем завотделом здравоохранения в Нижегородской области, заведующим Дальневосточным крайздравом, также оказавшийся жертвой произвола и беззакония.

Такая же участь постигла и другого назначенного на должность директора института доцента В.Л. Крестова, хирурга по образованию, который проработал лишь несколько месяцев. С июля 1938 года исполнение обязанностей директора было возложено на профессора А.М. Губинского, основателя кафедры инфекционных болезней. Чехарда с частыми сменами первых лиц в Хабаровском мединституте закончилась лишь в 1939 году избранием по конкурсу

и утверждением в этой должности доцента М.Л. Дмитриева, которого в 1944 году сменил известный хирург, профессор А.М. Дыхно.

10-летний юбилей мединститута в Хабаровске отмечали торжественно. 20 мая 1940 года исполком краевого Совета депутатов трудящихся принял по этому случаю специальное постановление, в котором выделялись средства в размере 10 тысяч рублей для проведения юбилея. Почётными грамотами были награждены работники института. Среди них — А.М. Дыхно, заведующий кафедрой госпитальной хирургии, А.Д. Кестнер, заведующий кафедрой патологической анатомии, В.А. Победоносцев, старший преподаватель латинского языка, Е.П. Федорова, ассистент кафедры факультетской терапии и др. [18].

Не обошёл это событие своим вниманием и Наркомздрав. Приказом по Народному комиссариату здравоохранения РСФСР от 25 июня 1940 года девяти сотрудникам была объявлена благодарность, они были премированы месячным окладом и представлены к награждению значком «Отличнику здравоохранения». Среди них — директор института М.Л. Дмитриев, профессора Ш.И. Ратнер, С.В. Гейнац, доценты М.М. Виленский, И.С. Белоносов, М.М. Петрачков и др. Этим же приказом институту выделялись автобус и легковая машина, одна тонна бумаги для издания юбилейного сборника научных работ, а также 30 тысяч рублей на вторую половину 1940 года для проектирования жилого дома на 12 квартир для научных работников. В плане 1941 года предусматривалось строительство этого дома, а также типового студенческого общежития на 200 мест [19].

Внимание центральных и местных органов власти к десятилетнему юбилею вуза убедительно свидетельствовало о том, что первый вуз Хабаровска занял достойное место в системе высшей школы

России и в довоенные годы представлял собой крупный учебный и научный центр в Приамурье. А впереди была война, которая явилась тяжёлым испытанием для нашей Родины и её высшей школы.

23 июня 1941 года в медицинском институте состоялся многочисленный митинг преподавателей, сотрудников и студентов вуза, участники которого заслушали сообщение директора М.Л. Дмитриева о выступлении по радио заместителя председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова о нападении фашистской Германии на Советский Союз. В резолюции, принятой на митинге, единодушно выражалась поддержка политики партии и правительства и готовность коллектива всю свою деятельность, всю свою энергию и знания направить на улучшение работы института и укрепление оборонной мощи Родины [20].

Через несколько дней, 2 июля 1941 года на общем собрании профессорско-преподавательского состава, студенчества и административно-технического персонала Хабаровского медицинского института после обсуждения доклада М.Л. Дмитриева «Отечественная война народов СССР против германского фашизма и задачи коллектива института» было принято развёрнутое постановление. В нём предлагалось «всю научно-исследовательскую работу подчинить требованиям сегодняшнего дня, вопросам обороны», пересмотреть планы научной работы, в первую очередь, разрабатывая актуальные вопросы оборонного значения, оказать помощь городским организациям и краевому отделу здравоохранения в «налаживании медико-санитарного обучения населения» и укреплении обороноспособности края; обеспечить безопасность от воздушного и химического нападения путём осуществления мероприятий по укреплению боевой готовности пункта МПВО (местной противовоздушной обороны) института; решительно по-

кончить с имеющими место у некоторой части коллектива «расхолаживанием в работе», обеспечивая должную подготовку и полное развёртывание учебного процесса с 1 августа 1941 года [21].

В первые дни войны в учебном корпусе Хабаровского мединститута был размещён военный госпиталь, а сам вуз переведён в строящееся здание института инженеров железнодорожного транспорта. Однако ввиду того, что отведённые помещения совершенно не были приспособлены для учебных целей, через два месяца после этого переселения решением крайкома ВКП(б) институту был предоставлен старый корпус, в котором с 1937 года располагался вуз [22].

Как известно, все медицинские вузы страны были переведены на учебный план военного времени со сроком обучения 3,5 года. Такой переход был осуществлён и коллективом Хабаровского мединститута. Вскоре было признано целесообразным перейти на прежний нормальный учебный план, подготовка специалистов по которому осуществлялась на протяжении всего военного времени.

В 1941 году, в июле и декабре, институтом было произведено два выпуска врачей с общим числом 249 человек. Почти все выпускники 1941 года были призваны в действующую армию [23].

Основное внимание дирекция вуза направляла на совершенствование учебного процесса и качества подготовки специалистов. В этой связи были откорректированы календарные планы работы всех кафедр. При этом особое внимание обращалось на повышение качества лекций, их демонстративность и чёткую организацию. Как отмечалось в одном из документов того времени, большое внимание обращалось на самостоятельную подготовку студентов, для чего на большинстве теоретических кафедрах были организованы кабинеты для самостоятельного изучения дисциплин. Эти

кабинеты были снабжены учебниками, монографиями, периодической литературой и наглядными пособиями. Кабинеты работали по расписанию кафедр, и в них постоянно дежурили преподаватели [24].

1941 год явился весьма сложным для руководства и коллектива Хабаровского мединститута. Положение с обеспеченностью учебными и жилыми площадями стало катастрофически тяжёлым, тем более, что рост его базы в предвоенные годы шёл за счёт уплотнения собственных площадей, которые являлись мизерными. Особые опасения вызывала необеспеченность студенческими общежитиями, которых практически было три. Одно из них (на 120 мест) находилось в семи километрах от вуза, а в нём фактически проживало около трёхсот человек. Второе располагалось на четвёртом этаже основного учебного корпуса и было рассчитано максимально на 100—110 человек. Фактически же там постоянно проживало около двухсот студентов. И, наконец, построенный накануне войны, в 1939 году «скоростной» барак на 80 мест размещал для проживания более ста человек [25].

Не лучшим было положение с учебными площадями. Порой местная исполнительная власть принимала поспешные решения относительно размещения единственного вуза в городе. Так, 1 октября 1941 года состоялось решение Хабаровского крайисполкома № 1637/47 «О переводе Хабаровского медицинского института в здание, занимаемое госпиталем № 1461 (бывшее здание крайпарткурсов) со всеми надворными постройками, включая Дом учителя» [26].

Естественно, это решение оказалось не выполненным в силу поспешности его принятия. Спустя некоторое время исполнительная власть края вынуждена была от него отказаться.

Однако, несмотря на то, что в нача-

ле войны институт дважды менял своё местопребывание, переезжая из одного здания в другое, подготовка специалистов осуществлялась строго по учебному плану и расписанию на каждый семестр. В течение 1941—1942 годов возросла успеваемость студентов, значительно улучшилась посещаемость учебных занятий [27].

Активное участие коллектив Хабаровского медицинского института принимал в оказании практической помощи фронту. Только в начальный период Отечественной войны было собрано и сдано в фонд обороны почти 300 тысяч рублей сбережений. Был организован сбор тёплых вещей, значительные суммы были переданы на строительство эскадрильи бомбардировщиков «Хабаровский комсомолец», танковой колонны и миномётной батареи.

Многие сотрудники вуза из своих личных сбережений вносили средства на строительство военной техники. Так, заведующий кафедрой психиатрии, профессор И.Б. Галант одним из первых внёс более 12 тысяч рублей на строительство боевого самолета. За этот патриотический поступок он получил благодарность от И.В. Сталина [28].

В ответ на благодарность вождя в институте зародилось движение по сбору средств на строительство эскадрильи санитарных самолетов. По 15 тысяч рублей тогда внесли из своих сбережений заведующий кафедрой факультетской терапии Ш.И. Ратнер, заведующий кафедрой детских болезней Е.Е. Грант, заведующий кафедрой инфекционных болезней А.М. Губинский и другие. 24 февраля 1943 года коллектив института принял решение об отчислении двухдневного заработка на восстановление освобождённых городов и районов от оккупантов [29].

Как отмечалось, жилищно-бытовые проблемы, а также дефицит учебных и

производственных площадей для Хабаровского медицинского института носили практически хронический характер с начала своего существования. И нужно отдать должное руководству и всему персоналу вуза за их героические усилия по преодолению этих трудностей в подготовке врачей.

Вместе с тем дирекция института настойчиво и принципиально добивалась от руководства края и Министерства здравоохранения РСФСР принятия необходимых мер по выводу из прорыва вуза. Так, 8 апреля 1944 года в служебной записке на имя первого секретаря Хабаровского крайкома ВКП(б) Г.А. Боркова директор института М.Л. Дмитриев писал: «Имея ввиду, что город Хабаровск крайне затруднён в вопросе жилой площади, с одной стороны, учитывая полное отсутствие жилой площади у института, с другой, ибо пришедшие в ветхость фаршированные бараки, где живут сейчас студенты, не могут рассматриваться как жилой фонд института, считаю абсолютно необходимым наряду со строительством учебных площадей строительство жилого объекта на 400 человек студентов и 15—20 квартир. Строительство этого объекта вполне осваивается площадкой, имеющейся на территории участка большого здания института на площади Свободы, вплотную может примкнуть к теоретическому корпусу и, таким образом, составить строительную точку» [30].

В этой связи директор института М.Л. Дмитриев предлагал к рассмотрению свой вариант, предусматривающий возвращение институту здания по ул. Пушкина, 54, где был размещён госпиталь № 880.

По его мнению, с увеличением набора студентов в 1944 году, без дополнительных реальных возможностей расширения учебной площади институт был не в состоянии обеспечить подготовку специалистов. «Я считаю своим долгом, —

подчеркивал М.Л. Дмитриев, — об этом прямо заявить сейчас, так как все внутренние ресурсы уплотнения уже целиком израсходованы за 41—43 годы» [31].

В июне 1944 года новый директор вуза М.М. Виленский вновь обращается к краевому руководству. В своей докладной записке «О состоянии Хабаровского медицинского института» на имя первого секретаря крайкома партии Г.А. Боркова, он вновь напоминает о бедах и мытарствах вуза и настоятельно просит оказать срочную помощь: прежде всего — использовать здание госпиталя № 880 на площади Свободы (ныне — площадь имени В.И. Ленина), для клиник профессоров Ш.И. Ратнера и С.В. Гейнаца (2-й этаж) и для расширения площадей под теоретические кафедры, а также полностью освободить от посторонних жильцов студенческое общежитие по улице Калинина, 72 и оказать помощь в капитальном ремонте бараков по улице Пушкинской (выделение строительной организации, обеспечение стройматериалами) [32].

Неоднократные обращения руководителей мединститута возымели своё действие. 14 июля 1944 года на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова за подписью первого секретаря Хабаровского крайкома партии Г.А. Боркова в Москву было отправлена докладная записка «О состоянии Хабаровского государственного медицинского института». В этом документе на восьми листах машинописи была дана развёрнутая характеристика деятельности вуза.

В документе указывалось, что в 1941 году в связи с создавшейся обстановкой мединституту пришлось разместиться в недостроенной части здания Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта. Это обстоятельство негативно повлияло на ход учебной и научной работы вуза: профессорско-преподавательский и студенческий состав стал быстро сокращаться. Осенью 1941

года остро встал вопрос о дальнейшем существовании института. Обсудив создавшееся положение, крайком партии решил передать вузу своё четырёхэтажное здание, предназначенное для размещения краевых партийных курсов. И это спасло институт. В последующем крайком ВКП(б) возвращался к обсуждению вопроса о состоянии института, оказывая ему всемерную практическую помощь в ремонте и расширении студенческих общежитий, жилплощади для профессоров и преподавателей и т.д. Тем не менее, оставание учебно-материальной базы института от значительно возросшего объёма его работы без серьёзной помощи Наркомздрава РСФСР на месте преодолеть было невозможно [33]. Однако, как явствует из этой записки Г.А. Боркова, «...наркомат палец о палец не стукнул, чтобы помочь институту в деле создания нормальной учебной обстановки».

В целях повышения качества подготовки специалистов и успешного развития учебной, научно-исследовательской и лечебно-профилактической деятельности вуза крайком партии просил ЦК ВКП(б) обязать Наркомздрав РСФСР предусмотреть на 1945 год строительство нового учебного корпуса Хабаровского мединститута, существенное расширение его клинической базы, а также строительство восьми квартир жилого дома для преподавателей и студенческого общежития на 600 мест.

В письме также выдвигались просьбы об увеличении штата преподавателей по основным теоретическим и клиническим кафедрам, о выделении медицинского оборудования, аппаратуры, химической посуды и реактивов, фондов на бумагу, жидкое топливо, концентрированных кормов для содержания экспериментальных животных [34].

Судя по архивным документам, поставленные руководством края перед Москвой вопросы рассматривались

крайне медленно. Принявший руководство вузом заведующий кафедрой госпитальной хирургии профессор А.М. Дыхно в своём письме на имя министра здравоохранения РСФСР Третьякова в ноябре 1944 года писал о том, что вуз находится в положении тяжелой хозяйственной разрухи и, к своему глубокому сожалению, не имеет помощи от Наркомздрава. «Дальнейшее не только развитие, писал он, — но и минимально удовлетворительное существование института в существующих условиях невозможно. Краевые власти согласились предоставить институту ещё одно здание, где в настоящее время располагается эвакогоспиталь № 880... Необходимо решение Совнаркома». Директор вуза просил срочной помощи от руководителей Наркомздрава [35].

Несмотря на все трудности, институт упорно наращивал свой потенциал, совершенствовал подготовку врачей для нужд дальневосточного региона. Являясь единственным медицинским вузом на огромной территории от Иркутска до Владивостока, он сыграл большую роль в деле организации здравоохранения на Дальнем Востоке. В научных исследованиях институт наряду с изучением общих проблем теоретической и клинической медицины особое внимание уделял изучению курортных факторов и лекарственного сырья дальневосточного региона.

За время Великой Отечественной войны вузом было выпущено 719 врачей. Уже на 1 января 1947 года в институте обучалось 1057 студентов. По мере развития здравоохранения в г. Хабаровске и организации клинических больниц развивалась клиническая база вуза. Если ранее клинические кафедры работали на базе окружного военного госпиталя, то к 1950 году они размещались в следующих больницах: 1-я городская (500 коек), 2-я городская (180 коек), 3-я городская (360

коек), 4-я городская, детская больница (160 коек), психиатрическая (150 коек), железнодорожная (300 коек).

К началу 1949 года мединститут располагал приличной библиотекой. Созданная ещё в 1931 году, к началу 1947 года она насчитывала 83780 книг. Услугам читателей предоставлялось большое количество журналов на русском и иностранных языках. Библиотека располагала читальным залом для студентов площадью более ста квадратных метров, а также читальным залом для научных работников. Она имела три каталога: алфавитный, систематический, топографический, а также каталоги советских и иностранных журналов по годам [36].

За 20 лет Хабаровским мединститутом было подготовлено более двух тысяч врачей, большинство из которых работали в лечебных учреждениях Дальнего Востока. Вуз вырос в крупное научное учебное заведение. В 1949 году в нём трудились 11 докторов и 40 кандидатов наук. Преподавателями вуза за эти годы было защищено 11 докторских и 37 кандидатских диссертаций [37].

21 ноября 1949 года бюро крайкома ВКП(б) на своём заседании заслушало отчёт директора вуза С.К. Нечепаева «О работе Хабаровского медицинского института». Отмечая в целом положительную деятельность института в подготовке лечебных кадров, партийный орган счёл необходимым отметить, что «в ряде научно-исследовательских работ... до последнего времени имелись идеологические ошибки, принижение роли отечественной науки и проявление космополитизма». В этой связи партийная власть края упрекала вуз в запоздалом реагировании «на проявление космополитизма и безыдейности в научно-исследовательской и учебной работе», в медленной перестройке своей работы в свете решений августовской сессии Академии сельскохозяйственных наук имени

В.И. Ленина «О положении в биологической науке».

В своём постановлении бюро крайкома потребовало от руководства института «обеспечить подготовку высококвалифицированных врачей, отвечающих современным требованиям, вооружённых передовой марксистско-ленинской наукой, непримиримых к проявлениям буржуазной идеологии, проникнутых духом большевистской партийности, проводить неуклонную борьбу с элементами низкопоклонства перед разлагающейся буржуазной наукой и культурой..., широко пропагандируя среди студентов мичуринско-лысенковское учение», до конца искоренить в научных трудах института проявления космополитизма, идеализма, преклонения перед иностранщиной...» [38].

20 сентября 1950 года на общем закрытом партийном собрании института были обсуждены итоги 1949—1950 учебного года. К этому времени дирекция и партийная организация вуза проделали значительную работу по дальнейшей перестройке всей учебной и научно-исследовательской работы в свете решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, августовской сессии ВАСХНИХ и по устранению недостатков, отмеченных в решении Хабаровского крайкома партии. Однако, как явствовало из протокола собрания, ещё медленно развёртывалась перестройка работы в свете решений сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук по проблемам физиологического учения И.П. Павлова и решения Хабаровского крайкома ВКП(б) от 21 ноября 1949 года, принятого по отчёту директора С.К. Нечепаева [39].

Необходимо подчеркнуть, что развернувшаяся в стране в конце 40-х — начале 50-х годов XX века кампания по борьбе с инакомыслием была облечена во внешнюю форму борьбы с западничеством, или, по терминологии того вре-

мени, «низкопоклонством» и «безродными космополитами». Так как в качестве «инородного» начала, по мнению сталинского руководства, выступали советские евреи, то этой кампании был придан антисемитский характер. Примерами этой позорной истории, по нашему мнению, явились сфабрикованные компетентными органами наиболее известные процессы — дело Еврейского антифашистского комитета (1948—1952 годов) и «дело врачей» (1953 г.). Дополняли эту картину различные дискуссии, проведённые в эти годы: по учебнику Г.Ф. Александрова «История западноевропейской литературы», по проблемам языкознания и политэкономии социализма. В 1948 году сессия ВАСХНИЛ завершила длительную дискуссию биологов победой академика Т.Д. Лысенко, тормозившего развитие сельскохозяйственного опытного дела в генетической и селекционной науке.

Возглавлявший в эти годы Хабаровский мединститут известный хирург профессор А.М. Дыхно вынужден был покинуть свой пост и выехать за пределы Хабаровского края. Как подчеркивается в юбилейной книге «75 лет Дальневосточному государственному медицинскому университету (1930—2005 гг.)», профессор А.М. Дыхно покинул свой пост «под воздействием известной в конце 40-х годов политической кампании травли врачей» [40].

Свое 20-летие институт отмечал осенью 1950 года. 23 октября 1950 года министр здравоохранения РСФСР Г. Белецкий издал приказ о проведении общеинститутской научной сессии, посвящённой 20-летию со дня организации вуза. Начальник планово-финансового управления Министерства здравоохранения РСФСР Д.А. Карпычев обязывался выделить вузу дополнительно 800 тысяч рублей для приобретения научно-учебного медицинского дорогостоящего оборудования. Кроме того, начальнику

управления капитального строительства Минздрава РСФСР Н.А. Овакимову предлагалось предусмотреть в 1951 году выделение 1200 тысяч рублей на завершение строительства студенческого общежития [41].

В 1950 году число штатных преподавателей и лаборантов составляло 247 человек. В их составе было 12 профессоров, 24 доцента. Первый вуз в Хабаровске располагал квалифицированными научно-педагогическими кадрами, внёсшими большой вклад в дело создания института и его дальнейшего развития.

За время своего 20-летия Хабаровский медицинский институт превратился в крупное высшее учебное заведение. Научно-педагогический коллектив вуза систематически оказывал большую помощь органам здравоохранения Дальнего Востока. Светлые горизонты будущего открывались перед ним во второй половине XX столетия. Первый вуз Хабаровска заложил добрые традиции в развитие культурной и социально-экономической жизни города, края и дальневосточного региона.

Выступая на торжественном собрании, посвященном 20-летию, директор института профессор С.К. Нечепаев подчеркнул: «С чувством глубокого уважения и признательности мы вспоминаем первых профессоров и преподавателей института, внёсших большой вклад в дело его основания и дальнейшего развития. К ним относятся первый директор и заведующий кафедрой анатомии, профессор Бушмакин, гистолог, профессор Лаховский, патофизиолог, член-коррес-

пондент Академии медицинских наук, профессор Горев, физик, профессор Горбачев, химик, профессор Головчанская и другие».

К 20-летию состоялось 17 выпусков, всего — 2212 врачей. В этом большая заслуга профессоров Ш.И. Ратнера, И.Б. Галанта, И.С. Бурди, доцентов Р.С. Горюдиной, И.С. Белоносова, А.С. Бороженца, А.В. Маслова, М.М. Петрачкова, В.М. Кантера и другие. В институт, как отмечал директор института С.К. Нечепаев, позднее прибыли и положительно зарекомендовали себя профессора М.Я. Нишневич, Г.Н. Сорохтин, С.Б. Голубчин, А.М. Губинский, доценты Н.И. Гофман, Т.А. Назарова, А.П. Георгиевский, И.С. Резник, И.М. Синович, Л.М. Тверской, О.П. Минут-Сорхтина, С.Ф. Суровцева, Е.Г. Ливкина, П.С. Кислицын, ассистенты И.И. Томилов, Ф.Я. Венцов, Н.Н. Черноткина, Т.К. Анисерова, П.Д. Глубокова, Р.Л. Мороз-Черная, А.Е. Трифонов, Е.М. Серова, В.С. Туровец, Г.В. Кузин, Ф.Е. Поздняков и другие [42].

По случаю 20-летия института Наркомздрав РСФСР поощрил большую группу сотрудников института. За добросовестный труд пятидесяти пяти работникам вуза были объявлены благодарности с занесением в личное дело. По тем временам такое поощрение считалось почётным и весьма престижным [43].

Коллектив первого высшего учебного заведения заложил добрые традиции в развитии социально-экономической жизни Хабаровского края и Дальнего Востока и занял достойное место в системе высшей школы.

Список использованных источников и примечания

1. Елютин, В. П. Высшая школа общества развитого социализма / В. П. Елютин. — М., 1980. — С.161.
2. Согласно договору, подписанному в Айгуне (ныне г. Хэйхе провинции Хэйлуньцзян), левый берег берега Амура до реки Уссури признавался принадлежащий России, а правый — Китаю. Это событие было встречено с большим восторгом в столице. Архиепископ Иннокентий по этому поводу устроил благодарственный молебен, а затем обратился к Н.Н. Муравьеву с приветственной речью. «Нет сомнений в том, что в настоящее время если не вся Россия, то вся Сибирь и все благомыслящие россияне и все твои сподвижники с радостью, с благодарностью и с восторгом примут известие о совершенном тобою ныне деле» (Шиндялов, Н. А. Основатели Благовещенска : очерки, док., материалы / Н. А. Шиндялов. — Благовещенск-на-Амуре, 2006. — С. 53).
3. Доровских, В. А. От института до академии / В. А. Доровских, Н. И. Воронин, А. А. Радионов. — Благовещенск, 2002. — С.10.
4. Над белым парусом... — Хабаровск, 2003. — С.231—232.
5. Над белым парусом... — Хабаровск, 2003. — С. 233.
6. О развитии высшего образования в ДВ крае в 1929/29—1932/33 гг. Докладная записка комиссариату по просвещению РСФСР. — Хабаровск, 1929. — С. 44.
7. Государственный архив Хабаровского края. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д.4. Л.41.
8. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д.4. Л.25.
9. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д.4. Л.41.
10. ГАХК. Ф.П-362. Оп. 1. Д. 2 Л.1.
11. ГАХК. Ф.П-362. Оп.1. Д.1. Л.10.
12. ГАХК. Ф.П-36. Оп.1. Д.8. Л.28.
13. ГАХК. Ф.П-2. Оп.1. Д. 1470. Л.9.
14. Тихоокеанская звезда. — 1934. — 27 авг.
15. ГАХК. Ф.П-35. Оп.14. Д. 10. Л.29.
16. ГАХК. Ф.П-35. Оп.14. Д. 10. Л. 4.
17. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 587. Л. 14,15.
18. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 193. Л. 24.
19. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 194. Л. 18,18 об.
20. ГАХК. Ф.П-362. Оп.1. Д. 14. Л. 16.
21. ГАХК. Ф.П-362. Оп.1. Д. 14. Л.15.
22. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 404. Л.2.
23. Юбилейная книга. 75 лет Дальневосточному государственному медицинскому университету (1930—2005 гг.). — Хабаровск, 2005. — С. 12.
24. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 404. Л. 2 об.
25. ГАХК. Ф.П-35. Оп.14. Д. 10. Л. 24, 25.
26. Трудный путь к победе : сб. док. Гос. арх. Хабар. края о Великой Отечеств. войне (22 июня 1941 г.—9 мая 1945 г.) и о войне СССР с Японией (9 авг.—сент. 1945 г.). — Хабаровск, 2005. — С.190.
27. ГАХК. Ф.П-362. Оп.1. Д. 36. Л. 17,17 об.
28. ГАХК. Ф.П-362. Оп.1. Д. 14. Л. 29.
29. ГАХК. Ф.П-362. Оп.1. Д. 36. Л. 17.
30. ГАХК. Ф.Р-35. Оп.1. Д. 1653. Л. 5.
31. ГАХК. Ф.Р-35. Оп.1. Д. 1653. Л. 5 об.
32. ГАХК. Ф.Р-35. Оп.1. Д. 1653. Л. 19, 19 об.
33. ГАХК. Ф.Р-35. Оп.1. Д. 1653. Л. 22.
34. ГАХК. Ф.Р-35. Оп.1. Д. 1653. Л. 26, 27.
35. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 401. Л. 3,3 об.
36. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 589. Л. 1, 2.
37. ГАХК. Ф.П-2. Оп.22. Д. 214. Л. 11.
38. ГАХК. Ф.П-2. Оп.22. Д. 214. Л. 14—16.
39. ГАХК. Ф.П-362. Оп.1. Д. 53. Л. 128,129.
40. Юбилейная книга. 75 лет Дальневосточному государственному медицинскому университету (1930—2005 гг.). — Хабаровск, 2005. — С. 13.
41. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 725. Л. 1.
42. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 725. Л. 11— 13.
43. ГАХК. Ф.Р-1507. Оп.1. Д. 725. Л. 2.

*Из истории создания
и развития университета
(1953—2008 гг.)*

Оглоблина Надежда Михайловна,
проректор по социальной работе и
молодежной политике Амурского
гуманитарно-педагогического
государственного университета
(г. Комсомольск-на-Амуре),
кандидат филологических наук,
доцент

«Студенчества час однажды дается...»: очерк истории Амурского гуманитарно-педагогического университета как центра образования, науки и культуры

Ровно пятьдесят пять лет назад, 29 сентября 1953 года, Советом министров СССР было принято решение об открытии в г. Комсомольске-на-Амуре педагогического института, а 6 ноября Министерством просвещения РСФСР издан приказ об образовании в городе комсомольской славы первого в его истории высшего учебного заведения. Основной задачей, которую оно должно было решить, стало наиболее полное обеспечение подготовки педагогических кадров для школ Хабаровского края на месте, в самом крае. Эта задача была крайне актуальной для своего времени, обязательным и необходимым условием «социально-экономического и культур-

ного развития всего Дальневосточного региона. Она отвечала тенденции дальнейшего планомерного заселения и освоения природных богатств Приамурья, более мощного развития его производительных сил на основе специализации и комплексного развития дальневосточного народного хозяйства» [4, с. 96]. Не случайно в это же время, как подчеркивает В.В. Романов, исследователь проблемы становления педагогического образования в Приамурье, заметно увеличился план набора студентов и были открыты новые специальности и в Хабаровском педагогическом институте. Но единственный педагогический вуз в крае уже был не в состоянии удовлетворить растущую потребность региона в учителях.

В 1954 году, 1 сентября, в здании лучшей в городе школы № 1 им. С. Орджоникидзе, состоялась торжественная линейка, посвящённая открытию Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (КГПИ). Два его факультета — физико-математический и филологический — приняли 147 студентов. Для их обучения были приглашены 12 преподавателей, из которых четверо были кандидатами наук: В.А. Мараев, кандидат педагогических наук, Л.Б. Фингерт, кандидат филологических наук, Н.А. Ростовцев, кандидат физико-математических наук, А.М. Лосев, кандидат исторических наук и первый директор института.

Институт расположился на 2 и 3 этажах здания школы, и в его распоряжение были предоставлены две лекционные аудитории, четыре кабинета для семинарских занятий, три комнаты, оборудованные под препараторскую, лабораторию по физике и спортивный зал. Сначала на лекциях сидело по три человека за партой, так как первое оборудование поступило в институт лишь в октябре. Тогда же «Решением Минис-

терства просвещения РСФСР Комсомольскому-на-Амуре пединституту была передана учебная библиотека бывшего Ленинградского учительского института с фондом в 47 тыс. томов. Кроме того, в том же 1954 году институтом было закуплено 10 тыс. томов новой учебной и художественной литературы» (4, с. 97)

Но институт остро нуждался не только в оборудовании, но и в кадрах. В 1954—55 годах к работе в вузе привлекались опытные учителя из школ, преподаватели техникумов. Молодой преподаватель русского языка Магдалина Петровна Шпиро (а тогда Зайцева) пришла работать в институт из педучилища.

Педагогической работе в КГПИ/КНАГПУ Магдалина Петровна посвятила 46 лет. За свою педагогическую и общественную деятельность она награждена медалями «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть». Её ученики — тысячи учителей русского языка, учителей начальных классов города и края — с благодарностью вспоминают её уроки. Сегодня Магдалина Петровна — Почётный член Учёного совета университета, ветеран труда, за многолетнюю педагогическую деятельность в КНАГПУ и верность университету награжденная почётным знаком «За выдающиеся заслуги перед коллективом университета». С большой теплотой она вспоминает своего первого ректора, тогда ещё директора института Андрея Михайловича Лосева. «Очень ответственный, грамотный руководитель, прекрасный человек, который умел решать не только хозяйственные вопросы, а их в период основания вуза было немало, но и привлекать к себе людей, делать их единомышленниками».

А.М. Лосев был направлен Министерством просвещения в Комсомольск из Чаплыгинского учительского института (Липецкая область). Он окончил Ря-

занский государственный педагогический институт, затем аспирантуру МПГИ, защитил кандидатскую диссертацию по истории.

Педагогический институт с первых дней своего существования стал не только основным научным и образовательным учреждением города юности, но и его культурно-просветительским центром. В октябре 1954 года в институте начал свою работу литературный кружок, состоялись встречи студентов и преподавателей с поэтессой М. Алигер и драматургом А. Арбузовым, автором знаменитой тогда пьесы «Город на заре», пьесы о первостроителях Комсомольска-на-Амуре. Силами кружковцев проводились читательские конференции, первая из которых была посвящена нашумевшему роману Л. Леонова «Русский лес», а вторая — творчеству В. Маяковского.

Культурно-массовая работа со студентами в те годы, как вспоминает студентка самого первого набора 1954 года, кандидат физико-математических наук, доцент, Отличник просвещения Российской Федерации, Почётный работник высшего профессионального образования Ида Евгеньевна Фофанова (Дунчевская), была достаточно жестко регламентирована: по субботам проводились вечера отдыха с чтением лекций и докладов, демонстрацией научно-популярных кинофильмов и выступлениями самодеятельных коллективов. Каждой студенческой группе нужно было посетить не менее одного спектакля и кинофильма — за этим строго следил комитет ВЛКСМ. Вскоре начались первые репетиции хора и тренировки в спортивных секциях.

Летом 1955 года были организованы первая диалектологическая экспедиция в низовья Амура, первая практика в детских пионерских лагерях. В этом же году в вузе состоялся первый при-

ём иностранной делегации — китайских специалистов из города Мукден.

Институт рос, развивался. В апреле 1955 года открылось заочное отделение КГПИ, где без отрыва от работы могли повысить квалификацию практически работники школ города и близлежащих районов. Укреплялась и материальная база вуза: открылась студенческая столовая, было сдано в эксплуатацию первое студенческое общежитие.

1957 год был отмечен несколькими яркими событиями: состоялся лыжный поход студентов по маршруту Комсомольск — Эльбан, прошёл первый смотр художественной самодеятельности и творчества студентов, делегация института приняла участие в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве, была создана станция визуальных наблюдений за искусственным спутником Земли. Первым её директором стал заведующий в то время кафедрой физики И.В. Даниленко, опытный специалист-геофизик, а одним из первых её сотрудников стал В.Г. Федосенко, студент первого набора, а ныне кандидат физико-математических наук, доцент, единственный, пожалуй, специалист-астроном в городе Комсомольске. Стоит заметить, что и сегодня В.Г. Федосенко, Почётный работник высшего профессионального образования, награждённый в 2003 году знаком «За выдающиеся заслуги перед коллективом университета», продолжает свои астрономические исследования, сотрудничая с учёными Японии и Украины.

В мае 1958 года состоялся первый досрочный выпуск студентов физико-математического факультета. В них крайне нуждались школы, и потому Министерство просвещения обязало институт за счёт интенсификации процесса обучения, завершить подготовку специалистов на год раньше. Тогда школы города и края пополнились шестьюде-

сятью шестью учителями физики и математики. Большая заслуга в том, что институт смог это сделать, принадлежала доценту Н.И. Ростовцеву, первому заведующему кафедрой математики.

В пятидесятые годы на факультет пришёл ещё один из самых авторитетных и для коллег, и для студентов педагог — Самуил Лейбович Певзнер, кандидат физико-математических наук, впоследствии первый профессор института. Он был ведущим специалистом института, а затем и университета в области геометрии, автором задачника-практикума по проективной геометрии, первым из учёных КГПИ, опубликовавшим свой труд в Москве в издательстве «Просвещение». С.Л. Певзнер был учителем многих поколений студентов физмата, образцом высокопрофессионального педагога и истинного интеллигента. В память об ушедшем из жизни в 2000 году учителе решением Учёного совета университета в 2002 году в институте открылась аудитория его имени, та, где он всегда читал лекции. На её стене расположился портрет-барельеф педагога, а в витрине под ним — его работы, рукописи.

В 1987 году деканом физико-математического факультета избирается Галина Николаевна Сумина, продолжившая на факультете традиции, заложенные профессором А.Н. Ростовцевым и его учениками И.Е. Фофановой, В. Закорко, В.Ф. Федосенко, а с 2003 года она становится и заведующей кафедрой математики. За эти годы на факультете выросли новые педагогические кадры, расширился спектр специальностей, по которым факультет ведёт подготовку специалистов. Среди них особое место заняла информатика. «Информатика и математика», «информатика и физика», «информатика и экономика» — эти специальности потребовали от руководителя учебного подразделения серьёзных

усилий по созданию современной материально-технической базы факультета, оснащению компьютерами, мультимедийными средствами, интерактивными досками. Энергичная и целеустремлённая, Г.Н. Сумина успешно справлялась с поставленными задачами. При её активной поддержке оформилась как самостоятельная и кафедра «Информатики и информационных технологий». Сегодня её возглавляет О.С. Амосов, доктор технических наук, профессор, действительный член Международной академии навигации и управления движением, который в качестве проректора по информатизации курирует развитие информационных технологий и на всех подразделениях университета.

За годы работы в университете Г.Н. Сумина создала свою педагогическую школу, особое содружество учителей математики — выпускников КГПИ/АмГПГУ разных лет. Работу с ними она продолжает и после выпуска: ежегодно ведёт курсы повышения квалификации учительских кадров, сотрудничая с Хабаровским краевым институтом повышения квалификации педагогических кадров, проводит семинары и конференции для учителей математики города, постоянно участвует в проведении городских математических олимпиад школьников совместно с городским информационно-методическим центром.

Созданные Г.Н. Суминой учебно-методические пособия «Решение задач по теме «Пирамида и призма», «Решение текстовых задач» широко используются как в учебном процессе университета, так и при подготовке учащихся к ЕГЭ. Особо популярен у студентов и учителей математики и другой её труд — учебно-методическое пособие «Некоторые формы внеклассной работы по математике в 5—7 классах средней школы», содержащее авторские рекомендации и формы работы, которые позволяют сде-

вать один из самых сложных школьных предметов интересным и увлекательным для ребят.

Сегодня Г.Н. Сумина — директор института заочного обучения Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета. Здесь учатся взрослые люди, осознанно принявшие решение стать студентами. Задача директора — оптимально выстроить учебный процесс для этих людей, помочь им стать успешными студентами, а в дальнейшем, следовательно, и успешными специалистами своего дела. И это ей удается. Компетентность, взвешенное принятие решений, точный расчёт, работоспособность, доброжелательность и природная коммуникабельность, — всё это делает её менеджером образования современного типа. За особый вклад в пропаганду профессии учителя и личные достижения в области методической работы и инновационных педагогических технологий при изучении математики в 1995 году ей присвоено почётное звание «Заслуженный учитель школы РФ», а в 2008 году её заслуги в области высшего профессионального образования отмечены знаком «Почётный работник высшего профессионального образования РФ».

Возвращаясь к истории, заметим, что в сентябре того же 1958 года в структуру Комсомольского-на-Амуре педагогического института был включён естественно-географический факультет, ранее находившийся в Хабаровске. Практически с первых лет существования ЕГФ в стенах КГПИ работает доцент кафедры географии, ведущий специалист Дальневосточного региона в области картографии, Почётный профессор Международной академии авторизованного образования Екатерина Андреевна Бородина. Она — автор красочного альбома для школьников «Удивительный мир планеты», замечательного учебно-

го пособия — атласа географии и природы Хабаровского края «Люби и знай свой край» и ряда других работ. В 1995 году Е.А. Бородина признана Международным географическим центром в Кембридже Женщиной года, а в 1996 году Международная академия авторизованного образования присудила ей Академическую Звезду Мира — высший знак отличия учителя. Студенты университета удостоили Е.А. Бородину своего высшего приза «Признание», который и вручили ей в день Учителя.

Многие годы с естественно-географическим факультетом сотрудничает Академик РСХА, доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры ботаники Е.П. Киселев. Он стал основателем аспирантской подготовки выпускников КНАГПУ по сельскохозяйственной тематике. В 1999 году решением Учёного совета университета ему присвоено звание первого в истории КНАГПУ Почётного профессора университета.

Факультет гордится своими выпускниками, среди которых есть доктора наук, профессора, как, например, С. Д. Шлотгауер. Сейчас она работает в Хабаровске, в НИИ водных и экологических проблем, но по-прежнему верна факультету и ежегодно читает лекции его студентам и аспирантам. Далеко за пределами России сегодня известно имя энтомолога, доктора биологических наук, профессора В. А. Мутина. Его работы публикуются в Германии и Англии, в Японии и в Китае. Среди выпускников факультета — известный хабаровский писатель-натуралист, краевед Всеволод Сысоев, имя которого известно в Хабаровском крае каждому школьнику.

На факультете работает большой коллектив преподавателей, возглавляемый Г.М. Ремизовым, кандидатом химических наук, доцентом, Почётным работником высшего профессионального образования РФ, сменившим на

этом посту В.И. Никонова, также одного из первых выпускников ЕГФ, ветерана университета, Заслуженного работника высшей школы. Здесь чтут традиции факультета, чтут его ветеранов. В 2004 году на факультете была открыта аудитория им. профессора В.Н. Аристова, специалиста по минералогии. Кабинет этот положил начало минералогической музейной экспозиции.

В 1964 году в структуре института появился еще один факультет — дошкольной педагогики и психологии, на протяжении десятилетий остававшийся единственным на Дальнем Востоке, обеспечивающим детские дошкольные учреждения педкадрами высшей квалификации.

На момент открытия факультета здесь не было еще достаточно развитой материально-технической базы, не хватало учебников, а главное — преподавателей. Приглашали варягов из Москвы, Киева, Ленинграда. Из тех, кто остался в Комсомольске, надолго были З.А. Михайлова, Н.Г. Ильиных, Г.Н. Бавыкина. В 1965 году они и вошли в состав кафедры дошкольной педагогики, выделенной из состава кафедры общей педагогики. Деканом этого факультета несколько лет проработал В.Н. Данюков, кандидат биологических наук, доцент, ставший впоследствии ректором института. Но уже тогда было видно, что особую роль взяла здесь на себя именно Галина Николаевна Бавыкина. Связь с детскими дошкольными учреждениями не только в Комсомольске, но и по всей строящейся тогда ветке БАМа, организация научно-методических семинаров, курсов повышения квалификации воспитателей детских садов становятся основным предметом её заботы помимо лекционной работы со студентами. Уже тогда она завоевывает авторитет практических работников. А практика, в свою очередь, помогает и ей самой оп-

ределиться с направлением собственных научных интересов. После защиты кандидатской диссертации в 1977 году в ЛГПИ им. А.И. Герцена, Г.Н. Бавыкина становится деканом факультета дошкольной педагогики и психологии. Сюда за образованием теперь едут со всего Дальнего Востока — от Улан-Удэ до Камчатки. Конкурс среди абитуриентов достигает 15 человек на место.

К этому времени на факультете уже было все необходимое для подготовки высококвалифицированных кадров, защищались диссертации первыми выпускниками факультета — О.К. Васильевой, Г.Н. Авхач, М.Ю и И.Ю. Маховыми, пополнявшими педагогический состав факультета и кафедры. Г.Н. Бавыкина активно решает вопросы развития факультета, формируя новую специализированную кафедру психологии, развивает смежную с основной педагогическую специальность «логопедия». Административный дар Г.Н. Бавыкиной был замечен руководством. В 1981 году ей доверен новый пост — проректора института по учебно-воспитательной работе. Семь лет она руководит педагогическим процессом в вузе, а в 1987 году снова возвращается на факультет в качестве декана для открытия новой специальности — «социальный педагог».

С годами факультет дошкольной педагогики и психологии вырос, стал институтом педагогики и психологии. Преподавателями пяти его кафедр — в абсолютном большинстве своем — стали выпускники Г.Н. Бавыкиной, а сама она приобрела статус директора этого учебного подразделения АмГПГУ.

Сегодня она, профессор кафедры педагогики дошкольного и начального образования, возглавляет научно-исследовательскую лабораторию развития детей раннего, дошкольного и младшего школьного возраста и продолжает работу с аспирантами. Кафедру теории

и методики дошкольного и начального образования возглавляет ученица Г.Н. Бавыкиной, кандидат педагогических наук, доцент З.В. Стадник.

За многолетнюю активную и плодотворную работу по развитию дошкольного образования в Хабаровском крае Г.Н. Бавыкина неоднократно получала Благодарности Министерства образования Российской Федерации, отмечена знаком «Почётный работник высшего профессионального образования» и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени. Так люди росли вместе со своим институтом.

В 1964 году КГПИ отметил первое десятилетие своей жизни. К этому времени в его составе было уже 4 факультета, на дневном и заочном отделениях обучалось 1140 студентов, а преподавательский корпус насчитывал более ста человек.

С середины 60-х годов активизируется научная деятельность преподавателей и студентов. В 1968 году при КГПИ создается проблемная лаборатория Академии педагогических наук, которую возглавил доцент, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой физики Д.Е. Рубинштейн, появляются первые аспиранты, ведётся работа над диссертационными исследованиями. Первым аспирантом вуза стал его выпускник В.Н. Закорко, ученик профессора А.Н. Ростовцева. Коренной комсомольчанин, сын первостроителя города, сегодня он — один из наиболее опытных преподавателей университета, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики, Почётный работник высшего профессионального образования России, кавалер медали «За заслуги перед Отечеством» 2 степени. Несколько лет В.Н. Закорко возглавлял кафедру математики, потом в качестве декана руководил родным физматом. Но главное — всегда оставался преданным математике, влюблённым в

свой предмет преподавателем, увлекающим в тайны науки своих студентов.

В середине шестидесятых с увеличением набора студентов и введением новых профилей их подготовки проблема нехватки высококвалифицированных кадров встала перед вузом во всей полноте. «Из 125 преподавателей только 21 имеют учёные степени и звания. Для подготовки кадров плохо используется целевая аспирантура, за последние годы в неё направлено всего 13 человек. В институте имеет место большая текучесть кадров», — отмечалось в постановлении бюро крайкома КПСС, обсуждавшего состояние дел в КГПИ [1, л.240].

К этому времени первый ректор КГПИ А.М. Лосев был отозван с Дальнего Востока на Урал, где возглавил Оренбургский педагогический институт, а на его место Министерством просвещения назначен Анатолий Иванович Гужавин, кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны, награждённый орденом «Красной звезды» и многими боевыми медалями. В должности ректора КГПИ он пробыл три года (с 1967 по 1970 г.), сам здесь стал доцентом, но существенно изменить кадровую ситуацию в институте всё-таки не смог.

Заметно меняться она стала только в семидесятые годы. Это можно увидеть на примере одной из ведущих вузовских кафедр — кафедры педагогики.

В 1972 году заведующим кафедрой педагогики и психологии Г.Ф. Севильгаевым была защищена первая в институте диссертация на соискание учёной степени доктора педагогических наук. Профессор Севильгаев и сегодня работает в родном коллективе, а традиция, заложенная им, настойчиво поддерживается кафедрой. Впоследствии кафедрой заведовали А.А. Шумейко, Е.Н. Пехота, также ставшие докторами

педагогических наук, профессорами, доктор педагогических наук, профессор Е.М. Павлютенков, доктор педагогических наук, профессор В.В. Горшкова, доктор педагогических наук, профессор Н.Е. Седова. На этой кафедре работала и первый в институте Заслуженный учитель Российской Федерации И.А. Рублева, удостоенная Почётного знака «За выдающиеся заслуги перед коллективом университета». Кафедрой подготовлено большое количество кандидатов наук, ведущих учебный процесс в вузе сегодня.

Как отмечает В.В. Романов, такая же тенденция в семидесятые годы наметилась и на других кафедрах. «В эти годы успешно защитили диссертации выпускники института Г.М. Дзюба, ставший проректором по заочному обучению, Т.С. Колесниченко, избранная деканом филологического факультета, В.Н. Загорко, ставший деканом физико-математического факультета, В.И. Никонов, который на протяжении ряда лет возглавлял естественно-географический факультет, и др. К концу 1971 года 55 преподавателей вуза работали над кандидатскими диссертациями» [1, с. 102].

Семидесятые годы для КГПИ стали годами интенсивного развития и роста. За эти годы в институте появились новые кабинеты и лаборатории, среди которых — лаборатория вычислительных машин, класс программированного обучения, множительная лаборатория, был проведён монтаж первого в крае вузовского телецентра.

В 1977 году были открыты пятый и шестой факультеты института: индустриально-педагогический и педагогики и методики начального обучения.

Индустриально-педагогический факультет первым среди вузов Дальнего Востока стал готовить высококвалифицированных учителей общетехнических дисциплин и труда, нацеленных в условиях школы решать проблемы профес-

сиональной ориентации и трудового воспитания молодежи.

В числе преподавателей, стоявших у истоков этого факультета, были П.М. Меднис, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической физики, при которой и была первоначально организована предметная комиссия по преподаванию общетехнических дисциплин, кандидат технических наук, член этой комиссии Г.Н. Дмитрюк, старшие преподаватели Н.А. Анкудинова, М.П. Марчак и нынешний заведующий кафедрой общетехнических дисциплин Г.В. Оглоблин, доцент, кандидат педагогических наук, Заслуженный учитель России. Выпускник КГПИ, именно в семидесятые годы направленный руководством в аспирантуру при МГПИ им. В.И. Ленина и успешно защитивший диссертацию, связанную с особенностями преподавания физики, после возвращения из аспирантуры он и возглавил новый факультет. Оборудование специализированных лабораторий радио- и электротехники, металловедения, автодела, столярных и слесарных мастерских, оснащение их современным станочным парком потребовали значительных усилий от организаторов новой учительской специальности. Сложности роста были связаны и с тем, что факультету оказалось явно недостаточно тех площадей, которые в своё время им выделил физмат. Всё сложное факультетское хозяйство пришлось перемещать во второй учебный корпус — на Комсомольскую, 45 — и приспособлять типовое школьное здание к своим нуждам.

Серьёзный этап развития этого учебного подразделения связан и с именем В.П. Балова, кандидата технических наук, профессора, который организовал издание научно-методического журнала «Технология» для учителей трудового обучения школ края и содействовал

внедрению современных методов проектного обучения в образовательной области «Технология». Он же положил начало и сотрудничеству факультета в этой области с ведущими университетами Великобритании (г. Йорк, г. Шеффилда, г. Лидса).

Сегодня факультет расширил спектр профилей подготовки выпускников. На специальности «Технология» теперь обучаются и девушки, осваивая современные технологии преподавания обслуживающего труда. Осуществляется специализация по дизайну бытовых и промышленных товаров, автомобилю и его техническому обслуживанию. Факультет возглавляет Почётный работник высшего профессионального образования, кандидат педагогических наук, доцент С.Н. Веклич. При факультете в 2003 году был организован Молодежный имидж-центр «Пигмалион», совместивший в себе функции по дизайну и изготовлению одежды и студенческого театра моды. Здесь студенты занимаются любимым делом в свободное от занятий время, формируя и создавая представление об имидже современного учителя. Руководит этим центром мастер своего дела В.А. Бавыкина.

Создание факультета педагогики и методики начального образования было также требованием жизни. Учителей младших классов в крае катастрофически не хватало. Организатором факультета, его первым деканом и заведующей кафедрой педагогики и методики начального обучения стала Евгения Павловна Никишина, кандидат педагогических наук, доцент. Большая часть её жизни связана с работой на этом факультете. Отличник народного просвещения, за большой личный вклад в развитие университета в 2003 году она представлена руководством университета и к Почётному знаку «За выдающиеся заслуги перед коллективом универ-

ситета». А факультет, слившись в 2001 году с институтом дошкольной педагогики и психологии, положил основание институту педагогики и психологии.

К середине 70-х годов, когда в институте появились новые факультеты, возникла острая необходимость в расширении учебных площадей. Институту уже не хватало двух зданий (к этому времени город выделил КГПИ еще одно типовое школьное здание на ул. Комсомольской, 45). В 1976 году был введён в строй новый учебно-лабораторный корпус, специально спроектированный для института. Светлые аудитории, прекрасные спортивный зал для игровых видов и актовый зал, большая библиотека с книгохранилищем, удобная столовая — всё это было передано в распоряжение студентов и преподавателей. А незадолго до этого студенты заселились и в новое общежитие на 360 мест.

В 1972 году при общежитии был открыт медпункт, в котором имелись терапевтический, стоматологический, физиотерапевтический, процедурный кабинеты и два изолятора. Студенты получили возможность качественного и быстрого медицинского обслуживания. Для них за счёт средств краевого бюджета строился и спортивно-оздоровительный лагерь на правом берегу Амура. Для организации полевых практик студентов ЕГФ институтом был приобретён катер. И они смогли воочию убедиться в неповторимой красоте и богатстве природы Приамурья. Студенты на заботу о них отвечали ударной учёбой и трудом в период летних трудовых семестров. Об этом с гордостью вспоминает В.В. Романов, ректор КГПИ с 1970 по 1980 г.г. [4, с. 103-104].

Нельзя не признать, что все это стало возможным именно благодаря неустанной деятельности Валентина Викторовича Романова.

В.В. Романов принял руководство

институтом не в самое лучшее для учебного заведения время. За недостатки и упущения в работе в марте 1970 г. был отстранён от должности его предшественник А.И. Гужавин. И от нового ректора требовалось принятие срочных и серьёзных мер по улучшению ситуации.

В.В. Романов, выпускник истфака ХГПИ, к этому времени имевший серьёзный опыт партийной, административной и научно-педагогической работы (в 1970 году он заведовал кафедрой истории КПСС в ХаБииЖТе) и назначенный на должность ректора, оказался блестящим организатором, человеком, умеющим не только видеть, но и устанавливать деловые, партнёрские отношения с партийными и хозяйственными руководителями, с вышестоящими чиновниками в Министерстве просвещения. Ему удалось не только вывести КГПИ из кризиса, но и поднять его на новый уровень развития.

Во время его руководства активно укреплялась не только учебно-материальная база университета, прирастали новые специальности и факультеты, но и заметно улучшились жилищно-бытовые условия преподавателей и сотрудников: практически все получили благоустроенное жильё в новых домах города. Часть квартир даже была возвращена городу как невостребованная на тот момент. Сегодня это воспринимается как легенда, но В.В. Романов её творил. И это существенным образом сказалось на стабильности и качестве педагогических кадров. За свою деятельность в вузе ректор В.В. Романов был удостоен государственных наград: «Ордена Трудового Красного Знамени» и медали «За доблестный труд».

В 1980 году В.В. Романов принял руководство Хабаровским государственным педагогическим институтом (и опять-таки для осуществления кризисного управления!), но навсегда сохранил

дружеские отношения с коллективом КГПИ. Признанием заслуг В.В. Романова перед Комсомольским-на-Амуре педагогическим институтом стало вручение ему удостоверения № 1 о присвоении звания «Почётный член Учёного совета КГПИ» в 1994 году и Почётного профессора АмГПГУ в 2006 г.

Начиная с 1965 года, в составе университета появился еще один факультет — факультет общественных профессий, в 1989 году преобразованный в факультет дополнительных педагогических профессий. Именно ему на протяжении всех этих лет отводилась основная роль в организации внеучебной воспитательной работы со студентами. На этом факультете во вторую половину дня студенты осваивали фотодело, учились музыке, пению, танцам, актёрскому, лекторскому искусству. Здесь на отделении «Спортивного совершенствования» работали разнообразные спортивные секции, всегда бурно кипела студенческая жизнь. Многие годы в центре её была руководитель этого подразделения Р.Н. Смирнова, кандидат педагогических наук, прекрасный организатор студенческого творческого досуга. В 1980 году она по семейным обстоятельствам уехала в Ленинград и там возглавила такое же подразделение в РГПИ им А.И. Герцена.

В 1991 года факультет стал одним из подразделений дополнительного образования, на котором студенты в свободное от занятий на основной специальности время могли получить вторую педагогическую специальность «Организатор детского и молодежного досуга» со специализацией, соответствующей своим увлечениям: руководитель школьной (клубной) хореографической или вокальной студии, руководитель школьного драматического кружка, руководитель школьной спортивной секции и др.

Много сил, энергии и творчества

вложила в развитие этого факультета его замечательный декан — Н.А. Петрова, настоящий энтузиаст в деле организации внеучебной воспитательной работы со студентами, ныне ушедшая на заслуженный отдых. ФДПП для студентов многих поколений стал подлинным центром досуга и культуры. Творческие коллективы нашего вуза в 90-е годы стали признанными лидерами в области художественного творчества среди студентов Хабаровского края, многократными лауреатами региональных фестивалей молодёжного творчества «Студенческая весна» в Хабаровске, «Болдинская осень» во Владивостоке, призерами конкурсов КВН Дальневосточной лиги, участниками и победителями международных конкурсов вокалистов, танцоров.

Особое внимание развитию внеучебной воспитательной работы (в период с 1980 по 1987 год) уделял новый ректор института, кандидат педагогических наук, доцент Станислав Васильевич Меньшиков, сменивший на посту ректора В.В. Романова. Он не только не пропускал ни одного выступления своих творческих студенческих коллективов, но и стимулировал творчество преподавателей.

С большим успехом на собрании членов краевого Педагогического общества в Хабаровске в 1984 году прошла премьера самодеятельной рок-оперы «Профессор Фигин-в-книге и др.». Сценарий был подготовлен преподавателями кафедры литературы Н.М. Оглоблиной и Н.А. Петровой, музыкальные аранжировки — талантливым музыкантом, студентом факультета ПИМНО И. Кончухидзе, солистами выступили профессор кафедры литературы Л.З. Зельцер, ст. преподаватель кафедры методики начального образования А.Н. Батог, доцент кафедры дошкольного образования О.К. Васильева и др.

С.В. Меньшиков пришёл в вуз, уже имея опыт практической работы в образовании. В КГПИ он работал заведующим кафедрой психологии, деканом филологического факультета, проректором по научной работе. Его вклад в развитие вуза в 2003 году отмечен присвоением Почётного знака КНАГПУ «За выдающиеся заслуги перед коллективом университета» и знаком Министерства просвещения РСФСР «Отличник народного просвещения».

Важнейшим направлением деятельности ректора С.В. Меньшикова стало развитие научного потенциала института. Благодаря его усилиям многие выпускники КГПИ стали аспирантами столичных вузов и вернулись на работу сюда же в качестве кандидатов наук. В эти годы по инициативе ректора к преподаванию в КГПИ активно привлекались ведущие специалисты центральных вузов России: профессора Б.С. Шварцкопф, Б.Ю. Норман, Л.Л. Касаткин (по кафедре русского языка) Р.С. Немов (по кафедре психологии) и многие другие.

Особое внимание С.В. Меньшиков уделял развитию психологической специальности. Именно тогда кафедра педагогики, в составе которой работали и психологи, была разделена на две: кафедру общей педагогики и кафедру психологии, первым заведующим которой он и стал. С.В. Меньшиков пригласил на работу молодого кандидата психологических наук Л.В. Яссман, ученицу академика А.Р. Лурия. Впоследствии, работая в КНАГПУ, Л.В. Яссман защитила докторскую диссертацию по коррекционной психологии. По её инициативе при институте был открыт Центр коррекционной психологии для детей с отклонениями в развитии.

Дело С.В. Меньшикова по развитию психологических специальностей продолжила и профессор, кандидат психологических наук, Екатерина Васи-

льевна Опевалова. Почётный работник высшего профессионального образования, в 2008 году она награждена Почётным знаком Министерства образования и науки РФ «За развитие научно-исследовательской работы студентов» за организацию научной работы с молодым поколением учёных. Не случайно сегодня кафедры психологии АмГПГУ (а их в составе университета уже три) пополняются, в основном её учениками, успешно защищающими кандидатские диссертации. Среди них — Ю.В. Серебренникова, О.Г. Воробьева, С.В. Чебровская, Е.Н. Каткова, и др. Естественно, что и сама Е.В. Опевалова ведёт большую научную работу, постоянно участвуя в конкурсах научных проектов и стабильно выигрывая гранты отечественных и зарубежных фондов.

Сегодня кафедра психологии входит в структуру института педагогики и психологии, где традиции, созданные педагогами старшего поколения, бережно поддерживаются и развиваются молодыми учёными.

С возникновением института педагогики и психологии здесь была организована и своя кафедра педагогики. Здесь работают молодые и перспективные педагоги — кандидаты наук Е.В. Анкудинова, О.Р. Данилова, Т.В. Самодурова, заведующая этой кафедрой. Молодыми учёными ведётся большая научная работа по грантам РФНФ.

Здесь прекрасно умеют работать со студентами и в учебное, и во внеучебное время, уделяя большое внимание развитию профессионального воспитания студентов, студенческой науки, спорта. Заметную роль в жизни студентов института играют Ассоциация молодых психологов, созданная доцентом, кандидатом психологических наук С.В. Яремчук, волонтерские отряды студентов под руководством Н.В. Корниенко, ведущие активную работу по борьбе с социально-

вредными привычками в молодёжной среде, созданный в институте Совет студентов. Это и понятно, ведь возглавляет институт педагогики и психологии сегодня Н.Ю. Чулкова, доцент, кандидат наук, и, как уже традиционно сложилось для ИПиП, тоже выпускница университета по специальности «Биология и психология».

В восьмидесятые годы одной из самых сильных выпускающих кафедр КГПИ стала кафедра русского языка, которую возглавил А.М. Гильбурд, кандидат филологических наук, доцент. В эти же годы работал на кафедре прекрасный ученый-лингвист А.Б. Пеньковский, кандидат филологических наук, доцент. Они приехали по приглашению ректората института и за долгие годы работы подготовили достойную смену молодых учёных. Сегодня кафедру русского языка к новым высотам ведёт их ученица, кандидат филологических наук, доцент Наталья Николаевна Беликова.

Более двадцати лет управляла деканатом этого факультета, а позже дирекцией института филологии Елена Александровна Денисова, доцент, кандидат филологических наук, кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством». Факультет под её руководством всегда окружала особая аура духовности, интеллигентности и демократизма. Здесь впервые возникла особая форма общения преподавателей со студентами, которая получила название «Диалоги о..» На этих диалогах-встречах студентов и преподавателей каждый из студентов мог задать любой вопрос любому преподавателю, декану, зав.кафедрой. Вопросы касались и учёбы, и быта студентов, и отношения преподавателей к тем или иным явлениям культуры и литературы. Иногда вопросы могли быть и нелицеприятными для кого-то из присутствующих, но всегда на них

находились и необходимые ответы. Эта демократическая аура поддерживалась и ветеранами института филологии, любимыми и уважаемыми преподавателями — доцентом, кандидатом филологических наук А.В. Андрусенко, старшим преподавателем кафедры литературы А.Ф. Виноградовым и бывшими студентами филфака КГПИ, а сейчас — ведущими преподавателями — кандидатом филологических наук, доцентом кафедры литературы З.А. Алейниковой, старшим преподавателем кафедры русского языка, кандидатом культурологии Н.И. Рябининой. Заслуги этих преподавателей в деле подготовки учителей-словесников отмечены Почётным знаком «За выдающиеся заслуги перед коллективом университета».

Большинство специалистов института филологии, кандидаты наук, в прошлом — его выпускники. В руководстве университета тоже немало бывших филфаковцев: В.Е. Бутрим — начальник учебно-методического управления, Ю.А. Говорухина — зав. отделом дистанционного обучения, О.Н. Романова — начальник управления воспитательной и социальной работы со студентами, Н. В. Зайцева — директор института непрерывного образования. Все они кандидаты наук, доценты, успешно совмещающие административно-организационную деятельность с педагогической. Среди них — и нынешний ректор университета, доктор педагогических наук, профессор А. А. Шумейко.

На филфаке всегда царил атмосфера увлечённости родным языком, русской литературой. Долгие годы там существовала студенческая редакция газеты «Филолог», работала драматическая студия, проходили заседания литературного объединения. Среди преподавателей университета в 80—90-х годах появились первые доктора филологических наук: В.П. Лукьянова,

Л.З. Зельцер, А.Б. Копелиович. Сегодня кафедру литературы возглавляет их ученик, доктор филологических наук О.А. Бузуев. Под его руководством при кафедре создана «Лаборатория литературы и культуры Дальнего Востока и Дальневосточного зарубежья», налажено активное сотрудничество с редакцией журнала «Дальний Восток», с научным отделом и издательством Краеведческого музея им. Гродекова в Хабаровске.

А эстафету руководства института приняла Галина Романовна Романова, Почётный работник высшего профессионального образования, доктор филологических наук, профессор, прекрасный специалист по зарубежной литературе. В 2009 году состоится пятидесятый выпуск специалистов, подготовленных отделением русского языка и литературы этого института.

В 1992 году при филологическом факультете начало работать отделение иностранных языков. Куратором специальности и первой заведующей кафедрой германских языков была Галина Терентьевна Шарлаимова, кандидат филологических наук, доцент.

С 2001 года кафедрой английского и второго иностранного языка заведует Наталья Николаевна Французова, кандидат исторических наук, доцент. Много лет в строю преподавателей кафедры находится Н.Г. Гоцкин, ветеран Великой Отечественной войны, кандидат филологических наук, доцент, награждённый за многолетний труд в университете знаком «За заслуги перед коллективом университета». Большой вклад в развитие специальности «Учитель иностранного языка» внёс прекрасный знаток китайского языка А.И. Кошкин, ставший в 2003 году проректором по международным связям.

При его содействии существенно расширился спектр языковых специали-

заций: кроме европейских студенты осваивают китайский, корейский, японский языки. Преподавание их осуществляют не только российские специалисты, но и преподаватели из стран изучаемых языков. Кроме того, в институте филологии открыта специальность «Русский язык как иностранный» для студентов-иностранцев, которых с каждым годом становится всё больше.

В 1992 году был основан и исторический факультет. Но первый набор на специальность «история» состоялся при филологическом факультете уже в 1989 году. Первыми преподавателями истфака были С. Г. Новиков, доцент, кандидат исторических наук, Ю.А. Самар, доцент, кандидат философских наук, А.Д. Табацкий, доцент, кандидат исторических наук. Ветераном кафедры истории является Людмила Вячеславовна Красильникова, доцент, кандидат исторических наук, Отличник народного просвещения. За верность профессии и университету она представлена к награждению знаком «За выдающиеся заслуги перед университетом».

Руководство факультетом было поручено сначала Вере Николаевне Коваленко, доценту, кандидату экономических наук, а в 1993 году деканом стал Лев Николаевич Долгов, вскоре защитивший диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук.

К преподаванию на факультете привлекались ведущие специалисты-историки Уральского государственного университета им. М. Горького, Ленинградского государственного педагогического университета им. А.Н. Герцена. Заметный вклад в развитие специальности внесли молодые преподаватели, приглашенные из Томского государственного университета: В.А. Мауль, А.А. Азаренков, С.Б. Бахитов. Факультет стал активно участвовать в межгосударственных программах. Так, кан-

дидат исторических наук, археолог Зоя Степановна Лапшина, работы которой опубликованы в США и Японии, в 1997 году приняла участие в совместной российско-японской археологической и этнографической экспедиции по Амуру, в 1998 году работала в международном лагере археологов в Приморье. В период с 2003 по 2006 г. преподаватели кафедры истории с привлечением своих студентов организовали три экспедиции-сплава по Амуру по маршруту Ерофея Хабарова, собрав интереснейший фактический материал для оформления музейной экспозиции, а в 2005 году совершили экспедицию по местам боевой славы россиян — в г. Далянь, бывший русский Порт-Артур (КНР), где участвовали в работе по приведению в порядок захоронений российских и советских солдат и офицеров. Сегодня гильза со священной землей Порт-Артура хранится в музее университета.

Развитие гражданственности, патриотизма у воспитанников факультета стало генеральным направлением воспитательной деятельности педагогов. Среди мероприятий этого плана заметное место занял круглый стол, проведённый кафедрой со студентами разных факультетов на тему «Образ России глазами современников», проведённый в 2007 году, в канун 90-летия со дня Октябрьской революции 1917 года.

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов на факультете была введена новая специализация «Правоведение». Преподавание дисциплин различных отраслей права, помимо традиционных «Истории философии», «Этики», «Эстетики», «Логики», стали осуществлять преподаватели кафедры философии.

Одним из первых преподавателей этой кафедры был первостроитель города Комсомольска, кандидат исторических наук Ефим Васильевич Дороднов,

автор монографии «Подвиг на Амуре. Хроника героической стройки», первой книги-справочника о Комсомольске-на-Амуре и документального очерка «Мужество Комсомольска», написанного совместно с Г.Н. Хлебниковым. Сегодня эти книги хранятся в музее истории университета и, конечно же, в фондах его библиотеки.

Свой вклад в разные годы в развитие кафедры внесли доктор философии наук А.П. Ветошкин, Ю.П. Храмов, А.М. Миклин, работавший заведующим кафедрой в восьмидесятые годы. Кафедра особенно гордится своими творческими связями с доктором философских наук, Почётным профессором университета Людмилой Алексеевной Микешиной, которая заведует кафедрой философии МПГУ и помогает готовить для нашего вуза не только кандидатов, но и докторов наук. Один из них — Александр Георгиевич Никитин, сегодня первый проректор университета. На кафедре работает и известный в крае общественный деятель, кандидат философских наук А.И. Дронченко, депутат Законодательной Думы Хабаровского края, во многом благодаря которому кафедра принимает активное участие в общественной жизни вуза и города. Заведует кафедрой доктор философских наук, профессор Р.Л. Лившиц, известный многим в крае как писатель-публицист, автор полемической книги «Провинциальная демшиза».

Основными направлениями научной деятельности кафедры являются исследования проблем методологии научного познания, социальной философии, проблем воспитания студенческой молодежи. Не случайно в 2008 году при кафедре открыта подготовка студентов по двум новым специальностям — «Религиоведение» и «Организация работы с молодежью».

Примечательно, что сейчас у руко-

водства факультета стоят его первые выпускники — декан, кандидат исторических наук Г.Э. Говорухин, его заместитель, кандидат исторических наук В.В. Ким, зав. кафедрой истории, кандидат исторических наук Н.В. Шелковникова, у которых большие планы по дальнейшему развитию своего факультета.

В 1987 году после отъезда по семейным обстоятельствам из Комсомольска С.В. Меньшикова впервые в истории института состоялись демократические выборы нового ректора.

Коллектив доверил руководство вузом Виктору Николаевичу Данюкову, кандидату биологических наук, доценту. К этому времени он накопил большой опыт административной работы в институте, пройдя через руководство факультетом, учебно-воспитательным процессом в качестве проректора по УВР и научно-исследовательской работой в вузе будучи проректором по науке. «Его ректорская деятельность совпала с трудным временем идеологической перестройки общества, реформирования высшего и среднего образования, экономического кризиса, — пишет В.В. Романов. — Но В.Н. Данюкову при поддержке коллектива удалось не только выполнить план набора в КГПИ по большинству специальностей, но и активизировать работу по открытию новых: «Иностранные языки», «Биология» со специализацией «Психология», «Логопедия», «История», «Специальная психология», «Социальная педагогика», «Журналистика», «Информатика», «Культурология», «Национальная экономика», «Менеджмент организации», «Маркетинг» и др.» [4, с. 16]. Они значительно расширили возможность выбора будущего пути для абитуриентов. В 1991 году в структуру института вводится и специальный факультет довузовской подготовки, осуществляющий качественную подготовку абитуриентов к поступлению в вуз. Это

подразделение первым в институте стало осуществлять свою деятельность на коммерческой основе.

С этого времени начинается и история факультета экономики. Сначала экономические специальности стали развиваться в структуре индустриально-педагогического факультета, переименованного в соответствии с новой ситуацией в факультет технологии и дизайна. У истоков специальности стал В.В. Литовченко, в те годы ещё доцент, кандидат экономических наук, а ныне уже доктор экономических наук, профессор. Энтузиаст своего дела, тонко чувствующий возможности и потребности рынка образовательных услуг, он смог не только в короткие сроки найти необходимых для ведения учебного процесса специалистов — теоретиков и практиков, организовать специальную кафедру, но и образовать новое подразделение — факультет. Энтузиазма В.В. Литовченко хватало на многое: на организацию научной работы со студентами, на создание студенческого Бизнес-клуба. Именно тогда студенты-экономисты одержали первую крупную победу на краевом конкурсе социально-значимых проектов и получили от Комитета по делам молодежи Правительства Хабаровского края грант на его реализацию. Проект был нацелен на оказание реальной экономической помощи социально нуждающимся ветеранам труда. Кроме того, факультет стал оказывать населению дополнительные образовательные услуги. Так возникла еще одна структура в составе КГПИ — ДИБиДА: Дальневосточный институт бизнеса и делового администрирования, но её деятельность строилась совершенной на иной, новой для того времени внебюджетной основе.

Однако отсутствие опыта такой деятельности сдерживало развитие сферы предоставления институтом допол-

нительных образовательных услуг.

Изменение экономических условий работы российских вузов потребовало реорганизации экономической службы в вузе и введения должности проректора по экономической деятельности. На эту должность был назначен кандидат технических наук, доцент Л.С. Гринк-руг, много и активно содействовавший дальнейшему развитию объёмов внебюджетной деятельности института. Впоследствии он был избран на должность ректора Дальневосточной социально-гуманитарной академии в г. Биробиджане.

С 1992 года, с расширением видов и объёмов платных образовательных услуг, создается отдел внебюджетной учебной работы и открывается специальный факультет подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров (ныне — это институт непрерывного образования).

А экономический факультет продолжил свое автономное существование и развитие. Сегодня факультет возглавляет выпускница КГПИ Г.Т. Анурова, кандидат педагогических наук. Для работы на кафедре привлечены учёные-специалисты, имеющие опыт предпринимательской деятельности, организации производства — кандидаты экономических наук, депутаты городской Думы А.А. Арбузов, Э.А. Зайцев, П.В. Мазунин и др. Возглавляет её опытный организатор учебно-воспитательного процесса кандидат экономических наук, доцент В.Н. Коваленко.

Показательно, что в условиях нынешней ситуации на рынке труда, когда у выпускников нередко возникают сложности с трудоустройством, все выпускники этого факультета успешно реализуют себя. Абсолютное большинство из них начинает работать по специальности уже на 4-5 курсе на тех предприятиях, где по договорам с университетом про-

ходит их производственная практика, и к выпуску имеют опыт работы в известных фирмах. Многие продолжают трудовую деятельность там и после выпуска. Это подтверждает и состоятельность самого молодого учебного подразделения университета, и качество подготовки им специалистов.

Важным событием в жизни КГПИ стало открытие усилиями проректора по НИР А.А. Шумейко в 1993 году очной и заочной аспирантуры по семи специальностям. Теперь университет получил право готовить специалистов высшей квалификации для себя и других вузов региона дома. Наличие аспирантуры существенно повысило статус института. В эти же годы были открыты в институте и собственный редакторско-издательский отдел, и полиграфическая лаборатория, выпускающая печатную продукцию — труды учёных института. Все это способствовало активизации научной деятельности преподавателей.

В этот период осуществлялось развитие демократических принципов во всех сферах деятельности КГПИ.

Для сохранения традиций, накопленных коллективом в области внеучебной деятельности, и для дальнейшего их развития в институте создается отдел внеучебной (воспитательной) работы со студентами и вводится должность проректора по учебно-воспитательной работе. Надежда Михайловна Оглоблина, ранее заведовавшая кафедрой литературы, кандидат филологических наук, доцент, стала первым проректором, возглавившим это направление деятельности университета.

Одной из главных задач новой структуры явилось развитие в институте педагогически воспитывающей среды, разработка и создание модели воспитательной работы в вузе, её внедрение и апробация. В эти годы заметно активизировалась работа ФДПП, внед-

рялись новые формы и методы внеаудиторной работы со студентами. Большое внимание было уделено развитию форм студенческого самоуправления, точнее, со-управления процессом организации внеучебной деятельности студентов. Так возник Центр молодежных инициатив, по сути взявший на себя функции утраченной комсомольской организации, но без её идеологической зашоренности [3]. Без преувеличения можно сказать, что институт в эти годы стал центром молодежной жизни для всего города. Всё лучшее, интересное из опыта других вузов России изучалось и внедрялось в практику работы со студентами. В 1992 году был налажен выпуск студенческой многотиражной газеты «Аудитория», пользующейся популярностью и у нынешних студентов. Возродилась практика организации выездной учебы студенческого актива, на которой методом погружения осуществлялось знакомство студентов с основами и традициями института. Сформирован экспериментальный педагогический отряд вожатых «ЭкспО» с авторской программой для работы в детских оздоровительных лагерях. Разработана программа досуговых мероприятий в вузе, ориентированных на профессиональное воспитание выпускников вуза. Больших успехов добились творческие коллективы студентов на краевых, региональных и даже международных конкурсах. Куратором студентов вузов Хабаровского края стала шоу-группа «Арбат», предвосхитившая в своём жанре появление профессиональной группы «Экс Би-Би», и пять лет подряд становившаяся Лауреатом краевого фестиваля «Студенческая весна».

В 1997 году по решению Министерства общего и профессионального образования РФ и при согласии Совета ректоров вузов Хабаровского края при Комсомольском-на-Амуре государствен-

ном педагогическом институте был открыт Межвузовский центр по внеучебной работе, организовавший обмен опытом такой работы среди вузов края.

В 1999 году впервые вуз вышел с инициативой проведения регионального конкурса профессионального педагогического мастерства среди студентов педагогических специальностей вузов Дальнего Востока, который с тех пор стал традиционным. Вот уже девять лет подряд студенты из Забайкалья, Якутии, Сахалина, Приморья, Амурской области, Хабаровска и ЕАО вместе с педагогами-наставниками приезжают на этот праздник педагогических дерзаний молодых.

За большую организационную работу по воспитанию молодежи Н.М. Оглоблина в 1988 г. была представлена к награждению медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени, а в 2001 году стала Лауреатом премии Правительства Хабаровского края в области молодежной политики. В том же 2001 году институт был отмечен Дипломом Министерства образования за разработку и внедрение инновационной по своему содержанию модели воспитательной работы со студентами.

В 90-е годы развивались и укреплялись международные контакты КГПИ. Так, например, впервые были заключены договоры о творческом и научном сотрудничестве с вузами провинции Хэйлунцзян (КНР) В 1993 году прошла первая совместная научная конференция учёных-педагогов из КГПИ и Китая. Для обучения русскому языку приехали китайские студенты из Хейхейского пединститута. На кафедре английского языка приступили к занятиям со студентами профессор университета Небраска-Линкольн Р. Рифлер и профессор К. Коллз из Бриджуотер Стейт Колледж штата Массачусетс (США).

Таким образом, в сложной эконо-

мической ситуации девяностых годов теперь уже прошлого века институт не только не утратил своих позиций, но расширил свою деятельность и поднялся на качественно новый уровень развития. Успешно пройдя государственную аттестацию, в 1999 году Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический институт на основании приказа Министерства общего и профессионального образования РФ № 1672 от 16 июня получил статус университета. За вклад в развитие университета В.Н. Данюков был награждён медалью «За трудовое отличие» и Орденом Почёта.

К сожалению, приведя институт к успеху, в 2000 г. ректор В.Н. Данюков по состоянию здоровья оставил эту должность и уехал на родину, в Рязань.

В феврале 2001 года конференцией преподавателей и сотрудников ректором университета был избран Владислав Петрович Балов, кандидат технических наук, доцент, ранее работавший в университете в должностях заведующего кафедрой, декана индустриально-педагогического факультета, первого проректора. Особое внимание В.П. Балов сосредоточил на развитии научного потенциала университета. Своевременными и особенно востребованными оказались проекты и предложения по реорганизации управления научной работой в вузе, разработанные А.А. Шумейко, продолжившего после защиты докторской диссертации работу в должности проректора по науке. Результатом этого стало создание в университете научно-управления с отделами аспирантуры и редакторско-издательским, Советом молодых учёных, рядом научно-исследовательских проблемных лабораторий. Начальником управления был назначен кандидат педагогических наук, доцент В. С. Бавыкин, выпускник индустриально-педагогического факультета КГПИ.

В университете в это время были

организованы три краевые научно-исследовательские лаборатории: лаборатория «Проектные методы и технологическое образование школьников» (рук. — профессор В.П. Балов), «Новые модели дошкольного образования» (рук. — доц. З.В. Стадник), «Актуальные проблемы развития младших школьников» (рук. — доктор пед. наук Т.Е. Наливайко).

Особенно значимым событием стало открытие в 2001 году региональных Советов по защите кандидатских диссертаций по педагогическим и философским наукам. Диссертационный совет по педагогическим наукам возглавил доктор педагогических наук, профессор, действительный член МАНПО А.А. Шумейко, кавалер медали им. Ушинского «За особые заслуги в области педагогического образования», Заслуженный работник высшей школы РФ. За семь лет работы Совета здесь защищено уже более 130 кандидатских диссертаций.

Большое внимание В.П. Балов как ректор университета уделял внедрению в педагогический процесс новых педагогических технологий, направлял усилия на создание сети компьютерных залов для студентов и преподавателей. С его приходом к управлению университетом в отдельную структуру выделяется управление компьютерной техники со службой программного обеспечения и WEB-лабораторией.

В этом же году КНАГПУ включается в эксперимент по проведению Единого Государственного Экзамена и создается одна из первых в вузах края служба трудоустройства выпускников.

За последующие три года в целом значительно расширяются международные контакты университета: В 2002 году профессором Дж. Питтом (университет г. Йорк, Великобритания) были проведены семинарские занятия-тренинги по проектным методам обучения технологии, заключен договор о сотрудничестве

с университетом г. Дзямусы (КНР) и произведён первый обмен студентами, организован выезд в Китай творческих студенческих коллективов для выступлений перед китайскими сверстниками и их преподавателями, прочитаны лекции для студентов-культурологов и студентов отделения иностранных языков Генеральным консулом Японии в г. Хабаровске г-ном Юичи Кусумото. Г-н Юичи Кусумото стал третьим в истории вуза Почётным профессором университета. На торжественной церемонии ректором В.П. Баловым ему был вручен Диплом о присвоении почетного звания и мантия профессора КНАГПУ — так был отмечен его вклад в развитие российско-японских научных связей. Для координирования вопросов по развитию международных связей университета и, в первую очередь, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона вводится должность проректора по международным связям. Им стал А.П. Кошкин — специалист по восточным языкам.

Предметом особых забот ректора В.П. Балова стало и развитие физического воспитания и спорта в университете. В КНАГПУ при поддержке спонсора — Комсомольского-на-Амуре нефтезавода — оборудуется специализированный зал бокса, создаётся детская спортивная школа, в которой работают преподаватели кафедры физвоспитания, в числе которых — Заслуженный тренер России по боксу, выпускник индустриально-педагогического факультета Сергей Иванович Гондуркаев. Здесь же тренируются студенты — Мастера спорта международного класса, призёры Кубков мира, победители чемпионатов Европы и мира. Развиваются межвузовские спортивные связи. В 2003 году в университете проводился турнир студентов-боксеров вузов Дальнего Востока и первые международные матчи — встреча со сборной командой

по боксу провинции Хэйлунцзян (КНР), с командой боксеров из Австралии, которую возглавлял сам Константин Цзю. В память об этой встрече в музей университета были переданы его боксерские перчатки.

Несмотря на существующие в системе российского образования финансовые трудности, университет предпринимал меры по расширению и укреплению своей материальной базы. При поддержке депутата Законодательной Думы РФ В.И. Шпорта КНАГПУ добился целевого финансирования работ по реконструкции главного учебного корпуса, которая и была начата в начале 2005 года. Реконструкция учебных корпусов, ремонт общежитий, создание условий для комфортной работы и учёбы в университете В.П. Балов считал магистральным направлением своей деятельности.

А накануне, в октябре 2004 года, университет широко отпраздновал свое 50-летие. 14 октября открылся Музей истории университета. «Открытие его стало не просто мероприятием, с трогательным и радостным сюжетом, многие «корифеи» и «железные леди» украдкой вытирали слезы» — цитата из репортажа корреспондента ВГТРК «Комсомольск» Ю. Шпиль. Право открыть музей было предоставлено приехавшему на празднования бывшему ректору КГПИ С.В. Меньшикову и старшему преподавателю вуза Е.А. Бородиной. К празднику на кондитерской фирме «Спутник» были специально изготовлены подарочные шоколадные наборы в коробках, на которых красовалось изображение университета, их получили в подарок именинники — преподаватели университета, его ветераны, выпускники, прибывшие на торжества и студенты, приносящие славу своей альма-матер.

Юбилей стал для коллектива и его руководителя и отчётом работы и вре-

менем планирования новых. Но завершить эти планы ректору В. Балову не удалось. В мае 2005 года он погиб в автокатастрофе.

Выборы нового ректора были назначены на конец сентября этого же года. В борьбу за ректорское кресло включились сразу два проректора — А.А. Шумейко, проректор по НИР и Т.Е. Наливайко, бывшая в то время проректором по учебной работе. Оба — доктора педагогических наук, профессора, оба — выпускники этого же университета. Оба представили чёткие программы дальнейшего развития вуза, его стратегии и политики. Но в острой конкурентной борьбе убедительную победу одержал А.А. Шумейко, имевший к этому времени значительно больший опыт работы в вузе.

Эти выборы стали знаменательным событием в истории университета. Впервые у его руководства стал его же выпускник. Поскольку планы развития университета, намеченные В. Баловым, разрабатывались при участии команды проректоров, работавших с ним, А.А. Шумейко, обладая достаточным опытом проректорской деятельности и знанием ситуации в университете, смог быстро включиться в работу.

К этому времени стало совершенно ясно, что главному учебному корпусу и общежитиям необходим капитальный ремонт и реконструкция, нужно новое их оснащение, замена вышедшей из строя мебели, нужны новые спортивные залы, отвечающие современным требованиям, нужна замена компьютерного парка...

Со свойственным ему энтузиазмом, новый ректор включился в решение этих и многих других проблем.

И за три года университет существенно поменял свой облик: появился новый спортивный зал для борьбы, электронная библиотека с доступом к

фондам Российской государственной библиотеки, реконструирована столовая университета, проведён ремонт и реконструкция помещений библиотеки, завершён ремонт третьего и первого этажей главного корпуса, укомплектованы новой мебелью аудитории и служебные помещения. Учёный совет университета расположился в новом зале, оборудованном для ведения конференций новейшей аудио- и видеотехникой. Сегодня университет принимает здесь гостей самого высокого ранга. В начале лета, например, в зале прошла встреча мэров городов — промышленных центров Японии, Ю. Кореи, Китая. Любимым местом отдыха студентов в перерывах между лекциями стал фонтан, увлажняющий воздух в здании университета и украшающий его интерьер.

Такая же широко развернутая работа по реконструкции и ремонту помещений ведется и в общежитиях университета. Обновлён и оснащён новым оборудованием медпункт, открыт Интернет-зал, кафе «Университетъ» на 28 мест. поэтапно ремонтируются жилые комнаты, оснащаются новым бытовым оборудованием, обустраиваются уютные комнаты отдыха.

Сегодня А.А. Шумейко предпринимает активные усилия и для модернизации образовательного процесса, и для внедрения новейших компьютерных технологий и образовательных программ, и для подготовки научно-педагогических кадров. Так, только в 2008 году в соответствии с полученной лицензией университету предоставлено право на ведение образовательной деятельности по 13 новым образовательным программам, в том числе по программам среднего профессионального педагогического образования. За два года создано единое информационно-коммуникационное пространство вуза. Сформирована единая корпоративная телекоммуникацион-

ная сеть вуза: введён в эксплуатацию современный серверный центр; внедряются современные структурированные кабельные системы с использованием волоконно-оптических линий связи и беспроводных технологий. В 2007 году университет приобрёл опыт по проведению интернет-конференций регионального и международного значения. В университете активно развивается издательская деятельность. Только за последние годы учёными университета опубликовано 48 монографий, 74 сборника научных трудов, 370 учебников и учебных пособий, в том числе 31 — с грифом Минобрнауки России и УМО, 32 — с грифом Дальневосточного регионального учебно-методического центра (ДВ РУМЦ), 1940 научных статей, в том числе и в центральных изданиях.

В 2008 году в университете создана система менеджмента качества образовательной деятельности и получен Сертификат соответствия К № 09391, удостоверяющий, что система менеджмента качества применительно к деятельности в области образования и проведения научных исследований в вузе соответствует требованиям ГОСТ Р ИСО 9001-2001. В этом же году приказом Рособнадзора № 937819 от 30 мая открыт Совет по защите докторских диссертаций.

Сегодня университетом приняты к реализации 15 международных проектов в сфере образования. Среди зарубежных партнеров, с которыми сотрудничает университет, — университеты Ноттингема, Шеффилда, Лидса и Лавборо (Великобритания), Колледж Новой Каледонии (Канада), университеты Китайской Народной Республики, Вьетнама, Республики Корея, Японии, США. Среди почётных профессоров университета появились новые лица — профессор Харбинского педагогического университета КНР г-н Чжан Шаоцзе, профессор Йоркского университета

Великобритании г-н Дж. Питт, внёсшие значительный личный вклад в развитие университета как центра международного сотрудничества в области образования и науки. Для решения различных проблем студенческой жизни отдел внеучебной работы был преобразован в 2006 году в управление воспитательной и социальной работы, в структуру которого вошли центр досуга и культуры, музей университета, центр информации и рекламы «Аудитория», молодёжный имидж-центр «Пигмалион», спортклуб «Эстафета», отдел охраны здоровья, спорта и социальной работы со студентами.

Интенсивное развитие инфраструктуры университета способствовало его главному делу — совершенствованию профессиональной подготовки студентов. Свидетельство тому, что за два года семеро студентов университета стали Лауреатами премии приоритетного национального проекта «Образование» в поддержку талантливой молодёжи. Ими стали Е. Бычкова, Е. Шепелева, А. Шабалин, О. Вараксина, Ю. Арамисов, Р. Дранишников, Т. Талах. А среди выпускников вуза возросло число студентов, получивших заветный «красный» диплом. В 2008 году на торжественном приёме в честь отличников в присутствии родителей, членов Попечительского совета университета, администрации города и городской Думы, духовенства, других представителей общественности и СМИ им вручали эти дипломы — подлинные аттестаты качества полученного образования.

За успехи в развитии университета ректор А. Шумейко удостоен в 2008 году званий «Почётный работник высшего профессионального образования» и «Заслуженный работник науки и техники РФ».

Сегодня АмГПГУ насчитывает без малого семь тысяч студентов разных

форм обучения — очной, заочной, дистанционной. Обучение здесь ведётся по сорока специальностям и направлениям на пяти факультетах и в четырёх институтах. Среди них есть и факультет довузовской подготовки.

Студент может выбрать для себя любую необходимую ему ступень образования — получить среднее профессиональное образование, закончить бакалавриат, специалитет, магистратуру. Продолжить профессиональную подготовку при желании можно в аспирантуре и докторантуре университета. Высококачественная подготовка выпускников гарантируется квалифицированным профессорско-преподавательским составом университета. Доля лиц с учёными степенями и званиями, привлекаемых к преподаванию, составляет 60 %. В вузе работает более 250 научно-педагогических работников, в том числе 22 доктора наук, профессора, 132 кандидата наук, доцента. В профессорско-преподавательском составе университета два академика МАНПО, 58 Почётных и Заслуженных работников высшей школы, Отличников народного просвещения и Заслуженных учителей России.

В структуру университета сегодня входят четыре факультета и четыре института, 23 кафедры, 13 научно-исследовательских лабораторий, 4 научно-образовательных центра.

Кроме того, университет сегодня имеет свои представительства в других городах — в Николаевске, Амурске, Ванино, Советской Гавани и даже за рубежом — в Цзямусском университете (КНР).

АмГПГУ сегодня — признанный в Хабаровском крае лидер в области организации воспитательной работы с молодёжью и прочно сохраняющий это лидерство.

Укрепление позиций вуза за последние годы по всем направлениям де-

тельности — учебной, воспитательной, научной, международной, административно-хозяйственной — определили то место, которое он сегодня занял в системе высшего образования на Дальнем Востоке, определили и новый его статус — Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, сделали его одним из ведущих центров образования, науки и культуры на Дальнем Востоке.

2009 год станет для Амурского гуманитарно-педагогического университета юбилейным, 55-м годом жизни. За время его существования здесь подготовлено без малого 25 тысяч специалистов для разных сфер жизни города Комсомольска, Хабаровского края, для России.

В одной из студенческих песен, придуманных студентами АмГПГУ поется: «Студенчества час однажды даётся, студенчества час, он в нас остаётся как верность пути, что выбрали сами...». Мы гордимся многими своими выпускниками, сохранившими эту верность и умножающими славу родного вуза. Среди них — В.С. Данюшенков, ректор Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Почётный профессор АмГПГУ; Т.Т. Савинов, ректор Саха государственной педагогической академии, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии социальных и педагогических наук, Лауреат международной премии Сократа; С.Н. Скоринов, доктор культурологии, ректор Хабаровского государственного института искусств и культуры; А.М. Соломатин, кандидат педагогических наук, Министр образования Омской области; зам. главы г. Комсомольска-на-Амуре, кавалер медали ордена «За заслуги

перед Отечеством» Н.Г. Родионова; Заслуженные учителя РФ Т.С. Бондаренко и Л.К. Краева, работающие в школах г. Комсомольска; кавалер медалей ордена «За заслуги перед Отечеством» 1 и 2 степени, директор школы-гимназии № 45 г. Комсомольска-на-Амуре — дважды Лауреата премии приоритетного национального проекта «Образование» Н. М. Атрохи-менок, Заслуженные тренеры сборных команд России (взрослой и молодежной) по боксу С.И. Гондуркаев и А.А. Михайленко, доктор культурологии, профессор зав. кафедрой культурологи КНАГТУ Т.А. Чебанюк и многие другие, реализовавшие на практике девиз из «Гимна студентов АмГПГУ»: «Сегодня ты — студент, а завтра, может, — президент».

История ФГОУ ВПО «АмГПГУ» (в прошлом КГПИ, КНАГПУ) является славной страницей в общей летописи Хабаровского края. У коллектива университета большие творческие планы, он с оптимизмом смотрит в будущее — ежегодно в его состав вливается молодое поколение учёных-педагогов, укрепляется научный потенциал кафедр, открываются новые специальности, расширяется поле образовательной и научной деятельности. Хочется верить, что, несмотря на возникшие в последнее время идеи реконструирования системы высшего образования, «Час студенчества» в АмГПГУ наступит и для новых поколений студентов, и ещё долгие годы университет будет оставаться одним из флагманов гуманитарного образования на Дальнем Востоке России, востребованным его экономикой и культурой.

Список использованных источников

1. Государственный архив Хабаровского края. ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д.176. Л. 243.
2. Данюков, В. Н. Концептуальные основы содержания форм и организации воспитательной работы в педагогическом вузе / В. Н. Данюков, Н. М. Оглоблина, Н. А. Петрова // Вестн. междунар. акад. наук высш. шк. — 1999. — № 9. — С.111 —121.
3. КНАГПУ: люди и факты / Петрова В.В. [и др.] ; под ред. Н. М. Оглоблиной. — Комсомольск н/А, 2004. — С. 21.
4. Романов, В. В. Становление педагогического образования в Приамурье: страницы истории : в 2-х кн. / В. В. Романов. — Хабаровск, 2007. — Кн. 2.

Зизина Инесса Викторовна,
главный методист отдела
информационно-библиотечной
деятельности Хабаровского краевого
института переподготовки
и повышения квалификации
педагогических кадров

История развития образова- ния Хабаровского края продолжается...

*Статья знакомит с му-
зеем «История развития
образования Хабаровско-
го края», созданным при
Хабаровском краевом ин-
ституте переподготовки и
повышения квалификации
педагогических кадров,
где отражены пути разви-
тия образования на Даль-
нем Востоке и в Хабаро-
вском крае. Показана роль
института в системе обще-
го образования*

Основанный в далёком 1932 году прошлого столетия Хабаровский краевой институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров отмечает своё 76-летие. Третий в России после Московского и Казанского Институт повышения квалификации педагогических кадров (ИПКПК) на Дальнем Востоке (так он назывался, с 1932 по 1938 год) повышал квалификацию учительских кадров 8 регионов: Приморского, Уссурийского, Амурского, Нижнеамурского, Зейского, Биробиджанского, Сахалинского, Камчатского.

За 76 лет институтом пройден трудный, но славный путь становления, активной деятельности и превращения в системе образования Хабаровского края в центр научно-методической, научно-исследовательской и информационной поддержки учительства. В настоящее время уже 51 категория работников

образования может повысить свою квалификацию в стенах института.

Сегодня в институте свои достопримечательности, свои традиции, своя история... И одной из достопримечательностей института является его музей «История развития образования Хабаровского края». 2008 году ему исполнился 31 год. Музей создавался в 1977 году по инициативе Комитета общего образования, который возглавлял Павел Алексеевич Акимов. А создателями музея стали директор института усовершенствования учителей, заслуженный учитель школы Российской Федерации Александра Иосифовна Муратова и методисты института: Анна Павловна Комарова, отличник народного просвещения, и Александр Александрович Пестерев, педагог, ветеран Великой Отечественной войны.

Это они по крупицам собирали то, что и сегодня составляет непреходящую ценность музея. В его залах экспонируются подлинные образцы материальной и духовной культуры работников образования в разные годы, редкие фотографии и документы, отражающие становление и развитие образования на Дальнем Востоке.

Особый интерес посетителей вызывают знаки отличия и награды учителей, символы и атрибуты пионерского движения, форменная одежда учащихся, костюм учителя, ученическая парта, школьные принадлежности прошлых лет...

Музей часто сравнивают со школой: всем знакома его ориентация на педагогические функции. Но школа эта необычная, так как пришедшие в музей не только получают информацию и знания, но непроизвольно открывают для себя новое, неизвестное, то, что создано творческим гением человечества.

Музей «История развития образования Хабаровского края» за годы своего существования посетили более 125 тысяч человек. Это слушатели кур-

сов, ветераны педагогического труда, школьники, студенты, гости института и города. И неслучайно посетители музея подолгу всматриваются в лица людей, запечатлённых на многочисленных фотографиях. Учитель на уроке, учитель за проверкой тетрадей, учителя-делегаты съезда... Такие разные, не похожие друг на друга учителя разных поколений... Именно они своей просветительской деятельностью, беспредельной влюблённостью в свою профессию создавали историю образования Хабаровского края.

Возникновению и формированию школьного дела на Дальнем Востоке способствовала подвижническая деятельность русских патриотов по освоению дальневосточных земель, исследованию природных богатств и заселению их россиянами. Это Г.И. Невельской, Е.П. Дьяченко, Н.Н. Муравьев-Амурский, М. Венюков, Ф. Шмидт и др.

С 1856 года по 1909 год огромное генерал-губернаторство включало Владивосток, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, Софийск, Охотск, Петропавловск, Анадырь. Именно в Николаевске, патриархе приамурских городов, в 1855 году была открыта первая светская школа. А в 1857 году в верховьях Амура Н.Н. Муравьевым-Амурским было создано 15 казачьих станиц, где в 1862 году на станичном кругу для детей казаков в одном из казарм была открыта первая школа.

Первыми учителями стали священнослужители Добровидовы, один из которых — дьякон церкви Казанской божьей матери и священник Исаак Петрологинов.

В школах изучали словесность, грамматику с чистописанием, арифметику, чтение Библии и слово Божие.

В первом отчёте о состоянии Приморской области за 1860 год названы три учебных заведения, открытых на Нижнем Амуре: школа в с. Кизи, где свя-

щенник Петелин обучал 8 крестьянских и 2 солдатских мальчиков; школа в с. Михайловском, открытая по инициативе адмирала П.В. Казакевича на единовременно собранные по подписке 1100 рублей, в которой обучались кузнечному и плотничьему мастерству 12 туземных мальчиков (из числа местных жителей), штурманское училище в г. Николаевске-на-Амуре, готовившее кондукторов для судов. В нём было 12 воспитанников, работало 10 преподавателей, в том числе Г.И. Невельской, преподававший русскую историю.

В 1862 году в Николаевске-на-Амуре адмиралом П.В. Казакевичем было открыто Мариинское женское училище для 39 приходящих учениц из семей морских офицеров.

Открытие первой школы в г. Хабаровске состоялось осенью 1873 года. В школе обучалось 40 детей обоих полов. Осенью 1875 года в школу пригласили образованную учительницу из Читы Наталью Елизаровну Чернявскую на жалованье в 70 рублей. Меценатами и попечителями этой школы, в 1890 году преобразованной в 2-х классное женское училище, стали купцы М.И. Чардымов, И.Р. Рафаилов, А.Ф. Плюснин.

Приамурский край растёт и заселяется, ежегодно образуется много селений. Требуются новые школы, подготовка надлежащего педагогического персонала. Генерал-губернаторы барон А.Н. Корф, С.М. Духовской, Н.И. Гродеков активно продолжают деятельность по привлечению в край интеллигенции, открытию новых школ, учебных заведений.

В январе 1893 года, закрывая III Хабаровский съезд предпринимателей, А.Н. Корф говорил: «Полезными краю могут быть только умные и развитые люди, а чтобы ими быть, надо учиться и учиться с детства и до гробовой доски. Это нам, отцам, даст возможность спо-

койно сомкнуть очи и быть уверенными в будущем наших детей. Поработаем же единодушно и единомышленно, не ожидая ни славы, ни наград, мы кладём фундамент».

По переписи 1897 года в 72 министерских, церковно-приходских, войсковых школах обучалось 2,7 тысяч детей. Церковно-приходские школы в Приамурском крае начинают возникать в 30 — 40 годы, но наибольшее развитие получают во второй половине 90-х годов XIX века. В Приамурской области они стали открываться с 1895 года, и уже в 1898 году их насчитывалось 15, а школ грамоты — 30.

Причиной открытия церковно-приходских школ в Приамурском крае явилось распространение сектантства. По данным отчёта епархиального наблюдателя Антонинова за 1914—1915 годы, всего церковно-приходских школ было 165, из них двухклассных — 21, одноклассных — 118, школ грамоты — 26; по национальному составу: школ русских — 107, молдавских — 3, корейских — 29, камчадалских — 24, корякских — 2.

Основными направлениями работы школы было «воспитание в детях любви и преданности церкви православной, царю, отечеству».

Женское образование было представлено женскими гимназиями и прогимназиями Министерства народного образования и ведомства учреждений императрицы Марии (Мариинские гимназии). Объём общеобразовательных знаний был значительно ниже, чем в мужских гимназиях и реальных училищах, последний класс был педагогическим. Государство не разрешало выпускницам женских гимназий учиться в университетах и технических высших учебных заведениях. Принцип разделения среднего общего образования по половому признаку был нарушен в коммерческих училищах (1896 год), органи-

зованных по инициативе общественных организаций.

В училища могли поступать дети из различных сословий. Заметную роль в среднем образовании играли частные учебные заведения. Высокопрофессиональным коллективом учителей считалась Хабаровская женская гимназия во главе с её начальницей Наталией Никитичной Беляевой.

В 1900 году в Приамурском крае было 200 начальных школ, находящихся в ведении Министерства народного просвещения. В крае открылись Восточный институт (г. Владивосток), кадетский корпус и реальное училище (г. Хабаровск), в полтора раза увеличилось жалование учителям, что позволило в 1901 году на Дальний Восток привлечь 47 учителей с высшим образованием.

В их числе был А.М. Лукашов, прибывший в Хабаровск 4 августа 1901 года. Учитель естествознания, он стал общественным деятелем, организатором учительского общества и членом его правления. А.М. Лукашов положил начало одной из первых учительских династий в Хабаровском крае, а занятия садоводством стали второй жизнью учителя.

В г. Хабаровске в 1910 году было 17 различных учебных заведений, в которых обучалось 1588 мужчин и 1161 женщина, а всего в Приморской области, включая города Владивосток, Никольск-Уссурийск, Николаевск-на-Амуре и Уссурийское казачье войско, было в 1910 году 437 учебных заведений, в которых обучалось 26685 учащихся обоих полов (17224 мужчины и 9461 женщина).

Высшей точкой развития народного образования Приамурского края стал 1912—1913 учебный год, когда в 613 школах всех ведомств и типов обучалось 32,7 тысяч детей. Этому способствовало переселение крестьян европейской части России на Дальний Восток

и заинтересованность Приамурских генерал-губернаторов, передовой интеллигенции в развитии народного просвещения. Число учебных заведений в Приамурском крае увеличилось со 183 в 1897 году до 731 в 1913 году. Количество начальных школ быстрее росло в Южно-Уссурийском крае, особенно в Ольгинском, Иманском и Хабаровском уездах. Так, в 1912—1913 учебном году в Хабаровском уезде было 105 начальных школ.

На выставке Приамурского края 1913 года самым обширным отделом в Главном павильоне являлся учебный. Внимание привлекали фотографии сельских школ Иmano-Хабаровского уезда. Газета «Выставка Приамурского края» писала: «Знакомясь с экспонатами городских низших учебных заведений, приходится отмечать, что как в самой системе преподавания, так и в проходимых курсах замечается много нового, давшего положительный результат. В первую очередь, мы остановимся на городском Унтербергеровском училище в г. Хабаровске. Ещё недавно в подобного типа учебных заведениях всё покоилось на заучивании; в большинстве случаев совершенно бессознательно. ...вся программа сейчас проходит посредством наглядного материала. Наряду с приобретёнными учебными пособиями встречаются выполненные самими учащимися. Тоже можно сказать и о Николаевском городском училище...».

Характеризуя все низшие учебные заведения, представленные в Главном павильоне, газета делает вывод: «Наша начальная школа, находясь в процессе искания новых путей, творит новые ценности и большими шагами двигается вперёд. Много сделано; многое достигнуто. И это убеждает в том, что наша низшая и средняя школа с каждым годом растёт, применяя всё новые методы в образовании и воспитании. А в этом

— залог славного будущего».

В предвоенное пятилетие народное образование в Приамурском крае получило мощный импульс развития. Наряду с открытием новых учебных заведений и приглашением для работы учителей из центральных губерний администрация края взяла курс на подготовку местных педагогических кадров.

1914—1915 учебный год начался в Приамурском крае с крупного события в деле развития народного образования. 1 июля 1914 года было получено официальное разрешение из столицы об открытии в Хабаровске учительского института. Его директором был назначен преподаватель Томского учительского института И.Н. Сафонов. Конкурсный набор успешно прошли 19 человек.

Коренные преобразования были проведены в области народного просвещения после Великой Октябрьской революции. С 1 марта 1918 года в школах края вводились основы социалистического обучения. Вместо начальных школ и гимназий организовывается единая общеобразовательная школа, доступная всем. Устанавливается три ступени обучения: четырёхклассное начальное образование, восьми- и одиннадцатиклассное.

К 1917 году число училищ ведомства Министерства народного просвещения в крае достигло 691, а число детей, обучающихся в них, — 33990. Почти 516 частей всех крестьянских поселений края были обеспечены школами.

Ликвидация неграмотности в крае началась в конце 1922 года, когда на Дальнем Востоке была закончена гражданская война. 10 апреля 1923 года в крае была создана областная чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. С января по апрель 1923 года был объявлен ударный трёхмесячник под лозунгом «Ни одного неграмотного члена РКП(б) и РКСМ».

Были изданы 10 тысяч букварей, разрезная азбука, 5000 экземпляров книг «Первые чтения». К работе по ликвидации неграмотности широко привлекалось учительство. 7 марта 1924 года создано дальневосточное бюро общества «Долой неграмотность».

К началу 1925 года на Дальнем Востоке действовало три губернских, до полутора десятков уездных отделений и 696 первичных ячеек общества. Создаётся широкая сеть школ и пунктов по ликвидации неграмотности.

На дальневосточном краевом съезде Советов, состоявшемся в марте 1927 года, обсуждался вопрос о всеобщем начальном обучении. Съезд предложил крайисполкому принять все меры для проведения в жизнь обязательного обучения всех детей от 8 до 11 лет «в установленный срок: для основной части Дальневосточного края — к 1931—1932 учебному году, для окраин — не позднее 1933—1934 учебного года; развернуть школьное строительство».

Долгим и трудным был путь народностей Севера от патриархально-общинного строя к всеобщей грамотности. 15—20 июня 1925 года состоялся первый туземный съезд ДВО. Он сыграл исключительно важную роль в улучшении экономики, быта, культуры и просвещения коренных народов. В 1926—1927 годах сеть национальных школ на Дальнем Востоке увеличилась более чем в два раза, функционировало 43 школы, в которых обучалось 1072 ребёнка. Уровень грамотности среди коренных народов возрос до 10,5 % по сравнению с 2—3 % в 1923 году, однако в школах обучался лишь один ребенок из 100...

В 1938 году туземные школы были переименованы в национальные. Обучение стало вестись на русском языке. Затем эти школы были преобразованы в обычные русские школы с национальным контингентом. С помощью первых

русских учителей коренные народы добились определённых успехов в просвещении и образовании.

К началу 1930—1931 учебного года педтехникумы для работы в национальных школах края выпустили 350 специалистов. Столько же учителей дали общеобразовательные школы с педуклоном. Кроме этого, в районы Севера в качестве учителей выдвинутых было направлено около 200 комсомольцев и выходцев из бедноты.

Огромный вклад в дело подготовки учителей для национальных школ внёс институт народов Севера г. Ленинграда и отделение народов Севера при Хабаровском государственном педагогическом институте.

Начиная с 1935—1936 учебного года, при всех педучилищах края были организованы курсы по изучению литературных языков малочисленных народов.

Таким образом, в национальных районах Дальнего Востока к 1941 году практически была создана необходимая база для перехода на семилетний всеобщий.

Выполнение постановления о всеобщей грамотности потребовало качественной подготовки учителей, продолжения непрерывного педагогического образования.

3 ноября 1932 года в соответствии с постановлением Далькрайисполкома за № 1523 при Дальневосточном краевом отделе народного образования был образован Институт повышения квалификации педагогических кадров (ИПКПК) в Хабаровске.

Директором института был назначен Георгий Степанович Зиморой, окончивший аспирантуру Центрального научно-исследовательского института политехнического образования, коммунист с 15-летним педагогическим стажем. Штат института составлял 18 человек,

в том числе 6 методистов и один инструктор. Располагался институт в двухэтажном деревянном здании по улице Батарейной, дом 32 (ныне — улица Гамарника).

Уже в 1932 году институт должен был обучить учителей 1 и 2 ступеней, организовать курсы для дошкольных работников, заведующих избами-читальнями, провести «курсы подготовки в вузы и техникумы из числа бывших красных партизан и красногвардейцев».

В 1934—1935 годах курсовыми мероприятиями было охвачено 3133 человека. В 1937 году институт проводил курсы (экстернат) для учителей начальной школы за педтехникум, вечерние курсы (экстернат) за учительский и педагогический институты, курсы учителей народов Севера, руководящих кадров, школьных инструкторов, учителей иностранных языков. Всего за 1937 год курсами было охвачено 3957 человек, а за пять последних лет — более 15000 человек.

В 1938 году Институт повышения квалификации педагогических кадров был переименован в Институт усовершенствования учителей (ИУУ) (приказ наркома просвещения РСФСР от 28 октября 1938 года за № 1130). Теперь в структуру института входили учебная часть, отдел по работе с учителями начальной и средней школы, административно-хозяйственная часть. Институт пополнился новыми кадрами, что позволило в 1938 году провести курсы учителей за семилетку в 62 пунктах, за среднее звено — в 17 пунктах, для учителей с высшим образованием — провести курсы в городах Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске.

Новым направлением в работе ИУУ этих лет является обобщение лучшего практического опыта передовых учителей из числа орденосцев, депутатов Верховного Совета, заслуженных учи-

телей, отличников образования. Принимались во внимание такие критерии как пути и методы ликвидации второгодничества, предупреждение неуспеваемости, воспитание сознательной дисциплины, внеклассная воспитательная работа. Уже в первые годы институт приступил к изданию методических пособий для учителей.

Обязательным было участие института в работе августовских учительских совещаний. К совещаниям готовилась педагогическая выставка, обобщающая опыт работы одной из лучших школ г. Хабаровска.

Возглавлял институт в это время А.В. Швецов, окончивший Московский пединститут и аспирантуру при нём, мобилизованный ЦК ВКП(б) на работу в ДВК в качестве директора ИПКПК в 1936 году.

Архивные документы этих лет наглядно свидетельствуют о роли Хабаровского краевого института усовершенствования учителей как единственного в крае учреждения, где была сосредоточена вся работа по повышению квалификации педагогических кадров и оказанию им методической помощи. Нормативные документы тех лет требовали повысить общий уровень методической работы, сблизить её с практической деятельностью учителей.

Плодотворная деятельность института в системе народного образования Дальнего Востока в эти годы позволила повысить качество образования и создать необходимые условия для перехода на всеобщее среднее образование.

Великая Отечественная война тяжело отразилась на состоянии советской школы, серьёзно затормозила осуществление Закона о всеобщем обязательном семилетнем образовании. В суровые годы войны в крае не ослабевает внимание к народному образованию. 20 июня 1943 года Хабаровский край-

исполком принял решение открыть одноклассные начальные школы в населенных пунктах, находящихся на расстоянии более трёх километров от близлежащих школ, создать сеть интернатов при сельских школах. Крайисполком обязал КрайОНО организовать для детей горячие завтраки, обеспечить все школы учебниками, топливом.

Особой заботой в дни войны были окружены дети-сироты. Сеть детских домов, открытых в 30-е годы, в годы Великой Отечественной войны значительно расширилась. В 1944—1945 учебном году в детских домах края проживало и обучалось более тысячи детей погибших фронтовиков.

Великая Отечественная война внесла в историю развития образования Хабаровского края имена учителей, вернувшихся с войны и посвятивших свою жизнь учительскому делу, успешному выполнению задач, поставленных перед образованием в последующие годы. Это — Д.Д. Бауман, В.И. Ворожцов, И.Г. Жигин, Н.Г. Кудрявцева, Г.И. Кузьмин, П.А. Куртуков, А.Н. Майеранова, М.Т. Поликутина, Г.И. и А.В. Шемякины, М.Ф. Юркова, и другие.

В годы Великой Отечественной войны краевой институт усовершенствования учителей работает в соответствии с требованиями военного времени, сосредотачивает в своих руках всё методическое руководство работой учителей школ края, организует педагогический лекторий, пропагандирует опыт лучших учителей, издаёт ряд сборников из опыта работы. Сотрудники института бывают в командировках и оказывают помощь учителям отдалённых школ и особенно школам народов Севера. За военные годы курсы прошли около 6000 работников просвещения.

В 50—60 годы XX века перед органами народного образования и учительством поставлена задача большой государственной важности — осуществ-

ление в стране повсеместного семилетнего обучения. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы предусматривал обеспечение всеобщего обязательного обучения детей с семилетнего возраста в городе и деревне. Только за годы 4-й и 5-й пятилеток в крае было построено школ на 30270 мест.

В 1951 году в городе было осуществлено всеобщее семилетнее обязательное обучение, создана широкая сеть семилетних и средних школ, в которых обучалось 39500 детей, работало 1336 учителей. В 50—60 годы в Хабаровском крае число детей в дошкольных учреждениях увеличилось более чем в два раза — на 35920 мест, а обеспеченность населения местами в детских садах повысилась с 43 % до 75,8 %. В детских дошкольных учреждениях работало 3298 воспитателей (из них 267 человек имели высшее образование, 1821 человек — среднее специальное, 765 человек — общее среднее).

В июне 1959 года сессия краевого совета утвердила семилетний план развития народного образования в крае. Было намечено довести количество учащихся в образовательных школах края в 1965 году до 286 тысяч. В 1963 году завершён переход ко всеобщему восьмилетнему образованию. В крае работает 549 школ, в которых обучается 190458 учащихся. Растёт число учителей-новаторов. 1188 учителей края в этот период были награждены орденами и медалями.

В 50—60-е годы XX века коллектив краевого Института усовершенствования учителей решал задачи совершенствования системы повышения квалификации, была введена очно-заочная форма обучения. Институт проводит большую работу по переходу школ на новые учебные планы и программы. В этот

период начинается и целенаправленная работа с руководителями школ через годовые, двухгодичные очно-заочные курсы повышения квалификации.

Опыт работы института по организации очно-заочной системы обучения был обобщён и заслушан на Совете Центрального института усовершенствования учителей. При институте проводились курсы дальневосточной зоны директоров и воспитателей школ-интернатов, детских домов и вспомогательных школ, директоров вечерних (сменных) школ, преподавателей русского языка педучилищ.

Переход на новые учебные планы и программы потребовал дальнейшего повышения научно-педагогического, методического уровня работников просвещения. В связи с этим деятельность института была направлена на переподготовку всех педкадров для работы по новым программам и учебникам.

В центре внимания института была подготовка лекторского состава из числа лучших учителей, методистов райгорметодкабинетов, руководителей школ и методических объединений. Для этой цели к участию в работе курсов привлекались не только работники института, школ и крайоно, но и профессорско-преподавательский состав Высшей партийной школы, вузов и научно-исследовательских институтов края.

Институтом были разработаны методические рекомендации по важнейшим темам программ, по организации самообразования и методической работе, проводились зачёты, семинары-практикумы, выставки, научно-практические конференции по различным проблемам обучения и воспитания. Так, в октябре 1977 года была проведена краевая конференция по теме «Развитие народного образования в Хабаровском крае за годы Советской власти». К этой дате было приурочено открытие краевого му-

зея народного образования.

За 50-летний период деятельности института на курсах повысили квалификацию около 100 тысяч человек. Из них были переподготовлены только в период девятой, десятой пятилеток и полутора лет 11-ой пятилетки 46151 человек.

Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 06 июля 1973 года «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» институт переподготовил 97 % учителей и руководителей сельских школ.

В 70—80-е годы был осуществлён полный переход ко всеобщему среднему образованию. В крае более 97,3 % учащихся, закончивших восьмилетнюю школу, обучались в различных учебных заведениях, дающих среднее образование.

В 1976 году около 90 % юношей и девушек вошли в трудовую жизнь, имея среднее образование. В эти годы в школах края активно вводится кабинетная система обучения. К концу 80-х годов XX века все школы края имели кабинеты физики, 96 % от общего количества школ имели кабинеты химии, 83 % — кабинеты биологии, 85 % — кабинеты математики, 72 % — кабинеты истории и обществознания.

В 1982 году в г. Хабаровске было более ста школ, в которых обучалось около 65 тысяч детей, а преподавательскую работу вели более 3000 учителей. В школах города работали 75 кабинетов ручного труда, для учащихся 4—8-х классов оборудованы учебные кабинеты, около 6 тысяч учащихся 9—10-х классов получали допрофессиональную подготовку в учебных комбинатах по 60 специальностям.

В 70—80-е годы XX века в Институте усовершенствования учителей функционировали 22 предметных кабинета, работали 36 методистов, в том числе 2

заслуженных учителя школы Российской Федерации, 10 отличников народного просвещения. По итогам Всесоюзного социалистического соревнования за улучшение качества повышения квалификации педагогических кадров в 1978 году институт был награждён Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР, Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР.

С 1992 по 2002 год важнейшим результатом образовательной политики в крае явилось создание необходимых условий для реализации Закона РФ об образовании (10 июля 1992 года). Особое внимание было уделено сохранению и укреплению материально-технической базы учреждений края. Создаются условия для получения образования по выбору с учётом интересов, способностей и возможностей детей. В статусе лицеев, гимназий работают 19 общеобразовательных учреждений.

Обновление содержания образования, внедрение новых педагогических технологий предоставило учителю ответственное право на самостоятельность, инициативу, творчество. Только с 1991 по 2001 год в краевую базу данных института было внесено 80 учительских опытов, стипендиатами международной премии Сороса стали 157 педагогов.

В 1992 году Институт усовершенствования учителей реорганизован в Краевой институт переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров (ХК ИППК ПК). Это позволило институту из учреждения методического стать научно-методическим и учебным центром регионального развития образования. В институте создается первая научная кафедра — «Теория и практика развития образования». Значительно обновляется и расширяется деятельность института: он выступает органи-

затором краевых научно-практических конференций, семинаров, творческих встреч с учёными и педагогами-новаторами, профессиональных конкурсов «Учитель года» и «Школа года», принимает участие в международных конференциях.

Институт активно осуществляет редакционно-издательскую деятельность. Ежегодно выпускается около 40 наименований методической литературы тиражом до 25000 экземпляров. В их числе — комплексы по региональному компоненту, включающие учебные пособия для учащихся, программы и методические рекомендации для педагогов, работы сотрудников института, учителей школ, учёных и преподавателей вузов края.

В 1994 году ХК ИППК ПК одним из первых в России получает федеральную лицензию на право проведения образовательной деятельности. С 2002 года системой образования руководит Министерство образования Хабаровского края. В крае действует 347 муниципальных дошкольных учреждений, 484 общеобразовательных школ, 85 учреждений дополнительного образования.

Качественное общее образование школьники в соответствии со своими интересами и способностями получают в 19 гимназиях и лицеях городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. В 53 общеобразовательных школах городов и поселков края 6211 учащихся обучаются в классах с углубленным профильным изучением отдельных предметов.

Многообразие форм выявления и поддержки одарённых детей находятся в постоянном развитии. Это — создание краевых и муниципальных научных обществ на базе эколого-биологических центров и образовательных учреждений, организация олимпиадного движения школьников, которому на тот период исполнилось 42 года. В 2002 году олим-

пиады проводились по 15 предметам.

Сегодня образование края — самая важная социальная сфера, и ключевой фигурой этой сферы становится учитель. Сфера образования в крае представлена 1095 учреждениями всех уровней: дошкольного, общего, начального, среднего и высшего профессионального, в которых воспитываются и получают знания 314973 ребёнка дошкольного возраста, учащихся, студентов.

И по-прежнему в системе образования края значительную роль в повышении квалификации и профессиональной переподготовки учителя занимает ХК ИППК ПК. Институт обучает работников образования по 7 направлениям профессиональной переподготовки и 36 направлениям повышения квалификации.

Сегодня в институте работают 184 человека, в их числе — 5 докторов наук, 28 кандидатов педагогических наук, 3 заслуженных работника образования РФ, 12 отличников просвещения, 10 почётных работников системы общего образования.

За последние пять лет 36 сотрудников института прошли профессиональную переподготовку по программам «Педагогика» и «Школа педагога-исследователя», три специалиста защитили кандидатские диссертации, семь — получили звание MASTER OF EDUCATION и диплом о завершении магистратуры Манчестерского университета.

Учебную, организационно-методическую, научно-исследовательскую, информационную, редакционно-издательскую и международную деятельность ведут 6 кафедр, 4 лаборатории, 4 центра, 12 отделов и филиал в городе Комсомольске-на-Амуре.

На базе института проводятся региональные курсы, всероссийские семинары и конференции. В перспективе учебно-методическая работа (организация повышения квалификации педагогов)

будет выстраиваться по индивидуальному учебному плану (накопительная система учёта результатов повышения квалификации) и через активное использование дистанционной формы обучения.

За три года более 45 тысяч работников образования прошли повышение квалификации в различных формах, более 23 тысяч получили консультации специалистов института. Ежегодно улучшается качество и растёт количество наименований методических рекомендаций к началу учебного года, систематически издаются методические рекомендации по результатам проведения ЕГЭ (29 наименований), выпускаются методические рекомендации по актуальным вопросам обучения, организации образовательного процесса (1100), которые востребованы и в других регионах РФ.

В течение 18 лет институт является учредителем конкурсов «Школа года» и «Учитель года», вносящих большой вклад в развитие профессионализма педагогов Хабаровского края.

Важное значение имеет координационно-методическая деятельность института, направленная на взаимодействие с методическими службами различного уровня. Одним из результатов этой деятельности явилось участие всех муниципальных методических служб края во Всероссийском смотре-конкурсе «Муниципальная методическая служба — образованию России». В результате участия в конкурсе научно-информационный методический центр г. Хабаровска занял III место среди методических служб России.

История щедро открыла нам новый век, давая возможность не только осмыслить, но и извлечь положительные уроки. Система образования края пережила век просвещения, вошла в эпоху информационную.

Хабаровский край активно включился в реализацию приоритетного национального проекта «Образование». В рамках проекта 56 школ внедряют инновационные образовательные программы, 184 учителя стали победителями конкурса (2006—2007 годы), все учреждения образования имеют современное учебное компьютерное оборудование, 349 учреждений общего образования подключены к сети Интернет, в школы поставлены 2211 комплектов учебно-наглядного оборудования.

В крае формируется новая целостная

структура государственного управления образованием. Проекты, программы XXI века, несомненно, потребуют от учителя профессионального мастерства, инициативы, творчества, и в истории образования появятся новые имена педагогов, которые поднимут его на качественно новую ступень. И эти новые имена, новые страницы истории образования появятся в музее «История развития образования Хабаровского края».

История развития образования Хабаровского края продолжается...

Богодайко Ольга Викторовна,
старший преподаватель филиала
Санкт-Петербургского института
внешнеэкономических связей,
экономики и права в г. Хабаровске

Образ сагды самани в орочской мифологии

На основе анализа этнографических материалов автор делает попытку реконструировать мифологический образ большого, сильного шамана — сагды самани одного из коренных малочисленных этносов Приамурья — орочей

В переводе с ороцкого языка сагды самани — большой, сильный шаман. У орочей шаманство имело родовой характер. Обычно в каждом роду были один сильный шаман сагды и несколько слабых шаманов нити самани, которые оказывали помощь сильному во время его камланий. Простых людей, камлавших в основном только для себя, называли соггы-самани или совгене-самани [6, с. 113, 164].

Сагды самани могли быть как мужчины, так и женщины. Но примечательно то, что больше среди них было мужчин, чем женщин. Шаманы подразделялись как на добрых, так и злых. Как правило, большинство было добрых сагды самани. Злыми орочи считали шаманов других родов или народов, враждебно настроенных по отношению к их роду. В основном шаманский дар проявлялся у людей в период полового созревания. Зачастую он передавался по наследству [6, с. 105,

164; 9, с. 321; 17, с. 73; 23, с. 8].

На основе анализа этнографического материала принято в шаманском обряде инициации выделять три ритуальных комплекса или этапа: избранничество духами, посвящение, производимое более опытным шаманом, оживление бубна и других шаманских принадлежностей [19, с. 4]. По мнению С.В. Березницкого, у орочей представлены лишь два первых этапа обряда инициации шамана [6, с. 106].

Обряд шаманской инициации начинался с ритуала избрания духом-покровителем последнего умершего в роду шамана его духовным преемником. Призыв к шаманству человек получал обычно во время сновидения или в бреду. Увидев во сне духа-покровителя, молодой человек заболел. Если этот дух не оставлял его, то будущего шамана везли к сагды самани. В это время к нему приезжали и другие шаманы для того, чтобы отыскать и «вооружить» будущего шамана духами-помощниками. Молодого человека заставляли камлать несколько раз в сутки, провоцируя тем самым у него припадки, которые могли продолжаться несколько месяцев. Таким мучительно болезненным способом «выковывалась» душа сагды самани [6, с. 105, 106]. При этом необходимо заметить, что в отличие от души простого аборигена, душа шамана ханя самани проходила особый сложный и опасный путь мифологического рождения и становления.

Согласно шаманской мифологии ханя самани была создана небесным духом, культурным героем тунгусо-маньчжурских народов Амура и Сахалина Хадау. На наковальне, имеющей вид безрогого лося, он выковал из железа душу большого шамана. Ему помогал дух-помощник боочо, который раздувал меха кугу. Горном являлось мифическое существо

— железная жаба. Когда боочо надувал её мехами через задний проход, изо рта этого мифологического существа вырывалось пламя. На данном огне выковывались шаманские духи-помощники и различные ритуальные атрибуты.

После изготовления души шамана и всего необходимого для его деятельности, ханя самани поступала на воспитание к жене Хадау — Хадау мамачани. Она укладывала её в каменную люльку, подвешенную на двух железных змеях¹. Вынянчив ханя самани, Хадау мамачани превращала её в рыбу, которую выпускала в реку, берущую своё начало от той самой каменной люльки. По этой мифореке рыба — душа шамана — спускалась в озеро, где её ожидали испытания. Затем она плыла у западного берега озера, около которого её подкарауливал злой дух с острой. Если ханя самани удавалось увернуться от неё, то на своём пути она встречала железный помост, по которому взад-вперед бегала собака.

Не преодолев это препятствие, ханя самани поворачивала назад и пыталась проплыть у восточного побережья озера. У самого устья реки она встречала заездок ещё одного злого духа, который каменным топором глушил каждую попавшую к нему рыбу. Потом он нёс ханя в своё жилище, приводил её в чувство и предлагал отведать человеческого мяса. Если душа соглашалась с этим предложением, то шаман, в которого она впоследствии вселялась, превращался в демоническое существо: питался душами людей и грыз покойников. Такую душу злой дух выпускал в озеро. А не поддающуюся на его уговоры ханя он сам пытался съесть. Только ловким и сообразительным душам удавалось вырваться из плена и убежать в озеро.

Проплыв между девятью подводными камнями, рыба — ханя самани — вы-

1. По всей видимости, в той же каменной люльке Омуа, в которой вынянчила Хадау мамачани и самого Хадау.

биралась из опасного озера и попадала в реку, соединяющую его с моржовым морем. В устье этой реки её встречало последнее и самое опасное препятствие. Здесь ханя самани поджидал сам Хадау с гарпуном, ремень которого держали девять духов с остроконечными головами боочо и девять духов с круглыми головами манги. Хадау без промаха попал своим гарпуном в каждую рыбу. Если ханя оказывалась слабой, то он убивал её. Но если же душа была сильной, то она с наконечником гарпуна в спине плыла дальше, увлекая за собой всех восемнадцать духов, держащихся за ремень. Впоследствии эти духи становились ближайшими помощниками шамана.

В моржовом море ханя самани приобретала человеческий облик. Хадау предоставлял ей самоходную лодку. Душа усаживалась в середину лодки, в носу садились по одному духу-помощнику, а остальные — в кормовой её части. Духи-помощники держали ханя самани за пояс, в который превращался ремень гарпуна. На лодке душа шамана плыла вначале по моржовому, затем по китовому морю, проезжала мимо моря хозяина рыб и подплывала к берегу материка. Там и происходило её вселение в избранного человека с тем, чтобы превратить его в сагды самани [2, с. 331, 332].

После того, как действующие шаманы собрали «воинство духов» исполнялся следующий этап инициации — посвящение в шаманы. Оно начиналось с ритуала обряжения кандидата в шаманы в заранее изготовленную шаманскую одежду, на которой были представлены изображения его духов-помощников. Потом посвящаемого усаживали на пол или землю. В таком положении он находился до тех пор, пока не приходил в сильное возбуждение, свидетельствующее об изменении его сознания. Тогда им брался бубен и совершалось камлание [4, с. 337]. Но не всегда из человека, про-

шедшего ритуал посвящения, рождался шаман. Изредка всё-таки бывало, что человек с сильной волей не подчинился призыву духов [6, с. 106].

Исследуя в начале XX века нанайское шаманство, Л.Я. Штернберг высказал идею о сексуальном избранничестве шамана. По мнению его информантов в будущего шамана влюблялся некий дух противоположного пола. Как правило, это был дух-покровитель последнего умершего в роду шамана. Он являлся ему во сне, вступал с ним в половую связь, призывая стать шаманом. В случае если человек соглашался быть шаманом, то этот дух становился его духом-покровителем и предоставлял новому шаману всевозможных духов-помощников [26, с. 144]. Примечательно, что среди одного из ороческих сагды самани зафиксирована небесная жена асена, что тоже может свидетельствовать о наличии некоторых элементов сексуального избранничества у ороческих шаманов [6, с. 106].

Магическую силу шамана и его власть над духами-помощниками можно было измерить той скоростью, с которой он впадал в экстаз. Необходимо заметить: чтобы шаману достичь во время камлания экстаза, любой шаман начинал готовиться к ритуалу с вечера. Он отрешался от повседневной суеты и бытовых дел, даже лишал себя отдыха, сна, пищи, сосредотачивался и настраивался на совершение ритуала [16, с. 26].

Обычно шаман начинал своё камлание ночью. По сведениям орочей посёлков Снежный Комсомольского района и Датта Ванинского района Хабаровского края в это время запрещалось всем думать и говорить о шамане и его духах-помощниках, чтобы нечаянно не навредить ему [6, с. 111]. Для доведения себя до экстаза шаман пил морскую воду, глотал дым, как правило, горящего багульника, жевал его корень [25, с. 434]. Как известно багульник, благодаря содержащемуся

в нём летучих эфирных масел, обладает наркотическими свойствами: вызывает сонливость, воздействует на организм успокаивающе [22, с. 22].

Возникающие во время экстаза шаманские видения есть не что иное, как восхождение к глубинам бессознательно-го, к архетипичным образам и символам, рассказ о которых вызывал у участников камлания соответствующий ассоциативный символический ряд.

Иногда шамана могли одолеть простые люди. Достаточно было во время шаманского полёта выстрелить в него деревянной стрелой, а затем после его падения выжечь железом волосы на голове, вырвать перья и помазать женской менструальной кровью. От таких действий шаман мог умереть, а если выживал, то лишался способности летать [27, л. 110].

В отличие от слабого шамана только сагды самани имел право проводить обряд благодарения духов — уни, поиск души ханя больного человека — ханява или ханяла, а также совершать путешествие на лунную и солнечную земли, проводы души покойного букки в загробный мир буни. Во время тяжелого заболевания самих или близких орочи обращались за помощью к сагды самани.

Сильный шаман имел и сильного духа-покровителя со множеством духов-помощников, которые подсказывали ему правильное решение в трудных ситуациях. Могущество шамана измерялось силой его духовного воинства. Иногда сагды самани мог прибегать и к помощи злых духов. Но в этом случае шаман, добившись положительного результата, должен был обмануть, запутать или даже убить злого духа, так как он обязательно отомстил бы ему.

Вокруг каждого сагды самани складывались различные мифоистории. Как утверждали орочи, шаман не только летал на своём бубне, имел недюженную

физическую силу, но и обладал способностью достать предмет, находящийся далеко от места камлания [6, с. 141—143]. Кроме этого, некоторые шаманы во время камлания просили присутствующих стрелять в них из ружья. По рассказу внучки шамана С.М. Хутунка Л.А. Гришиной, записанному С.В. Березницким, её дед мог летать, превратившись в ворону, пронзая себя насквозь ножом и вынимать его через большое родимое пятно на спине, не испытывая при этом боли, причём на теле его не выступало ни капли крови. Орочами назывались конкретные женщины, родившие благодаря его способности похищать души детей на небесном родовом древе и вселять их в лоно матери. В борьбе за правое дело он мог убивать своим камланием злых чёрных шаманов и шаманок [6, с. 111]. Вообще сохранилась информация о том, что ороческие шаманы часто летали на Амур сражаться со злыми нанайскими шаманами, воевали и с удэгейскими шаманами. Правда зачастую орочи признавались, что их шаманы уступали в силе как нанайским, так и удэгейским шаманам [6, с. 112].

Сагды самани имели полный набор шаманских принадлежностей: многочисленные деревянные изображения духов сэвэки и культовые жертвенные сооружения и т.п. Он располагал несколькими облачениями: обычным «рабочим»; полным, надеваемым для исполнения ритуала ханява и жертвоприношений; парадным, необходимым для выполнения ритуала уни [3, л. 405].

Примечательно, что в шаманстве народов Сибири и Дальнего Востока можно выделить как звериный, так и птичий «стиль». В отечественном североведении принято считать звериный «стиль» (медведь, лось) древнее птичьего, появившегося с развитием мифопредставлений о верхнем небесном мире [20, с. 8]. По всей видимости, в ороческом ша-

манстве доминирует птичий «стиль». Однако в шаманском облачении представлен и звериный «стиль»: нередко на колотушке для бубна с тыльной её стороны вырезали изображение медведя или тигра, фигурки животных представлены на головном уборе уни айу, нижняя часть посоха оформлялась в виде лапы медведя или копыта лоси и др. [6, с. 113].

Любой шаманский костюм состоял из шаманской шапки, халата, юбки, нагрудника, наголенников и обуви. На локтях, коленях и щиколотках подвязывались пучки стружек илау. Все детали костюма, как правило, несли на себе символические изображения духов-помощников, имеющие обязательные отличия у доброго и злого шаманов.

В основном шаманская шапка была похожа на обычную [3, л. 406], а, как утверждал В.Г. Ларькин, иногда в шаманских ритуалах использовалась повседневная шапка [14, с. 102]. Роль головного убора у шамана мог играть венчик, сплетённый из стружек илау. Но специально для исполнения обряда уни изготавливался головной убор уни айу, а для обряда ханява — ханява айу [13, л. 6].

В качестве шаманского халата тэга самани могли быть использованы повседневные халаты обычного покроя. Во время проведения обряда уни шаман мог облачиться в дорогой шёлковый китайский халат. Исходя из процедуры камлания, сагды самани надевал на себя один китайский халат и несколько повседневных национальных халатов [6, с. 113]. Примером может служить парадное облачение известного ороцкого шамана С.М. Хутунка. Во время исполнения им обряда уни оно состояло из ярко-розового, богато орнаментированного атласного халата с пришитыми к рукавам перьями орла. На кожаных ремнях в виде змеи, перекинутых через шею, висели два нагрудника. Один из них имел сердцевинную форму с деревянными сэвэки

духа манги слева и духа боочо справа. Нагрудник защищал сагды самани от злых духов. Дыхание змеи, нарисованной на другом нагруднике круглой формы, должно было содействовать выздоровлению больных [1, с. 55, 56].

Во время совершения обрядов ханява и уни сагды самани повязывал одним концом на поясицу длинный до 20 метров ремень-повод суна. Этот конец в ороцком языке имел название катэ, был раздвоен и напоминал собой двух извивающихся при движении змей [13, л. 6, 7]. Во время камлания за суна удерживали сагды самани, совершавшего ритуалы камлания и, как полагали ороочи, помогали ему вернуться из своего сакрального путешествия целым и невредимым [6, с. 115].

Нарукавники накопта, на которых обычно рисовали, вышивали или нашивали изображения змей, символизирующих духов-помощников, были призваны защитить сагды самани во время игры на бубне унту. По мнению аборигенов, благодаря символике нарукавников руки шамана становились ловкими, юркими, как змеи [6, с. 115].

Шаманские юбки хосе различались по половому признаку. Мужскую юбку шили из шкуры нерпы и обшивали подол полосками цветной материи, а женскую хосе — из лосиной замши, украшали её подол изображениями рыб, ящериц и змей из рыбьей кожи, оторачивали двумя полосками красной и чёрной материи с мехом выдры [6, с. 115, 116; 13, л. 3, 4].

Атрибутом костюма шамана являлся и широкий пояс сиса, изготавливаемый из лосиной кожи. Его завязывали спереди, а сзади подвешивали на него свёрнутые из куса железа конусы — «колокольчики» и другие металлические предметы. Их звон, по словам шаманов, должен был отпугивать злых духов и призывать добрых духов-помощников. Кроме этого, на поясе размещали брон-

зовое зеркало толи, служащее шаману щитом от стрел злых духов и источником света во время путешествия в мир мёртвых бун [6, с. 116]. Ряд исследователей считает использование в шаманском костюме толи маньчжурским заимствованием [3, л. 309].

На шаманских наголенниках в отличие от обычных, были изображены летучая мышь холекдоки, дождевой червь и змея [14, с. 102]. В советское время иногда сагды самани вместо наголенников надевали разноцветные матерчатые чулки [6, с. 116]. А шаманская обувь унта самани отличалась от повседневной тем, что на ней также размещались изображения духов-помощников: змей, лягушек, ящериц и рыб [14, с. 102].

Бывали случаи, когда сагды самани для устрашения злых духов раскрашивали своё лицо сажей якта. Примечательно, что соседние с ними удэгейские шаманы делали с этой целью берестяные или деревянные маски хамбаба [6, с. 116]. Кроме этого, на груди рисовалась голова, похожая на человеческую, на туловище — лягушка и птица, на рёбрах — две змеи, по одной с каждого бока, головой вниз. Ещё одну змею проводили по талии, наподобие пояса [5, л. 94]. Изготовление татуировок у ороческих шаманов не было выявлено.

Для исполнения обряда камлания сагды самани использовал различные шаманские атрибуты: бубны унту, которых у него было около трёх, хранившиеся в специальных берестяных футлярах, колотушку для бубна гису, различные посохи, копьё гедя и пальма лауича — охотничий нож на длинной деревянной рукоятке, часто используемый в качестве рогатины, крюк на длинной рукоятке с изображением духа боочо, используемого для ловли душ во время обряда ханява [13, л. 5—7], гадальный камень хангоуки, изготовленные из металла или дерева изображения духов-помощников

сэвэки самани, берестяной коврик хыйся [13, л. 7] или кумалан — коврик, сшитый из шкур животных, и другие принадлежности шаманского культа.

Когда шаман становился сагды самани, он строил для исполнения различных ритуалов культовое сооружение, состоящее из нескольких деревянных столбов ту, так называемых «шаманских деревьев», на которых вырезались или рисовались изображения духов-помощников [6, с. 120—124; 11, с. 36; 12, л. 71, 72, 74, 75, 78; 28, с. 233]. В течение жизни шаман мог несколько раз обновлять своё сооружение. Обычно это происходило во время его переезда на новое место жительства. При жизни сагды самани никто из простых людей не только не имел право срубить его столбы, но и прикасаться к ним [8, л. 1].

В известном труде Л.Я. Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны» даётся описание типичного для орочей шаманского ритуального комплекса, «кумирни», как его называл автор. По словам Л.Я. Штернберга, на пригорке в чаще тайги устанавливались четыре священных дерева: два побольше по краям и два маленьких посередине. Большие деревья по-орочски назывались ту, а маленькие — тукка, признаваемые за их детей. На каждом из этих деревьев были вырезаны антропоморфные изображения, которые, по предположению Л.Я. Штернберга, символизировали шаманских духов-помощников. Перед данными изображениями была установлена подставка из расщеплённой в верхней части палки, на которой находились угли. Поверх них курился «фимиам багульника» [25, с. 433, 434]. Ещё одной разновидностью культовых сооружений являлись столбы ту — деревья, установленные корнями вверх возле шаманских жилищ. Как известно, одно из таких деревьев было доставлено с побережья Татарского пролива в Музей Академии

наук и зарегистрировано под № 2331—1 [24, с. 737].

У сагды самани были духи-покровители. У сильных добрых шаманов таким духом-покровителем могли быть верховные божества Эндури или его жена Эндури мамача [6, с. 124]. Нередко у сагды самани в качестве духов-покровителей выступали и другие многоликие и все-сильные сверхъестественные существа. Так, духом-покровителем шамана Купсы Акунки являлся некий дух-хозяин покинутых селений, пустырей Сюсю аджя [6, с. 124].

Сила каждого сагды самани измерялась количеством и мощностью его духов-помощников. Принято считать, что у добрых и злых шаманов были и разные духи-помощники. Обычно злему шаману служили хищники: соболь, хорёк, горностаи и др. [1, с. 51]. Добрый сагды самани обладал большим арсеналом духов-помощников. Обладая большой магической силой, шаман мог прибегать и к помощи злых духов. Так, для совершения обряда ханява шаман Купса Акунка призывал целое воинство духов-помощников в количестве 42 наименований [6, с. 125, 126; 13, л. 26—31]. Только сильным шаманам служили помощниками тигр дуся и медведь мапа [6, с. 126]. Особую роль в шаманской деятельности выполняли духи бусиву, которые не отличали добра от зла. Их вмешательством в исполнение ритуала шаман оправдывал неудачный исход своего камлания [6, с. 126; 13, л. 31].

Шаман, где бы он ни находился, обязан был всегда прийти на помощь нуждающимся в нём сородичам. По просьбе сородичей сагды самани проводил разного назначения камлания, например, промысловые, лечебные (врачевательные), обряды проводов души покойного в загробный мир буни — тово совигиви, обряды благодарения духа-покровителя и духов-помощников — уни. В случае не-

преодолимых трудностей охотники и рыболовы обращались к шаману с целью обеспечения им удачи на промыслах. Он отыскивал заблудившегося, мог рассказать о том, что произошло с пропавшим без вести человеком в тайге или на море. Сагды самани даже обладал способностью изменять погоду: успокоить вьюгу или вызвать дождь, снегопад и многое другое.

Орочские шаманы славились своими врачевательными способностями. По представлению аборигенов, причина любого заболевания — похищение злыми духами ханя человека и вселение в его тело. Во время лечебного камлания сагды самани вступал в контакт со своими духами-помощниками, в сложных случаях — с духом-покровителем. Прежде всего, они должны были выяснить, какой злой дух вселился в больного, а потом помочь ему изгнать его.

По сведениям Л.Я. Штернберга, шаман в основном выяснял причину заболевания во время сновидения. Он предлагал больному или его родственникам прийти за ответом утром. Во сне сагды самани являлись его дух-покровитель и духи-помощники и указывали причину заболевания и средства его исцеления. Так, если во сне он видел зелёную или иной масти собаку, то на утро советовал для излечения больного принести духам-хозяевам в жертву указанной масти собаку. Если ему приснились птица или другие мифические существа в виде морских, таёжных и подземных чудовищ, то предлагалось изготовить изображение этих существ. Так, по мнению Л.Я. Штернберга, и появились ритуальные изображения сэвэки [25, с. 434] — плод шаманского мифотворчества, восходящее к архетипам бессознательного.

Иногда с целью выявления причины заболевания сагды самани совершал ритуал гадания на камне хангоуки, говоря при этом специальную молитву [6, с. 128,

129]. Лечебное камлание, а точнее шаманский обряд изгнания злого духа из тела больного и вселение в него здоровой души, происходило с обязательным произношением молитв. Всегда сагды самани просил у присутствующих родственников преподнести угощение для своих духов-помощников для того, чтобы отблагодарить и поддержать их силы в борьбе с коварными демоническими сущностями.

Во врачевании принимали участие и родственники больного: они грели у очага бубен, натирали тело шамана и его одежду багульником, набивали трубку табаком, преподносили ему воду, а также выполняли некоторые поручения шамана и во время камлания. Злого духа, извлечённого из тела человека, сагды самани помещал в предварительно изготовленную им или по его указанию фигурку пуданку, которую разрывали на части или сжигали, уничтожая, тем самым, болезнетворного духа. Если выздоровление не наступало, то изготавливалась новая пуданку, а камлания возобновлялись.

Шаману запрещалось лечить самого себя, потому что дух-покровитель и духи-помощники могли его наказать. Он был вынужден обращаться за помощью к другим сагды самани. Тем не менее, для оберега себя от злых духов, способных вызвать различные заболевания, шаманы использовали охранительные амулеты [12, л. 80].

Занимаясь лечением больного, сагды самани проводил одно из самых больших камланий — обряд ханява или ханяла. В поисках украденной злыми духами души человека шаман совершал чудесные превращения в рыбу, нерпу, кита, лодку, сивуча и других зооликих существ. Ему оказывали своё содействие духи-помощники. Отыскав душу, сагды самани совершал ритуальное действие, называемое орочами ханя джалари — захва-

та души магическим крючком. Поймав душу, шаман проглатывал её, а затем вдвухвал в тело больного, возвращая ему здоровье. Шаманский ритуал вдвухвания, возвращения души больному назывался орочами ханя буги [6, с. 131, 132].

Одной из главных сакральных обязанностей сагды самани являлось исполнение погребального обряда проводов души покойного букки в мир мёртвых буни. При осуществлении этого обряда одна из ханя шамана сопровождала душу умершего, вторая — камлала, третья — отпугивала злых духов и т.д. [6, с. 132]. На пути в буни и обратно шаман преодолевал большие сложности. Но, как правило, это пространственно-временное путешествие заканчивалось успешно. Букки усопших находило своё пристанище в подземном мире предков, а сагды самани или его ханя возвращались обратно — в мир живых.

Раз в два-три года, обычно весной или летом, реже — зимой или осенью, сагды самани проводил масштабную мистерию с привлечением большого количества сородичей — обряд благодарения духов-помощников и духа-покровителя — уни. Это камлание осмысливалось им как свой день рождения и становилось всеобщим родовым праздником [6, с. 132, 133; 7, л. 48; 18, л. 14, 15]. Цель обряда уни — поблагодарить своё духовное воинство: духа-покровителя и духов-помощников за совершённые благородные деяния и, тем самым, произвести обновление и укрепление своих магических сил, очищение домов и стойбищ сородичей от различной нечисти, демонстрацию своих шаманских способностей.

Кроме уже описанных выше случаев обращения орочей к шаманам, необходимо ещё отметить случаи, когда их просили провести ритуал очищения женщины после родов, предсказать будущее, разыскать потерянное или украденное². Примечательно, что к шаманам нередко

обращалось в поиске пропавших вещей даже русское население, признавая, тем самым их авторитет в этом магическом действии [4, с. 337]. Необходимо учитывать, что не со всеми просьбами можно было обращаться к шаманам. Орочи опасались обращаться к ним с просьбой любовного приворота. Считалось, что духи отомстят за это как просящему, так и самому шаману.

Шаман не имел большого достатка от своей магической деятельности. Считалось, что его можно было благодарить только тем, чем он мог поделиться со своим духом-покровителем или духами-помощниками. У орочей принято было после камлания скромно угостить шамана и его духов. В особых случаях при успешном излечении тяжело больного шамана одаривали собакой или халатом, но в любом случае обязательным подарком являлся ремень [27, л. 109]. За жадность и приём дорогостоящих подарков верховное божество орочей Эндური могло покарать шамана смертью³.

В обычной жизни шаман ничем не отличался от простых людей. Он вёл своё хозяйство, ходил на промыслы и тем самым кормился. Камланиями он не зарабатывал себе на жизнь. В роду среди своих сородичей и даже среди соседей шаманы пользовались непререкаемым авторитетом. Они часто играли роль судей при разрешении возникших споров. Шаман был хранителем вековых народных традиций, а шаманство — основой этнической духовности, фундаментом религиозных представлений аборигенов. Но шаманская деятельность у орочей была ограничена родовым культом.

Шаман не имел права вмешиваться в проведение медвежьего праздника, ритуалов близнечного культа и ряда других обрядов [6, с. 13]. Вероятно, это можно объяснить сравнительно поздним возникновением самого феномена шаманства у аборигенов Амура и Сахалина, в том числе и у орочей.

Дважды в истории предпринимались попытки искоренения шаманства. С середины XIX века с шаманством боролись православные миссионеры, обращая орочей в христианскую веру. Почти все орочи были крещены и получили русские имена [10; 21]. Даже среди орочей распространилась традиция ношения крестиков, которые они по традиции называли сэвэки. Однако в целом православие не стало главенствующей духовной силой [6, с. 137, 138; 15, с. 58]. Больше влияние в это время имело на души людей традиционное шаманство. Шаманы оставались у орочей влиятельными людьми.

С середины 30-х годов XX века войну шаманству аборигенов Нижнего Амура и Сахалина объявила атеистическая идеология советского государства. Начались репрессии, физическое уничтожение шаманов. Существующая система образования и культурно-просветительская деятельность подвергла остракизму шаманство как пережиток религии — опиума для народа. В эти годы была прервана вековая шаманская традиция. Шаманство исчезло. Сохранились как реликты прошлого лишь его элементы в виде проведения элементарных камланий, изготовления и применения для лечебных целей амулетов и другие.

2. При этом необходимо заметить, что воровство в среде аборигенов было редчайшим случаем.

3. Известно, что нанайских шаманов сородичи одаривали тем, что нашивали на рукава их костюмов кусочки цветной материи [20, с. 51]. Это было некой презентацией его заслуг перед ними.

Список использованных источников

1. Аврорин, В.А. Ороческие тексты и словарь / В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. — Л., 1978. — 263 с.
2. Аврорин, В.А. Представления орочей о Вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте» / В.А. Аврорин, И.И. Козьминский // Сб. МАЭ. — М.; Л., 1949. Т. 11. — С. 322—331.
3. Арсеньев, В.К. Путевой дневник № 2. Юбилейная экспедиция 1908 — 1909 гг. в память присоединения Приамурского края к России в 1860 г. / В.К. Арсеньев // Архив ПЦРГО—ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. № 11. — Л. 30, 48, 50, 58, 405, 570.
4. Арсеньев, В.К. Шаманство у сибирских народов и их анимистические воззрения на природу / В.К. Арсеньев // Вестник Азии. [Харбин]. — 1916. Кн. 2—3. — № 38—39. — С. 335—340.
5. Березницкий, С.В. Этнографические исследования социально-экономических и культурных условий жизни народов Дальнего Востока (удэгейцев, орочей) 1988—1989 гг. / С.В. Березницкий // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 352. — 167 л.
6. Березницкий, С.В. Мифология и верования орочей / С.В. Березницкий. 1999.
7. Васильев, Б.А. Орочи. Народы мира / Б.А. Васильев // Архив МАЭ РАН. Ф. К—V. Оп. 1. № 13. — 53 л.
8. Гарифов, С. Письмо Б.А. Куфтина из бухты Коппи Совгаванского района Хабаровского округа о посылаемом шаманском столбе 29 октября 1928 г. / С. Гарифов // Архив МАЭ РАН. — Ф. 12. — Оп. 1. — № 121. — 1 л.
9. Голубцов, И. Религия, обряды и нравы племен, живущих по западному берегу Татарского пролива, по низовью реки Амур и частью по западному берегу Охотского моря / И. Голубцов // Домашняя беседа для народного чтения. Вып. 34. — СПб., 1859. — С. 319—325.
10. Замечательное по своим трудам путешествие миссионера [А. Протождьяконова] в глубь приамурских стран // Миссионер, 1874. Август. — № 30.
11. Долотов, А. Шаманская вера / А. Долотов. — М., 1930. — 58 с.
12. Куфтин Б.А. О шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива. 1927 г. / Б.А. Куфтин // Архив МАЭ РАН. — Ф. 12. — Оп. 1. — № 48. — 84 л.
13. Куфтин Б.А. О шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива. 1927 г. / Б.А. Куфтин // Архив МАЭ РАН. — Ф. 12. — Оп. 1. — № 49. — 45 л.
14. Ларькин, В.Г. Орочи. (Историко-этнографический очерк с середины XIX до наших дней) / В.Г. Ларькин. — М., 1964. — 174 с.
15. Леонтович, С. Природа и население бассейна р. Тумнин (Приморской области) / С. Леонтович // Землеведение. 1897. — Кн. 3—4. М., 1898. — С. 1—74.
16. Маргаритов В.П. Об орочах Императорской Гавани / В.П. Маргаритов. — СПб., 1888. — 56 с.
17. Михайловский, В.М. Шаманство (Сравнительно-этнографические очерки). Вып. 1 / В.М. Михайловский // Известия ИОЛЕАЭ. — Т. 75 / Тр. этнографического отдела. — Т. 12. — М., 1892. — 115 с.
18. Никифоровская А. Доклад врача отряда № 19 А. Никифоровской о работе в ороческом районе ДВК / А. Никифоровская // ЦГАОР. — Ф. 3977. — Оп. 1. — № 804. — 30 л.
19. Новик, Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур / Е.С. Новик. — М., 1984. — 301 с.
20. Прокофьева, Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири / Е.Д. Прокофьева // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. (Сб. МАЭ. 1971. — Т. 27. — С. 5—100.
21. [Протождьяконов, А.] Миссионерская поездка Начальника Камчатской духовной миссии к орочам, обитающим в пределах Императорской Гавани, в конце 1895 — начале 1896 г. / [А. Протождьяконов] // КЕВ. 1896. — № 20—21; 1897. — № 1—5, 7—8, 10, 13.
22. Фруентов, Н.К. Лекарственные растения Дальнего Востока / Н.К. Фруентов. — Хабаровск, 1972. — 132 с.
23. Шимкевич, П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов / П.П. Шимкевич; ПО ИРГО. Т. 1. Вып. 2. — Хабаровск, 1896. — 133 с.
24. Штернберг, Л.Я. Культ орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору) / Я.Л. Штернберг // Сб. МАЭ. — Л., 1925. — Т. 5. — С. 717—740.
25. Штернберг, Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л.Я. Штернберг. — Хабаровск, 1933. — 740 с.
26. Штернберг, Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии / Я.Л. Штернберг. — Л., 1936. — 571 с.
27. Штернберг, Л.Я. Материалы по этнографии орочей. Записки на карточках, отдельных листах и записных книжках / Л.Я. Штернберг // ПФА РАН. — Ф. 282. — Оп. 1. — № 85. — 385 + 5 л.
28. Эдельштейн, Я. Северный и Средний Сихотэ-Алинь / Я. Эдельштейн // Известия ИРГО. — СПб., 1905. — С. 204, 233.

Диалог культур и этносов

Гонтмахер Петр Яковлевич,
профессор кафедры литературы и
культурологии Дальневосточного
государственного гуманитарного
университета (г. Хабаровск), доктор
исторических наук

Соломонова Наталья Алексеевна,
доктор искусствоведения, кандидат
исторических наук, профессор
Филимонов Алексей Геннадьевич,
кандидат исторических наук

Дальневосточные этносы: от знака — к символу

Говоря предельно простым языком, под «знаками» и «символами» имеются в виду любые реальные или воображаемые объекты, которые поставлены в условную связь с определёнными идеями и представлениями, то есть обозначают нечто, чем они сами не являются.

Любая культура строится на основе знаково-символической почвы. По своей природе символика амурских этносов ближе к физической реальности. Их символизм более органично вплетён в природу. Миф коренные народы Нижнего Приамурья и острова Сахалина осваивают в действии, в ритуале. Вероятно, поэтому и ритуал у них так устойчив и каноничен. У нивхов, ульчей, нанайцев всё несёт культурную информацию: и мифы, и легенды, и предания, и танцы, и песни, и праздники, и игры. Эта культурная информация и есть суть — символы. Следует иметь в виду, что особенности этих символов могут быть понятны только

Авторы анализируют знаковые системы в архаических культурах Приамурья

людям, которые хорошо знают их природу. Семантизация тех или иных элементов музыкального языка, орнаментальных знаков, языка танцев, праздника и прочих при всей своей устойчивости и даже в отдельных случаях каноничности, все же в определённом смысле не по содержательному, а скорее по внешнему рисунку, подвержена изменению.

Основной, базовой знаковой системой всякой культуры является язык. Любое описание реальности неизбежно связано с попыткой преодолеть бесконечное многообразие внешней среды. Превращая реальность природы в реалии культуры, то есть в семиотические модели, язык выполняет функцию организации приходящих извне впечатлений.

При этом язык неизменно будет отражать не только физическую реальность, но также традиционные ценности и представления, что делает его важным источником по изучению культуры всякого народа и коренных этносов Дальнего Востока в частности. Правда в силу того, что многие из традиционных ценностей не востребованы в современных условиях, сегодня коренные этносы редко склонны обращаться к связанным с ними понятиям. На Нижнем Амуре лишь немногие молодые носители этнической культуры владеют родным языком. Правда иногда они используют из него отдельные слова, вплетая их в русскую речь. Молодые люди вполне искренне считают, что свой язык надо знать, однако на практике дело редко идёт дальше подобных пожеланий.

Вероятно, самым существенным фрагментом национального языка, следы которого ещё можно наблюдать ныне, является система национальных имён. В недалеком прошлом антропонимическая модель у коренных этносов Дальнего Востока была преимущественно двучленной. Она состояла из личного (индивидуального) имени и названия рода. Личное имя предназначалось для называния одного человека и выполняло различительную функцию. Од-

нако имя не только разделяет, но и вводит в социальный ряд. По названию рода легко устанавливалась степень родства, а в зависимости от этого — и обязанности людей друг перед другом. Таким образом, личное имя было одновременно символом индивидуальности и растворённости в коллективе. Оно выделяло и обобщало.

Ещё в первые десятилетия XX века у коренных этносов Приамурья преобладали имена из слов их родного языка. В редких случаях (в связи с крещением) некоторые коренные приамурцы получали русские имена, которые в быту, однако, были малоупотребительны.

Как правило, имена образовывались за счёт добавления специальных частиц к словам обычного языка. Наиболее продуктивно образование от глагольных основ. Например, у нивхов — мужские имена: Хыз-гун («хыз-дъ» — «копать»), Пыыз-гун («пыыз-дъ» — «бросить»), Вин-гун («вин-дъ» — «жалеть»), Вет-кан («ве-та-дъ» — «одеваться»), Ва-дун («ва-дъ» — «драться»), Фи-рун («фи-дъ» — «сверлить»), Чнор-кин («чнор-дъ» — «быть худощавым»), Ум-лин («ум-дъ» — «быть сердитым, злым»), Паар-ин («паар-дъ» — «быть красным», о масти), Ов-рин («йов-дъ» — «починять»), Отайн («отай-дъ» — «быть тесным», о помещении), Ххори-н («ххори-дъ» — «наклонить»); женские имена — Легук («ледь» — «растянуться»), Пор-гук («пор-дъ» — «лежать»), Чан"-гун («чан"-дъ» — «быть белым»); Затук («зату-д» — «осчастливить», вс. д.), Эзро-к («эзро-дъ» — «взбираться»), Рымзу-к («рымзу-дъ» — «уронить»), Ккъов-зик («ххов-дъ» — «свернуть»), Тъа-дик («тъа-дъ» — «дышать»).

В некоторых случаях антропонимы выступают в виде чистой глагольной основы. Мужские имена — Тыхт («тыхт-ть» — «шалить»), Йыкс («йыкз-дъ» — «зацепляться за что-то»); женские — Тек («текте-дъ» — «хромать»), Выкзт («выкзд» — «бросить», вс. д.).

Так же имя могло быть образовано от

существительного, реже — от других частей речи — числительных, прилагательных. Возможно и соединение в имени двух корней, чаще всего из объектного сочетания (существительное + глагол). В некоторых случаях, однако, оба компонента являются глагольными основами. Так, у нивхов мужские имена — Мрадамн («мра» — «вина» + «тамдь» — «быть многочисленным»), Итызан («иты» — «подбородок» + «за-ць» — «бить»), Чхуеайн («чхув» — «кулак» + «йайд» — «сжать», вс. д.), Зодккаврн («зод» — «обращать внимание» + «ккаврд» — отрицательный глагол, вс. д.); женские — Пъалбик («пъал» — «пол» + «пъидь фидь» — «быть»), Пъамзик («пъ» — «себя» + «намздь» — «опережать»), Выугъыл («выуд» — «плакать» + «кылд» — «быть долгим»), буквально: «долгоплачущая».

Свое имя человек обычно носил всю жизнь. Однако в семье, в которой часто умирали дети, ребёнку, дожившему до пяти лет, меняли имя. Сахалинские нивхи предпочитали давать имя ребёнку после того, как хорошо заживёт пупок, следовательно, ребёнок несколько дней был без имени. В некоторых родах был распространён обычай давать кроме настоящего имени «шуточное». Именно последнее употреблялось в повседневном общении, а настоящее имя могло оставаться неизвестным для многих сородичей.

Все мотивированные имена составляют две большие группы:

I. Имена, которые содержат прямую характеристику лиц или явлений. Антропонимы этой группы, в свою очередь, распадаются на несколько подгрупп в зависимости от мотива выбора имени.

1) Имена, указывающие на особенности протекания родов или попутные события или явления. Мужские: Х:ерайн от «хе:райд» — «не повезти, не посчастливиться» (вс. д.) (отец, в это время на охоте ничего не добыл). Женские: Пъамзик (буквально, «себя опережающая») роды были очень быстрые; Тегълкот тегъд — «биться в судорогах» (вс.

д.) (роды длительные и трудные); Паник (от русского слова «баня»: «роды происходили в бане»); именем Мыйгук нарекли девочку оттого, что при её рождении случайно обрушились нары.

2) Имена, характеризующие самого ребёнка. Мужские: Пулкун от пулкуд — быть круглым (у ребёнка оказались большие круглые глаза, что в целом не характерно для нивхов); Къелык от «къелыдь» — «быть худым»; Потъ от «потъурнд» — «быть красивым»; Муфчик от «муфч» — «коротышка»; Нъауйгант от «всхлипывать». Женские: Чанъгукт от «чайъдъ» — «быть белой»; Тодикт от «тодь» — «быть полным»; Выугъшогг от «выугъыщ» — «долго плакать»; Кукликт от русского слова «кукла».

3) Имена, отражающие характер родителей или их отношение к будущему ребёнку. Мужские: Маххрун от «маххрд» — «выбиться в люди»; Пъатнъун от «пъатнъуд» — «быть осторожным»; Пъыр-нъан от «пъырд» — «спешить»; Незйун от «незйуд» — «сипеть»; Физгунт от «физудъ» — «быть щедрым». Женские: Х:ыткук от «х:ыткуд» — «наклонять голову»; Затук от «затуд» — «осчастливить»; Виныхт от «вид» — «ехать» (отец повсюду возил за собой жену, будущую мать).

II. Имена, в основе которых лежит метафора, а не прямая характеристика. Эта группа также распадается на ряд подгрупп.

1) Имена, отражающие хозяйственную деятельность нивхов. Они образуются от основ глаголов, обозначающих типичные для нивхов действия. Мужские: Х:егзайн от «х:егзайд» — «перебирать верёвку у невода» (вс. д.); Варунъч от «варудъ» — «сделать посадку» (о сетке); Нъарггонт от «нъарггодъ» — «соболевать»; Оврин от «йовдь» — «починять сеть»; Вытюн от «вытюдь» — «кузнечить»; Х:улызнъ от «х:улыздъ» — «лисья нора» + «ызнъ» — «хозяин», Озгун от «йоздь» — «ловить нерпу»; Пъиврын от «пъиврыдь» — «убирать в доме»; Ирган от «ирдь» — «хранить»; Лылык от «лылыдь» — «конопатить». Женс-

кие: Рынтк от «рынтнд» — «мять (шкуру)»; Вавкук от «вавд» — «молотить (юколу в ступе)»; Рон"ик от «рон"идь» — «съездить куда либо и вернуться в тот же день»; Магук от «мадь» — «разминать что-либо»; Вазук от «вагзудь» — «сшить две полосы материи»; Вагзук от «ваггэуд» — «отделить»; Лавкук от «лавдь» — «застрять из-за непогоды»; Фагук от «фадь» — «надеть (рукавицы или ноговицы)»; Зфлеук от «эфлеуд» — «проткнуть насквозь» (вс. д.).

Антропонимы, образованные от имён существительных, чаще всего связаны с предметами быта. Мужские: Митркин от «митр» — «поварёшка»; Чаф-чаф — «точило»; Мотас-мотас — «полозья»; Пунт-пунт — «лук». Женские: Тамг"ук-тамх — «табак»; Тин-зик-тинс — «котомка»; Тиог"ук — «тнохх» — «ремень»; Ххазгук — «ххаза» — «ножницы»; Кипкук — «кип» — «рукоятка»; Н"оххтик-н"охх — «жир»; Айзик-айз — «золото»; Чварк-чварк — «цепь»; Вытик-вить — «украшение-подвеска»; Къувзик-къува — «нити» и др.

2) Имена, связанные с реалиями растительного и животного мира. Мужские: Кикун-кикун — «филин»; Къывнин-къывни — «снегирь»; Ккаврин-ккаври — «камбала»; Пъирн"ын-пъирн"ыр — «сазан»; Ккан"ик-ккаи"и — «навага»; Ньласрш-иъласрш — «трава» и др. Женские: Къеккук от «къекк» — «лиса»; Иулук от «иу» — «утка»; Ккан"фк-ккан"фк — «нарос на стволе дерева» (вс. д.); Урзюк от «ур» — «остров».

3) Имена, связанные с топонимами или этнонимами. Мужское: К,ъуг"иычх от «къуг"и» — «айн» + «ычх» — «старик». Женские: Йомук от «Йом» (селение на нижнем Амуре); Х:эзгук от «Х:эз» (селение на Амуре).

4) Имена, связанные с традиционными верованиями. Именем Выкстт выкзд — «бросить» (вс. д.) — нарекли девочку для того, чтобы уберечь её от злого духа («брошенная» — значит, у родителей нет никакой девочки и злему духу нечего делать в этой семье). По-видимому, из подобных же

соображений другую женщину в своё время назвали Пъиик, буквально, «брошенная», от глагола «пъиидь» — «бросить, оставить». Именем Палгук нарекли девочку, потому что беременной приснилась женщина, которая предсказала, что родится дочь, и велела назвать её именно Палгук. Это имя можно перевести как «лесная» или «горная» (пал — лес, гора).

Каждому человеку давалось имя, которое больше никто другой не мог носить. Вследствие общей малочисленности, большинство представителей одного рода и даже этнической группы были знакомы между собой. Это помогало избежать одноименности. Если же изредка совпадение имён происходило, то это считалось дурным знаком.

Коренные этносы обычно избегали давать детям имена умерших людей. Лишь изредка в одной семье новорождённого нарекали именем умершего первенца, но не второго ребёнка, а четвёртого или пятого. Сахалинские же нивхи могли называть детей в память давно умерших родственников. При этом соблюдались условия: 1) умершие должны быть не более близкими родственниками, чем дед или бабка (то есть дети не могли носить то же имя, что отец или мать); 2) имя должно было принадлежать достойному человеку.

В обращении с детьми и женщинами могли употребляться личные имена в ласкательной форме: Ршыня от «Ршыньгук», Кея от «Кеугук», Роня от «Роньгун». Субъективно-оценочные формы, таким образом, характеризуются только одним способом — способом гипокористики.

Некоторые взрослые могли иметь прозвища, в которых отражались те или иные особенности характера и поведения человека. Эти прозвища могли быть как на русском, так и на нивхском языках. Так, женщину за её необычайно большую силу прозвали Бык-мам — женщина-бык. Мужчину из-за походки вразвалку прозвали Маден"ан от образного слова «мадэ-мадэ»,

за любовь к русским шапкам — Х:аккнек — буквально: «шапку носящий». В Ногликском и Александровском районах на Сахалине попались и такие прозвища: Рыба, Капитан, Абрикос, Голова, Директор, Appetit и др.

В целом личные имена и родовые названия удовлетворяли нужды общения коренных этносов при родовом строе. С изменениями социальной жизни (паспортизация, задачи обучения, различные формы документации и т.п.) выявилась необходимость упорядочить существовавшую антропонимическую систему, в которой не было столь важного компонента как фамилия. При паспортизации в качестве фамилий записывались личные имена, вследствие чего родители и дети оказывались под разными фамилиями. Имена и отчества брались при этом русские. Вначале официально это никак не регулировалось, поэтому среди старшего поколения можно встретить людей, имеющих только фамилию (бывшее индивидуальное имя), людей, у которых есть только фамилия и имя (русское), но без отчества, и т.п.

В настоящее время среднее и особенно младшее поколение коренных приамурцев имеет фамилию (бывшее личное имя родителей), имя и отчество (преимущественно из русского именника). Иногда происходит частичная ассимиляция русских имён. Например, оформление русских имён этническими суффиксами: Ген-гунт (Гена), Вита-луяот (Витя), Лен-гукот (Лена), Зои-гукоч (Зоя), Соя-дат (Соня), Дун-икот (Дуня). В тех случаях, когда в паспорте записана только фамилия, в быту человек обычно носит ещё и неофициальное русское имя, более или менее созвучное с его нивхским именем.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые обобщения. В прошлом у коренных этносов Приамурья личные имена создавались из слов живого языка и отражали особенности материальной и духовной культуры этноса. Развитие ан-

ропонимической модели от двучленной до трёхчленной обусловлено общественной функцией антропонимов, которая, в первую очередь, зависит от социальных перемен в жизни народа. Таким образом, индивидуальная часть имени находилась в сильной зависимости от таких факторов как традиционные верования и социальные ожидания. Будучи индивидуальным по форме, это имя имело общественно значимое содержание.

В целом система имён выступала в качестве способа кодификации представлений о мире, делая человека частью сложной семиотической системы, где он исполнял роль носителя определённой единицы смысла.

Функционирование любого языка связано с возникновением знаковых систем, созданных на основе языковых знаков, но к ним не сводимых. Применительно к традиционной культуре коренных этносов речь идёт об устном народном творчестве, которое также является важным способом кодификации традиционных представлений о мире.

Распространённые среди коренных этносов песни о труде были в основном импровизациями. Певец мог подробно описывать ту или иную ситуацию, связанную с охотничьим или рыболовным промыслом. Наиболее интересные образцы подобных песен остались в народной памяти. В поэтическом тексте ульчской песни «Табо» подробно описывается долгий, трудный путь на промысел, процесс охоты на нерпу и возвращение домой (в середине апреля ульчские рыбаки тащили семивёсельные лодки на нартах к перевалу, охотились на нерпу, а летом отправлялись с добычей домой). Женщины пели эту песню, когда мужчины были на охоте. Подобные песни бытовали и у народов Северо-Востока Азии: в тексте ительменской песни «Про Утхолук» подробно зафиксированы все процессы, связанные с промыслами.

В музыкальном фольклоре ульчей пес-

ни, связанные с рыболовным и охотничьим промыслом, встречаются довольно часто. В музыкальном фольклоре нивхов преобладают песни, связанные с рыболовным, а удэгейцев — с охотничьим промыслом, то есть в национальных песнях чётко фиксируется характер основной хозяйственно-культурной деятельности того или иного народа.

Песни подобного типа являются репрезентацией трудового опыта, упорядоченного в соответствии с определённым ритмом. В итоге частицы исходного опыта, отражённые в тексте как бы отрываются от породившей их практики и становятся символом значимости, ценности, поэтичности трудового процесса в целом.

Вполне вероятно, что особенности исполнения песни оставались связаны с характером отражённой в ней трудовой деятельности. Если репрезентировалась деятельность, где на первое место выходили индивидуальные качества охотника, то такая песня, как правило, исполнялась соло. Если же для успешного осуществления деятельности в большей степени была важна консолидация усилий и высокая степень их согласованности, то здесь чаще встречается коллективное песенное исполнение.

Нет в мире народа, в культуре которого отсутствуют колыбельные песни. У аборигенов дальневосточного региона они подразделяются на напевы лирического характера и напевы типа заговоров. Традиционные колыбельные песни представлены произведениями как с устойчивым, так и с импровизируемым текстом.

Колыбельные песни (эмсуу яян) у улчей пели не только женщины, но и мужчины. В одном случае они были построены на повторе баюкальных слов, в другом — имели развитые тексты, в которых выражалось благопожелание. Для них типичны слова, подобные тем, что звучат в песне «Счастливо расти»: «Спи сынок мой, спи! Большим будешь — на отцовских лыжах в тайгу пойдёшь, отцовским луком медведя убь-

ёшь, отцовской острогой сазана поймаешь. Матери ребёнок, счастливо расти». Аналогичные благопожелания, имевшие заклинательную функцию, были распространены в нивхских (алабыпы лу) и удэгейских (омусими) колыбельных. В них, как и в улчских песнях, мать, укачивая ребёнка, выражала желание, чтобы сын стал удачливым охотником и рыбаком (если это мальчик), а дочь — выросла хорошей хозяйкой, мастерицей, была счастливой. Пели их только женщины. Имя ребёнка в песне не называли, чтобы не навлечь на него беды.

Мелодика эвенкийских колыбельных песен определяла прикладное назначение жанра, где монотонно повторность ритмических фигур является основой их тонирования.

Колыбельные песни входили в композиции шаманских камланий с целью излечения женщины от бесплодия. В этом случае колыбельная песня становилась говорной. Такое камлание с песнопением обычно пелось два — три часа. Текст одной из записанных нами песен выражал пожелание девочкам хорошо расти, уметь носить воду на коромыслах, шить, собирать в чумаш ягоды, мальчикам — быстро, хорошо расти, стать умелыми, удачливыми охотниками и рыбаками. После этих пожеланий шаманка как бы «вешала» люльку с душой ребёнка на лучи солнца, качала её, и от этих покачиваний отлетали «все девять болезней». Колыбельную сопровождал аккомпанемент бубна.

Благодаря своему монотонному характеру и использованию тремолирования, напевы колыбельных песен успокаивающе воздействовали на ребёнка. Поэтические тексты современных колыбельных песен, которые характеризуются большой временной протяжённостью, во многом идентичны у всех народов юга Дальнего Востока. Обычно в них было выражено пожелание, чтобы ребёнок уснул, а его мать могла бы заняться делами, о которых она подробно повествует в своей колыбельной песне.

Таким образом, по своему формальному содержанию колыбельные песни коренных этносов мало отличаются от трудовых песен. В них так же происходит кодировка традиционных видов деятельности. Правда здесь несколько больше, чем в простых трудовых песнях отражена деятельность женщин, что связано с исполнением песни, как правило, матерью ребёнка.

В то же время, вовлекаясь в колыбельную, процесс трудовой деятельности попадал в несколько иную семиотическую среду, нежели это происходило в обычной трудовой песне. Соответственно, в процессе репрезентации внешних событий происходила их трансформация в несколько ином направлении, чем в предыдущем случае.

Прежде всего происходил перенос акцента с настоящего в будущее, поскольку именно в будущее направлен текст колыбельной при описании желаемых, но ещё не произошедших событий. При этом естественно происходит некоторая идеализация этих событий, из описания трудовых процессов вымываются, выхолащиваются описания всех сопутствующих ему трудностей. Строго говоря, сама деятельность человека представлена здесь не столько её процессом, сколько результатом.

Однако в качестве неизменной структурообразующей основы остаётся традиционная система ценностей, которая определяет желаемую суть моделируемых процессов.

Отдельный вид устного творчества представляют собой гостевые песни. Они пелись в любое время, но чаще всего в зимние месяцы, когда обычно ездили в гости или принимали гостей у себя. Эти песни звучали после церемонии встречи, после обеда или ужина, перед сном. Сначала хозяева слушали пение гостя, затем пели сами сочинённую в его честь приветственную песню. Поэтические тексты, как правило, представляли собой импровизации: в них подробно описывалась внешность гостя, его одежда, манеры, восхвалялись достоинства. Напевы же были необычайно устой-

чивыми. У ульчей, нанайцев и нивхов ныне широко популярна песня «Встреча гостей». Текст этой песни рассказывает, как хозяева ждут дорогого гостя, чем собираются его угостить, какой почёт ему окажут. Подобного рода гостевые песни распространены у ороков, орочей, негидальцев.

В музыкальном фольклоре ульчей гостевые песни носят название андаха яяни (дословно — «песня гостя»). Поэтический текст традиционной ульчской шуточной песни «Холима» повествует о том, как пять нарт, которые тянут три ездовые собаки, объезжают мыс. На нартах сидит округлый старик в переднике из шкуры нерпы, которая блестит на солнце. Он везёт девушку-невесту в рысьей шапке. Когда они выезжают на берег и поднимаются к дому, снег вихрится дымом, а серьги девушек и колокольчики на ошейниках собак звенят. Хозяева выходят из дома, встречают гостей и привязывают собак. Девушку вводят в дом за руку, расстилают для неё ковёр, дают покурить трубку.

В музыкальном фольклоре гостевых песен (андаха аояни) нанайцев большое распространение получили песни о госте-женехе. Их поэтический текст рассказывает о радостном ожидании гостя, рисует его портрет, узоры халата, соболиную шапку и т. д.

Нивхи значительно реже исполняли гостевые песни (анда лу), чем нанайцы и ульчи. Этот факт подтверждает наблюдение Л.И. Шренка, сообщавшего, что ульчи и другие народы, жившие вверх по течению Амура, более общительны, чем нивхи.

Мелодия ульчской песни «Гость идёт» известна всем народам Амура. Она исполняется на различные тексты с незначительными ритмическими и мелодическими изменениями, что подчеркивает значение вариантности в словесно-поэтических текстах и мелодиях народных песен. В исполнении нивхов она более лирична, спокойна за счёт отсутствия ритмического дробления, звучит с характерными придыханиями и

форшлага.

В селе Джари Нанайского района мелодия этой песни носит название «Гость-жених». Её первая фраза аналогична предыдущим вариантам, вторая же — являет новую версию.

Если в трудовых и колыбельных песнях кодируется почти исключительно процесс взаимодействия между человеком и природой, то в гостевых песнях происходит кодификация отношений в социуме, то есть отношений между человеком и человеком. И снова речь идёт не просто о пассивном отражении неких социальных процессов, а о формировании в тексте, в структуре песен определённых нормативных требований. В ряду этих требований доминируют образы традиционного гостеприимства, взаимопомощи, образ желаемого жениха и невесты.

В целом, механизм устного народного творчества подразумевает два качества образуемого текста. Во-первых, мы видим высокую роль импровизации в процессе формирования текста, его внешнюю спонтанность. Однако после создания текст стремится «застыть»: наиболее удачные (то есть наиболее соответствующие традиционной этике и эстетике) тексты с большой степенью вероятности могут быть запомнены и воспроизведены многократно. В результате можно получить бесконечно большое число вариаций, имеющих типологически однородную структуру.

Слово — знак, наиболее удобный в обращении, особенно для современного человека. Но в роли знака может выступать так же и жест, движение. В традиционных культурах этот вид знаков занимает гораздо более сильную позицию, нежели в современной нам культуре.

Сколько лет танцу? Вероятно, больше, чем узору и даже песне. Первые танцы, скорее всего, были обрядовыми. В то же время танец органически связан с трудовыми процессами. В некотором смысле он является слепком природы. Любое движение того или иного танца ульчи подсматривали

в природе. Полёт чайки, движение рыбы и нерпы — во всём жизнь природы, окружающего мира.

Наблюдения коренных этносов, можно даже сказать, своеобразные исследования природы, приводили к возникновению танца — хрустального мира, вобравшего в себя не только традиции этноса, но и порывы его души, самые глубинные слои этноментальности.

Рассмотрим подробнее два таких танца. Первый танец называется «Коромысло — не мужское дело». В прошлом существовал обычай: только женщины носили воду. Но некоторые молодые люди пытались помочь своим возлюбленным, брали у них коромысла. Правда, без привычки у них это получалось неуклюже и комично. Кроме того, это делалось скрытно, незаметно от окружающих, иначе бы их высмеяли. Девушки с сожалением смотрели на неловкость парней и старались им помочь. Так получалось, что возлюбленные несли воду вместе. Им было весело и легко. Характеристика этой этнографической зарисовки легко и пластично вошла в канву танца.

Другой танец — «Пондо» — прославлял народных мастериц, умело выделывавших кожи рыб. В движении танца, в ритме был воспроизведён процесс работы мастериц. Танец сопровождает незатейливая, несколько кокетливая народная мелодия. Она словно выражает любование мастериц своей работой. Этот танец демонстрирует талантливость ульчей, их национальную эстетику, любовь к узору, вечное стремление познать красоту.

Выраженное в танце чувство ритма имеет природное, биологическое происхождение (дыхание, биение сердца и т.п.), и усиливается при выполнении различных трудовых процессов (яркий пример — многократные, повторяющиеся движения при выделке шкур).

Однако этот ритм выступает лишь в качестве материала, из которого в процессе наделения его смыслом возникает модель

некоторых человеческих действий. С одной стороны, мы видим зарисовку каких-то конкретных событий. В то же время танец представляет нам не конкретное событие, а скорее группу событий, выполняя необходимую для семиотической модели функцию обобщения. При этом созданная модель события не ограничивается простым его описанием, пусть и в обобщённой форме. Происходит создание новых смыслов, являющихся выражением уже не самого события, а отношения к нему. Это — сочетание лиризма и комизма в отношениях молодых пар, утверждение ценности красоты, любование своей работой и т.д.

В итоге мы видим, что смысл танцев оказывается не таким тривиальным, каким он выглядит на первый взгляд. Но постижение этой нетривиальности требует знаний традиционной культуры, частью которой эти танцы являются.

Физическим носителем слова, имени, танцевального движения является сам человек. Здесь мы видим, что знаки и символы существуют в тесном единстве с его человеческой природой. Но на определённом уровне формирования семиотических моделей происходит «овеществление» знака, когда знаки и символы обретают видимость самостоятельной жизни. Для народов, вышедших на путь цивилизации в качестве основного семиотического поля подобного рода выступает письменность. Для архаических культур сходные функции выполняет орнамент.

С символикой орнамента (одной из увлекательных и труднейших проблем амурской культуры) связываются и его архетип, и его художественный образ, и многовековые эстетические традиции.

Вряд ли кто из учёных будет отрицать, что язык орнамента — это язык символов. Линия развития орнамента имеет весьма своеобразную направленность, которую можно выразить определённой формулой: от изобразительности ко всё более нарастающему символизму, а от него — к знаку.

Орнамент, даже в его современном виде — это система символов и знаков, выраженных в линиях и цветовых сочетаниях. Можно сказать, что амурский орнамент — это своеобразная книга знаков, имеющих свой сложный код.

Б. Лауфер, Л. Шренк, Л. Штернберг, В. Арсеньев выделяют в амурском орнаменте солярные знаки в виде креста, ромба, формы круга (возможно, обозначающего солнце) или чуть сплюсненного круга, полумесяца и т.п. Ю.А. Сем один из первых в своих работах показал значимость в нанайской культуре родовых тамг. У нивхов Сахалина П.Я. Гонтмахер совместно с Г.А. Отаиной в конце 60-х годов XX века обнаружил графические знаки, которые служили символом рода, подобные знаки встречаются у эвенков, ороков и др. Возможно, вся эта символика увязывается с истоками орнамента.

В течение долгих столетий, а может быть, и тысячелетий у народов Приамурья символично-орнаментальное начало имело значительное развитие. Его внутренняя логика получала всё новые импульсы на разных этапах исторического развития. Символично-орнаментальная знаковость в определённой степени, по нашим наблюдениям, пронизывает современный орнамент нивхов, ороков, орочей, амурских эвенков, эвенков, негидальцев, а также айнов. У других народностей — нанайцев, ульчей, удэгейцев — преобладает линия на изобразительно-декоративную конкретность, хотя орнаментальных символов и знаков и у этих народов вполне достаточно.

В целом же, для всего традиционного декоративно-прикладного искусства характерно стремление к сильной стилизации узора, в котором код символов орнамента пока не поддается расшифровке.

Следует обратить особое внимание на «шаманский» орнамент. Такой вид орнамента не выделяется в этнографической литературе, но халаты, бубен и другие атрибуты шамана украшались особым орнаментом (видимо, более древним). Код этих

узоров требует наиболее глубокого анализа, так как изучение символики этого орнаментального ряда поможет проникнуть в тайны мировоззрения коренных дальневосточных этносов.

Анализируя проблему семантики орнамента, вероятно, можно говорить о коде зооморфного и коде антропоморфного орнамента, коде растительного орнамента и т.д. Этот вопрос совершенно не исследован в историко-этнографической литературе. Для некоторого приближения к его изучению следует обратиться к анализу родового древа народностей Амура. Именно с помощью родового древа как своеобразной универсалии земнокосмической субстанции описывались всевозможные связи людей друг с другом и общества с природой. Возможно это связывается с различными знаками, пра-символами и образами традиционного орнамента.

Археологический материал, собранный отечественными, а также зарубежными учёными, изучение художественных и этнических традиций позволяют считать, что истоки формирования нижеамурского, северосахалинского и южносахалинского орнаментов во многих своих связях и гранях увязываются с эпохой неолита на Дальнем Востоке.

В разветвлённую структуру спирально-ленточного орнамента, начиная с неолита, на разных этапах исторического развития были включены разнообразные мотивы, отражающие хозяйственную деятельность, эстетический опыт, элементы религиозного мировоззрения. К этим мотивам по полевым материалам, литературным и музейным источникам можно отнести изображение ячеек рыболовной сети, крученой веревки, вытянутых овалов, фигурной скобки и т.п.

Пополнялся и фонд дополнительных, мелких узоров спирально-ленточного орнамента, которые в определённой степени создавали его стиливые особенности. Эти дополнительные элементы в орнаментальной культуре каждого этноса были свои,

национально особенные. Они, во-первых, хорошо согласовывались с основными спирально-ленточными мотивами, органически дополняли их и, во-вторых, заполняли свободное от орнаментации поле. Здесь также выработались национальные особенности у каждого народа Нижнего Амура, Приамурья и Сахалина. Так, у нивхов, а также айнов в спирально-ленточных композициях довольно ограниченное число дополнительных элементов. У тунгусо-маньчжурских народов их гораздо больше, причём часто они сливаются с криволинейной основой орнаментальных мотивов. При украшении изделий из мягких материалов спиральные и ленточные узоры имеют больше дополнительных элементов, которые также создают стилевой почерк мастера. Если для изделий из дерева характерен спирально-ленточный орнамент, то для резьбы по бересте — изображения животных, которые часто исполнялись в своеобразной реалистической манере. На халатах из рыбьей кожи, обуви, головных уборах спирально-ленточный орнамент гармонически сочетается с зооморфными и растительными узорами.

Мастера не ставили целью добиться, например, движения в той или иной орнаментальной композиции. Динамизм узора как бы следует из самой природы народного искусства. Динамика создавалась и мелодическим течением линии в резьбе по дереву и кости, и тонко продуманным композиционным распределением симметричных и асимметричных рядов орнамента, и гармоничным сочетанием тёплых и холодных оттенков в вышивке.

Динамизм в орнаментальном искусстве народов Приамурья и Сахалина происходит прежде всего за счёт внутреннего движения спиралей. Движение здесь идёт не только по горизонтали, но и во многих композициях — от спирально-ленточных переплетений, как бы из глубины — прямо на зрителя. В любом случае трудно найти орнаментальную композицию, в которой бы не было движения, динамизма.

Известно, что в орнаментальном искусстве у многих этносов Приамурья, Приморья и Сахалина были широко развиты космогонические представления. На наш взгляд, они явились первоначальной основой, наиболее древним художественным пластом в сложении орнамента народов дальневосточного региона. У удэгейцев, например, чётко обозначились понятия, связанные с наблюдением над явлениями природы, в первую очередь, над планетами и созвездиями. С ними у удэгейцев, нанайцев, нивхов, ульчей, эвенков и др. связываются и солярные знаки, получившие в орнаменте значительное распространение.

Не вызывает сомнения, что орнамент народов Приамурья и Сахалина несёт значительную информационную нагрузку. Это логично также по той причине, что в течение многих веков они не имели письменности. В.К. Арсеньев в своих дневниках неоднократно указывал на символическую нагрузку орнамента орочей и удэгейцев. «Заслуживают внимания, — писал он, — символические знаки на гробницах, посуде, пасхальных яйцах, хлебе, ритуальной одежде, на дверях домов...». Здесь же исследователь приводит графические начертания четырёх символических знаков и пытается дать им объяснение.

По мнению археологов, ещё древние мастера на Дальнем Востоке использовали отдельные орнаментальные мотивы в качестве своего рода символов, с помощью которых при соответствующей их расстановке можно было бы графически выразить определенную мысль и идею.

У ороков (село Вал, Сахалинская область) П.Я. Гонтмахер записал легенду, в которой есть интересный сюжет: песни своих соплеменников молодые девушки пытались зафиксировать в орнаменте на рыбьей коже. При этом известие об удачной охоте, рыбной ловле, рождении ребёнка и т. п. обозначалось специальными знаками, обязательно яркими, тёплыми цветами: красным, оранжевым, жёлтым; трагическая

информация передавалась более угловатым орнаментом и холодными оттенками: синими, голубыми, зелёными, а также белыми. Легенды повествуют, что с помощью оригинальных знаков на бересте «записывали» целые картины из охотничьей хроники и личной жизни нанайцев, ульчей, нивхов и др.

Этнографические описания орнамента часто рассматривают его как простое декоративное украшение. В то же время изучение ранних культур показывает, что подобные схематические рисунки являются отображением определённых представлений о мире. Так, например, Б. Рыбаков, анализируя значение древнего орнамента, приходит к выводу, что «часть сюжетов, украшений и элементов орнамента явно магического заклинательного характера выполняла в своё время роль заговоров на благоденствие или оберегов от зла. Нашего далёкого предка успокаивал и радовал вид этих оберегов, и отсюда, из этой радости, и рождалось чувство красивого». Тот факт, что происхождение элементов орнамента связано с попытками человека отобразить некоторые представления, подтверждается также исследованием древнейших его образцов. Более того, с точки зрения носителей ранних форм культуры, орнамент функционально дополнял предметы обихода, улучшая их потребительские свойства. Так, например, анализ декоративного орнамента на стенах древнейших жилищ показывает, что «наделённый символическим смыслом, а иногда и магическим значением, орнамент в архитектуре древности и сам по себе рассматривался как необходимый функциональный элемент здания».

Все эти обстоятельства указывают на то, что орнамент можно рассматривать как древнейший, «дописьменный» способ графической фиксации информации. В то же самое время, в отличие от письменности, этот способ фиксации информации подразумевает гораздо более условную связь между означаемым и означающим. В ре-

зультате, хотя узоры орнамента и сохраняются неизменными на протяжении веков, их значения могут меняться. Этот процесс облегчается ещё и тем, что в ранних формах религии связанные с графическими символами понятия сами по себе могли быть довольно расплывчатыми.

Данная ситуация существенно затрудняет расшифровку значений традиционного орнамента, позволяя выделить лишь некоторые общие смыслы. Так, например, далеко не безразличен был цвет орнамента и его фона. Сопоставление праздничной и повседневной одежды показывает, что праздничные халаты украшались более яркими цветами, чаще всего — голубыми, синими, фиолетовыми и зелёными. Таким образом, эти цвета оказываются символически связанными с особыми днями в жизни нивхов. Между тем, праздники в традиционной культуре практически всегда имеют культовый характер. Потому, надевание соответствующего халата означает для нивха вхождение в особую систему отношений с теми или иными духами. Вероятно, что сами цвета (оттенки синего или зелёного) были ассоциативно связаны с миром воды и окружавшей нивхов тайгой, каждый из которых, как мы уже знаем, наделялся особыми свойствами.

Отражение в орнаменте различных миров подтверждается также растительным и зооморфным характером некоторых его элементов, но при этом орнамент нивхов настолько стилизован, что отображаемая им фактическая основа угадывается с большим трудом. Сами носители традиции в настоящее время сохранили лишь смутные представления о древних значениях своих узоров. Так, на вопрос, что послужило основой одного из зооморфных элементов её орнамента, одна из мастериц села Кальма ответила: «Тут не просто одна рыба, тут все наши рыбы». Аналогичное воспоминание о смысловом поле орнамента сохранились и в фольклоре: одна из сказок, описывая летнее жилище нивхов, сопоставляет орна-

мент с морскими волнами.

Воспоминания о символическом значении орнамента сохранились вплоть до нынешнего времени. Авторам настоящей работы посчастливилось беседовать с Викторией Пазиной (1971 года рождения, нивх), руководителем кружка по национальному рукоделию при Центре культуры народов Севера (г. Николаевск-на-Амуре). Она переняла своё искусство непосредственно из рук мамы и бабушки. От них она узнала, что национальный орнамент всегда несёт смысловую нагрузку. Так, например, с помощью одних завитков изображаются волны, с помощью других — цветы, растения. Можно изобразить и человека: в виде стилизованной маски без туловища. По словам информантов, их предки могли рассказывать с помощью орнамента целые истории, но сама Виктория этого уже не умеет.

В том случае, когда речь идёт о культовых предметах, орнамент может сочетаться с использованием образов, не подвергнутых стилизации. Так, например, ритуальные ковши, используемые во время медвежьих праздников, часто содержит воссоздание образа самого медведя. При этом изображение медведя может включаться в более сложный контекст. Иногда на шее зверя изображается цепь или верёвка. В другом случае деревянная ложка содержит целую скульптурную композицию, изображающую наполовину вылезшего из берлоги медведя, который протягивается к блюду за едой. При этом ложка оканчивается резной деревянной цепочкой, на конце которой подвешена фигурка маленького медведя. На этих примерах можно видеть попытки нивхов запечатлеть свои представления, связанные с медвежьим праздником. По-видимому, логическим развитием этих попыток является появление на ритуальной посуде пиктографических знаков, которые более полно отражают содержание ритуала.

Этнографическое собрание МАЭ располагает ритуальной ложкой, на которой пиктографически отображены обстоятель-

ства, при которых был убит медведь. На её ручке изображены следы лап медведя, с помощью прямоугольника обозначена лодка, нарезки показывают следы охотника, а фигура, напоминающая букву «Е» — трёх охотников с ружьями в засаде. Если внимательно изучать пиктографические рисунки нивхов на ритуальных ковшах и ложках, то можно увидеть, что здесь существуют свои определённые законы композиции, стремление выделить основные смысловые моменты, а второстепенные — отвести на задний план. Пиктография у нивхов — это хроника охоты, отражённая в скульптуре и своеобразном письме, хроника индивидуальных событий.

Развивая эту мысль, хотелось бы заметить, что, хотя данные рисунки и воспроизводят «хронику индивидуальных событий», при выделении в индивидуальных событиях «основных смысловых моментов» возникают образы, имеющие важное социокультурное значение. Эти образы освящают деятельность охотника, выделяя её кульминационные моменты, прославляя те личные качества, которые ведут к достижению желаемой цели и формируют желание быть удачливым охотником.

В ходе вовлечения в ритуальную деятельность практически любой предмет или явление наделялись особым смыслом и, соответственно, становились носителями определённой культурной информации. Так, например, домашний очаг в ходе кормления «хозяйки» и «хозяина» очага символически замещал этих существ. При подношении духам предков производилось кормление углов дома, которые, таким образом, ставились в ассоциативную связь с предками. Наделение внешних объектов дополнительным смысловым значением порождало возникновение вторичных знаков, подобно тем, которые были выявлены ранее в фольклоре, но с той существенной разницей, что здесь в качестве означаемого первого порядка выступал образ какого-нибудь материального предмета.

В целом, мы видим, что на материале традиционной культуры коренных этносов Приамурья неожиданное развитие получает одно из базовых положений культурно-исторической психологии об артефактах. Согласно ему, любой материальный артефакт выражает некоторый порядок, созданный мыслью человека. В нашем же случае видно, что значение многих орудий выходит за рамки технически необходимых операций, включая в себя элементы религиозных представлений. Таким образом, традиционная культура опирается на систему артефактов, которые одновременно отражают как реальные физические свойства внешнего мира, так и воображаемую реальность, создаваемую самой культурой.

Вполне вероятно предположить, что такой способ кодификации представлений делает их чрезвычайно устойчивыми в условиях традиционной культуры и религии, когда не происходит разделение реальности на естественное и сверхъестественное, и все события рассматриваются под углом мифологизированного рационализма.

Однако обзор артефактов, опосредующих традиционные представления коренных этносов, был бы неполон без ещё одной категории предметов. К ним относятся природные объекты, которые традиция также наделила особым смыслом, превратив во внешние знаки определённых представлений. В самом простом случае такими предметами являются части тела различных животных. Так, например, выходя на охоту, нивхи всегда носят с собой заячий хвост или кусочек заячьей шкурки. Магическое значение этого талисмана заключается в отпугивании определённых духов. Кусочек заячьей шкурки, который носил с собой любой охотник, находился в ассоциативной связи с представлениями об определённых духах. В результате этот атрибут выступал в качестве способа кодификации связанных с ним представлений подобно тому, как в современной нам культуре люди пытаются сохранить определённую инфор-

мацию с помощью «узелка на память». Но, в отличие от нашего случая с узелками, использование заячьей шкурки у нивхов выходит за рамки индивидуального смысла и выступает в качестве универсального, то есть понятного всем нивхам знака.

В качестве подобного знака выступает и голова собаки, принесённой в жертву после строительства жилища. В некоторых случаях эта голова вешается над дверью снаружи или внутри землянки. Считается, что голова должна охранять жилище от злых духов и, соответственно, сам факт наличия головы над входом выступает в качестве внешнего знака представлений о существовании подобных духов.

В своих работах А. Крейнович выявляет ещё более сложные сюжетные схемы, связанные с природными объектами. В этом отношении любопытен рассказ нивха Форуна. В рассказе запечатлена целая семейная драма, в ходе которой герои превращаются в скалы и камни, причём речь идёт не об условных камнях и скалах, а о вполне определённых природных объектах. Разобрав целый ряд аналогичных примеров, А. Крейнович приходит к выводу, что с очень многими природными объектами (камнями, горами, ручьями, заливами и тому подобное) у коренных этносов Приамурья связаны различные легенды. Таким образом, окружающие нивхов объекты природы, наделяясь особым смыслом, превращаются в своего рода форму кодификации, своеобразную форму записи, запечатлевшую традиционные предания этноса.

Устойчивость подобного способа кодификации оказалась столь велика, что он

продолжает использоваться и в наши дни. При упоминании всякого заметного географического объекта наши информанты без особого труда вспоминали связанные с ним предания. Так, например, на острове Коврижка находится скала, напоминающая по форме бюст мужчины. Он считается духом данного острова, и даже молодые нивхи знают о том, что ему следует делать определённые приношения, хотя сами эту традицию, возможно, и не соблюдают.

В целом анализ знаковых систем в архаических культурах Приамурья показывает, что эти способы опираются на сложные системы артефактов. Сюда входят такие системы как язык, устное народное творчество, орнамент, предметы культа и даже предметы быта, которые в ходе обрядов и ритуалов наделяются символическим значением. Символическим значением могут наделяться и природные объекты, поставленные в ассоциативную связь с определёнными образами и представлениями. Таким образом, традиционная культура способна даже природную реальность превращать в особую символическую систему, своего рода неуничтожимую летопись, повествующую о легендарном прошлом. Как показало общение с представителями коренных этносов, именно этот способ кодификации оказался одним из наиболее устойчивых, наряду с традиционным фольклором.

В свете рассмотренных данных следует считать, что традиционную культуру народов Севера целесообразно изучать не как бесписьменную, а как устно-письменную (с учётом орнамента, петроглифов, пиктографии, знаков собственности, и т.п.).

Акулов Анатолий Александрович,
начальник отделения воспитания и
культуры Дальневосточного
военного округа,
кандидат исторических наук

Из истории развития и деятельности военных театров в Хабаровском крае и Дальневосточном регионе в условиях военного времени (1941—1945 гг.)

Автор анализирует процесс формирования военных театров на Дальнем Востоке и их деятельность в период с 1941 по 1945 год, рассматривает их роль в культурно-просветительной, агитационно-пропагандистской и информационной работе, в поддержании высокого морально-психологического состояния военнослужащих и состояния боевой готовности войск в условиях военного времени. Анализируется опыт деятельности и взаимодействия политорганов Красной армии, местных хозяйственных, партийных и советских органов в формировании, становлении и развитии военных театров в условиях Дальневосточного края и привлечении их к решению задач, стоявших перед обществом и армией в исследуемый период

В годы войны деятельность военных профессиональных творческих коллективов (военных театров, оркестров, ансамблей красноармейской песни и пляски), формирование которых проходило на Дальнем Востоке ещё в 20-е годы XX века, получила своё дальнейшее развитие. Вся их работа была подчинена интересам фронта. Они оказали большое благотворное воздействие на всю культурную жизнь региона, способствовали повышению профессионального мастерства и квалификации творческой интеллигенции Дальнего Востока в 1941—1945 годах и в послевоенный период, внесли свой вклад в развитие военно-шефской работы и оказание материальной помощи фронту.

В условиях военного времени, используя накопленный опыт, они оказывали значительное влияние на информационно-пропагандистскую и культурно-просветительную сферу, продолжали совершенствовать формы и методы своей работы в

общей системе партийно-политической работы, продолжали вести активную деятельность по политическому и культурному воспитанию воинов в мобилизации их духовных сил на преодоление трудностей фронтовой жизни.

Значительное место в культурной жизни Дальнего Востока в годы войны занимали военные театры. С их появлением в эти годы в регионе гораздо шире и интереснее стало проводиться культурно-художественное обслуживание войск. В воинские части систематически направлялись штатные художественные коллективы, организовывались поездки концертных бригад театров и театрально-гастрольных объединений.

Военные театры занимали видное место среди профессиональных коллективов в развитии культуры в воинских гарнизонах Дальнего Востока. Первые военные театральные труппы в регионе были образованы и работали в частях Народно-революционной армии (НРА) и 5-й армии ещё в условиях Гражданской войны. Они познакомили не только военно-служащих, но и жителей отдалённого региона с лучшими достижениями мировой сценической культуры и заложили основу для дальнейшего развития театрального дела на Дальнем Востоке. Наиболее активно профессиональные военные театры в военных округах стали создаваться в первой половине 30-х годов XX века. В первом документе «Положение о театрах» говорилось, что они призваны средствами искусства содействовать повышению культурного уровня военнослужащих и их семей.

Вопрос о необходимости иметь в Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии (ОКДВА) свой армейский театр начал обсуждаться в начале 30-х годов на страницах армейской газеты «Тревога» в связи с тем, что одним из уязвимых участков работы клубов являлась область художественной пропаганды и агитации. Клубные кружки в большинстве случаев не выполняли тех серьёзных функций, которые на них возлагались. В связи с этим ОКДВА нужен

был свой постоянный, работающий под непосредственным руководством политических органов, передвижной театр.

В мае 1932 года в рамках культурного шефства на Дальний Восток был направлен молодой театральный коллектив-театр «Пролетарский актёр», подарок трудящихся Ленинграда, который за десять лет со дня своего образования приобрёл широкую популярность в городе на Неве и пользовался любовью у зрителей. Именно этот творческий коллектив стал первым профессиональным военным драматическим театром ОКДВА. 11 декабря 1935 года для этого театра было сдано новое здание в г. Хабаровске, пристроенное к Дому Красной армии. Это событие стало одним из значительных культурных достижений края и армии, так как аналогичные сооружения имелись не в каждом крупном городе страны. По мнению художественного руководителя московского театра Ленсовета К.А. Зубова, на такой сцене мог выступать любой столичный театр. Здесь можно было осуществлять постановки любых масштабов [6]. Начальником театра был назначен Я.А. Курганов, художественным руководителем — Я.Н. Варшавский, режиссёром — Л.Б. Юренин.

Развивая творческое сотрудничество, театр с успехом демонстрировал своё искусство на гастролях не только в крае, но и в центральных регионах страны. Так, в июле 1933 года труппа театра находилась на гастролях в Ленинграде, где показала свои постановки в ряде рабочих домов культуры. Спектакли театра шли с большим успехом. Наибольшее признание у зрителей и театральных деятелей получила последняя постановка театра «Сихотэ-Алинь» Б. Кисина, которая была посвящена дальневосточной тематике [7]. За время работы театра в Ленинграде его состав расширился до 70 человек.

Подводя итоги трёхлетней работы театра, армейская газета «Тревога» в апреле 1935 года отмечала, что театром создан ряд удачных постановок. Среди них — «Воен-

ком», «Мстислав Удалой», «Гибель эскадры», «Чудесный сплав», которые получили высокую оценку зрителей. Они имели большое культурное и воспитательное значение, а положительные образы, созданные актёрами, являлись примером для военнослужащих ОКДВА.

В своей деятельности творческий коллектив театра нашёл такие жанры, способы работы, которые позволяли ему охватить обслуживанием большое количество военнослужащих, членов их семей, посещать самые отдалённые гарнизоны. Театр создал мобильные концертные бригады от 7 до 11 человек, был поставлен спектакль «Чудесный сплав», составлена такая концертная программа, которая позволила ему, не прекращая работы на стационарной базе в Хабаровске, обслуживать другие гарнизоны.

За время своей работы творческой труппой театра военнослужащим, жителям края было показано большое количество прекрасных постановок. От спектакля к спектаклю росло профессиональное мастерство артистов. Это способствовало появлению талантливых актёров-дальневосточников.

Успехи театра ОКДВА отмечали местные органы власти и руководство гражданских театров. Так, краевое управление театральных зрелищных предприятий и администрация краевого музыкального театра в день трёхлетней годовщины театра ОКДВА упоминали о том, что из молодого коллектива театр превратился в мощный отряд советского театрального искусства на Дальнем Востоке.

Вместе с театром ОКДВА успешно работал и образованный в конце 1933 года в Никольск-Уссурийске первый военный театр. Его появление было ярким примером того, как из кружка художественной самодеятельности организовался профессиональный творческий коллектив. В начале 30-х годов на базе клуба Казанского полка из числа клубных активистов и жён начальствующего состава других частей образовался и начал работать театральный кружок

красноармейской самодеятельности. К декабрю 1933 года творческая деятельность самодеятельного театрального коллектива достигла такого уровня, что командование армии, учитывая необходимость иметь свой профессиональный театр, утвердило отдельный штат и преобразовало его в театральную студию при Никольск-Уссурийском Доме Красной армии (ДКА), руководителем которой стал Ф.Е. Шишигин [8]. В сентябре 1934 года студия получает статус красноармейского театра Приморской группы войск. К этому времени театральная труппа за 9 месяцев дала десяткам тысяч зрителей в ДКА и частях больше 70 спектаклей: «Девушки нашей страны» (13 спектаклей), «Разгром» (7 спектаклей), «Чужой ребёнок» (30 спектаклей), «Два треугольника» (10 спектаклей) и другие. К новому театральному сезону 1940—1941 годов решением военного совета фронта театр выделяется в самостоятельную единицу. К этому времени творческий состав труппы пополнился большой группой выпускников московских театральных училищ и несколькими опытными артистами. Значительно расширились все технические цеха театра. Его художественным руководителем стал В. Сумароков, начальником был назначен политрук К. Чертков. В новом составе театральная труппа была открыта 7 ноября 1940 года пьесой А. Штейна «Весна двадцать первого» в постановке Ю.Б. Щербакова, ставшего впоследствии известным артистом и режиссёром. До конца сезона были поставлены не менее удачные постановки: комедия братьев Тур «Неравный брак» режиссёра А.Р. Закс, проходившего срочную службу в театре, пьесы А.М. Горького «Последние», А.Н. Островского «Гроза» режиссёра В. Сумарокова с оформлением художника А.С. Кострова, проработавшего в театре более 30 лет, «Кремлевские куранты» Н. Погодина и другие [9]. От спектакля к спектаклю повышалось творческое мастерство актёров, расширялся репертуар. Коллектив театра с энтузиазмом брался за постановку самых сложных произведений.

Именно благодаря этому театр с первых дней своего существования пользовался большой популярностью у зрителей.

Наряду с другими активно работал и драматический театр Тихоокеанского флота. Он был образован в мае 1932 года, вначале как внештатный, а с сентября 1933 года стал работать на постоянной основе. Приказом Революционного военного совета (РВС) СССР и указанием Политического управления Рабоче-крестьянской красной армии (ПУРККА) был утвержден его штат в количестве 30 человек. Идея создания краснофлотского театра принадлежала начальнику политуправления Морских Сил Дальнего Востока А.А. Булышкину. По его распоряжению со всего флота во Владивостокский Дом Красной армии и флота, который обслуживал личный состав Морских Сил Дальнего Востока, командировались матросы, старшины и офицеры, имевшие театральное образование, а также наиболее талантливые участники художественной самодеятельности. Возглавили театр начальник, старший политрук И.М. Старков и режиссёр Центрального Дома Красной армии А.И. Лавров, специально командированные во Владивосток для организации театра.

В течение одного месяца режиссёр А.И. Лавров поставил спектакль «Флот в песнях» по пьесе В. Вишневского, с которым в конце ноября 1932 года театр выехал с агитгруппой Морских Сил Дальнего Востока к шефам в Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. В конце ноября 1932 года в театр пришел новый режиссёр А.Б. Степанцев, специалист с богатым опытом работы в других театрах. Под его руководством были поставлены пьесы «Разлом» Б. Лавренива, «Матросы из «Катарро» по пьесе Фр. Вольфа, «Мстислав Удалой» И. Прута, «Чужой ребёнок» И. Шкваркина, «Гибель эскадры» А. Корнейчука и другие.

Отмечая в 1936 году четырехлетие со дня образования театра, командующий Тихоокеанским флотом флагман флота 1 ранга М. Викторов отмечал в приказе ог-

ромный вклад коллектива театра в дело воспитания моряков-тихоокеанцев, трудящихся Владивостока и Приморья. За 4 года только в Доме Красной армии и Флота имени Я.Б. Гамарника театр показал 123 спектакля и дал 45 концертов для моряков. Значительное количество спектаклей и концертов было дано на кораблях, в частях и гарнизонах флота. В общей сложности театр посетили свыше 200 тыс. человек. В дальнейшем коллектив театра совершенствовал свою работу, активно участвовал в развитии театрального дела в регионе.

Развитие военных театров в Дальневосточном регионе получило широкую и всестороннюю поддержку со стороны командования, партийных и государственных органов Дальнего Востока, так как этот вид искусства был менее затратным и более доступным для военнослужащих и жителей региона. Наряду с профессиональными театрами в каждой воинской части Дальневосточного края имелся свой самодеятельный театр или драматические кружки, которые значительно влияли на общий уровень развития театрального искусства не только в воинских гарнизонах, но и в регионе.

Наибольший размах деятельность военных театров получила в годы войны. Лейтмотивом в их творческой и патриотической работе в эти годы стали слова, принадлежащие писателю А.А. Фадееву: «Мы — единственная страна в мире, где под грохот пушек не только не смолкли музы — они активно выступили против врага в едином строю воинов!» [10].

Надо отметить, что сами деятели культуры в первые дни войны осознали возросшее значение литературы и искусства в общественно-политической жизни страны. «Дни войны с особой остротой поставили вопрос о роли работников культуры. Мы боремся за самые святыне в истории человечества идеалы», — говорил композитор Д.Д. Шостакович [14]. А режиссёр В.И. Немирович-Данченко в это время писал: «Я твёрдо знаю, что советский театр сделает всё, чтобы его работа была полезной в деле

защиты Родины, всемерной помощи Красной Армии» [3].

В самом начале войны, в первые два месяца театральные коллективы сыграли важную роль в перестройке психологического состояния военнослужащих, подъёме боевого духа, изжитии «синдрома благодушия», преодолении крупных предвоенных просчётов, ошибок советской агитации и пропаганды.

В течение полугода военные театры решали вопросы обновления и совершенствования репертуара. Перестройка театрального репертуара пошла по следующим направлениям: снятие неактуальных, несовременных произведений, подготовка новых спектаклей на военную тему, возобновление постановок довоенных, антифашистских пьес. Надо признать, что в это время наши театры не имели в своём распоряжении актуальных пьес на военную тему. Появившиеся же в первые месяцы войны «Ключи Берлина» М. Гуса и К. Финна, «Накануне» А. Афиногенова, «Ливонская война» М. Сельвинского и другие страдали общими пороками — искусственностью, схематизмом, антиисторизмом, необъективностью, мелодраматизмом [2]. Все эти недостатки, на наш взгляд, во многом были обусловлены причинами военно-политического и идеологического характера: недостаточной готовностью страны, армии к отражению агрессии, превратным представлением советского народа о характере, продолжительности войны. Театральные постановки были несовершенны, ибо авторы писали о войне, не зная войны. Драматурги, как правило, утверждали, что боевые действия будут вестись Красной армией «малой кровью на территории противника». А вымышленные герои пьес не выдерживали никакого сравнения с подлинными героями, которых в первых же сражениях выдвинула военная обстановка.

Поэтому в 1941—1942 годах видное место в репертуаре театров на Дальнем Востоке заняли исторические пьесы «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, «Полко-

водец Суворов» И. Бехтерева и А. Разумовского, «Надежда Дурова» К. Липскерова и А. Кочеткова и другие. Военные театры систематически показывали спектакли по пьесам об Октябрьской революции и Гражданской войне: «Разлом» Б. Лаврентева, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Кремлёвские куранты» Н. Погодина [1]. Необходимо отметить, что театральные коллективы удачно находили в указанных пьесах исторические параллели теме мужества и героизма в Великой Отечественной войне.

Следует также заметить, что наряду с тем, что с началом войны совершенствовалась система управления войсками и увеличивалась численность войск Дальневосточного фронта, происходили изменения и в профессиональных военных творческих коллективах. Так, театр 1-й Краснознаменной армии в июне 1941 г. вошёл в состав 25-й армии, а в июле 1945 года — 1-го Дальневосточного фронта. Несмотря на все изменения, театр продолжал активно работать. В репертуаре появились постановки о героическом прошлом русского народа, о советских людях. С первых дней войны средствами художественной пропаганды театр разъяснял воинам-дальневосточникам и трудящимся Дальнего Востока стоящие перед ними задачи по защите социалистического Отечества. Руководство страны и командование фронта требовали, чтобы в репертуаре появились произведения, в которых были бы новые образы и темы. Они должны были раскрывать героическое прошлое страны, показывать доблестные примеры из боевых будней, мужественный характер бойцов и командиров.

Отвечая требованиям руководства, в военном театре 25-й армии к сентябрю 1941 года был поставлен спектакль «Парень из нашего города» К. Симонова, где сценически выразительно и психологически углублённо было рассказано о подвигах советских солдат. За ним последовали не менее удачные постановки: «Кто смеётся последним» К. Крапивы, «Слава» В. Гусева, «Шёл солдат с фронта» В. Катаева,

«Встреча в темноте» Ф. Оноррэ, «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова и другие. Эти спектакли пользовались большой популярностью среди бойцов и командиров Дальневосточного фронта, шли с аншлагами, стали популярны, близки и понятны простому зрителю.

Профессиональная деятельность военных театров в 1941—1942 годах выходила за рамки обычных спектаклей, концертов и приобретала новые оригинальные формы творчества. Их появление можно объяснить двояко: с одной стороны, как ответ на требование военного времени, а с другой, — как попытку компенсировать дефицит новых произведений в своём репертуаре. Так, в августе — декабре 1941 года перед спектаклями театра 25-й армии проходили выступления артистов с антифашистскими песнями и стихами, в фойе театра организовывались «Окна ТАСС», художественные выставки, дававшие военным служащим оперативную информацию о событиях на фронте. Театр 2-й армии за полтора года войны провёл 33 вечера эстрады и миниатюр, в середине 1942 года — серию спектаклей-вечеров пьес «Кафе Адольфия» Л. Саянского, «Ценное изобретение» С. Дынина, «Кусок мяса» Н. Винстера, имевших, судя по названиям, характер антифашистской политической сатиры. 25 ноября и 2 декабря 1941 года театр организовал литературно-художественные вечера, ставшие своеобразной формой творческого отчёта работников искусств в 1942—1943 годах.

В сложной военно-политической обстановке на Дальнем Востоке артисты основную часть своей работы проводили на концертных площадках и подмостках воинских гарнизонов, полигонах и войсковых стрельбищах. Они делились на бригады, выезжали одновременно по разным направлениям в войска, что позволяло обслужить большой контингент военнослужащих. Учитывая пожелания зрителей, несмотря на сложные условия работы, руководители театра включали в репертуар новые пьесы как извес-

тных драматургов, так и малоизвестных. Кроме этого, когда не хватало актуального репертуара, пьесы писали сами артисты. У актёров не имелось достаточного опыта в проведении концертов на непригодных площадках на полигонах, стрельбищах, в отдалённых гарнизонах — его приобретали в практической деятельности. Так, в репертуаре появилась героико-романтическая пьеса «Иван Голубь», премьера которой состоялась 23 февраля 1942 года. Написали её два режиссёра театра: Н.Г. Резников и А.С. Ларский при активной помощи всего коллектива [11]. С литературной точки зрения это было несовершенное произведение, но оно отвечало настроениям и стремлениям того времени, было наполнено ненавистью к врагам нашего Отечества. Пьеса полностью совпадала с творческими устремлениями коллектива театра, была сценична и давала богатый материал для актёрской работы. Коллектив трудился над ней с увлечением, в едином творческом порыве. Спектакль был показан около трехсот раз, и каждый раз шёл со значительным успехом, воспринимался зрителями эмоционально и вдохновенно.

Кроме участия в спектаклях, артисты театра работали и в составе концертных бригад, которые выезжали во все гарнизоны фронта. График выступлений был довольно плотный, в среднем по 10—15 раз в день. Патриотические стихи, частушки, злободневные рассказы, весёлые водевили, несложные спектакли видели и слышали бойцы и командиры частей и подразделений Дальневосточного фронта на манёврах, учениях, в минуты короткого отдыха. О масштабах этой работы говорят и архивные данные. Так, только за период с 1 августа по 1 октября 1941 года, созданные в театре 25-й армии три концертные бригады по 12—13 человек дали 150 выступлений. В 1942 году, имея в штате театра 82 человека (вольнонаёмных — 37, красноармейского состава — 14, технического персонала — 34), было показано 194 спектакля, дано 227 концертных выступлений, обслужено

220 000 человек. Кроме этого, было дано 257 бесплатных спектаклей и концертов, в Фонд обороны перечислено 19 688 руб. В 1943 году театр за 11 месяцев работы дал 306 выступлений, из них — 124 бесплатных и шефских. Только 47 спектаклей были даны на стационарной базе, все остальные — в ближайших и отдалённых гарнизонах. За этот период театром были обслужены 120 тыс. зрителей [12]. К 1944 году штат театра составлял 63 человека вольнонаёмных [13]. К августу 1945 года в репертуаре театра было 50 спектаклей. По ним можно судить о профессиональном взрослении, разнообразии театральных тем и жанров, творческом росте артистов и режиссёров театра.

В свободное от спектаклей время, артисты театра вели творческую работу с начинающими красноармейскими поэтами и писателями, оказывали помощь художественной самодеятельности частей, ежедневно организовывали передачи-концерты «Красноармейский театр у микрофона» из радиостудий местных Домов Красной армии, выступали с художественными произведениями перед бойцами в полевых условиях.

Наиболее ярко и активно театр работал в августе 1945 года, обслуживая части 1-го Дальневосточного фронта. С началом боевых действий он выезжал на обслуживание войск в Маньчжурию и Корею, где проводил значительную агитационно-пропагандистскую и культурно-воспитательную работу среди военнослужащих. Продвигаясь вслед за войсками, в ещё пылавших городах он ставил свои спектакли для бойцов и командиров, вернувшихся с передовой. Красноармейский театр был первым советским театром, который увидело население Маньчжурии. С успехом проходили гастролы театра в городах Харбин, Цзиси, Гирин, Чань-чунь, Шеньян (Мукден), Далянь (Дальний) и других. Высокое мастерство арти-

тов по достоинству оценили жители освобождённой Северной Кореи, Порт-Артура, где театр оказал помощь национальному китайскому театру в постановке советских пьес*. С первых и до последних военных дней Красноармейский театр находился на боевых позициях. Силой искусства артисты театра укрепляли веру в победу, повышали боевую способность войск, мобилизовывали на полный разгром врага.

Наряду с театром 25-й армии активно работали театры фронта, Тихоокеанского флота, самодеятельные образования при учреждениях культуры и в воинских частях, накопившие в годы войны ценный опыт агитационно-пропагандистской и культурно-воспитательной работы, который не потерял своего значения и сегодня. Своей работой артисты театров активизировали и вдохновляли не только воинов-дальневосточников, но и жителей всего региона. В их творчестве нашёл отражение весь комплекс духовно-нравственных проблем военного времени, характерных для общества и его Вооружённых сил. Они заняли ведущее место в театральной жизни Дальневосточного края, приобрели популярность у зрителей в воинских гарнизонах, городах и посёлках, стали одними из важных культурных центров Дальнего Востока. Репертуар театров в изучаемый период как по количеству премьер, так и по качеству постановок не уступал столичным театрам. Так, в приказе № 296 от 12 июня 1944 года Всесоюзный комитет по делам искусств отмечал: «Лучшие пьесы 1943—1944 годов получили широкое распространение в провинции раньше, чем в Москве» [14]. Надо заметить, что в это время в театрах работала большая группа видных режиссёров и актёров, что позволяло этим коллективам реализовывать сложные творческие замыслы. Анализ приказов, отчётов политических органов, худсоветов и режиссёров-постановщиков позволил выявить и общие для всех театров военного времени недостатки

* Театр работал около пятнадцати лет в КНР и Северной Корее, обслуживая оставшиеся на их территории гарнизоны и советские войска.

репертуара. Так, практически не были поставлены спектакли по теме интернационального единства народа на войне, недостаточно были представлены пьесы о работе советского тыла в 1941—1945 годах, слабо было отражено участие молодёжи в войне, отсутствовали полноценные спектакли комедийного жанра [5].

Основу репертуара театров 1943—1945 годов по-прежнему, как и в первый период войны, составили произведения русской и зарубежной классики. Надо отметить, что успешная творческая работа театров во многом зависела в 1943—1945 годах от местных деятелей музыкальной культуры.

Театры Дальнего Востока в 1941—1945 годы находили интересные формы профессиональной деятельности: вечера-концерты, спектакли-концерты, удачно сочетавшие в себе два жанра — сценический и эстрадный. Театр 25-й армии провёл первый подобный вечер-концерт, в ходе которого были показаны сцены из пьес Н. Погодина, прочитаны отрывки из литературных произведений А. Толстого, Н. Тихонова, исполнены песни советских композиторов.

Коллективы военных театров успешно выполнили поставленные перед ними задачи. За годы войны они значительно выросли в профессиональном отношении, стали широко известными и популярными не только в Дальневосточном регионе, но и за его пределами.

Таким образом, в годы войны был накоплен богатейший творческий опыт работы военных театров, который позволил

обеспечить выполнение поставленных перед ними задач по культурно-просветительной и информационно-пропагандистской работе, укреплению морально-политического состояния военнослужащих. Как ценнейшее достояние он может быть широко использован в современных условиях с учётом современных реалий в практике работы как органов государственной власти, так и руководителей различных уровней.

Изучение опыта работы театров на Дальнем Востоке в военные годы показывает, что все учреждения культуры могут и должны оказать существенную помощь органам государственного управления всех уровней в современных условиях, когда происходит радикальная трансформация структуры, функций и задач развития в целом как культуры и её отдельных направлений, так и отношения к ним общества, изменения места, которые они в нём занимают, используя для этого весь имеющийся у них арсенал средств, форм и методов.

История формирования и деятельности военных театров на Дальнем Востоке является частью общей истории, её культуры как России в целом, так и Дальневосточного региона в частности. Именно они призваны в современных условиях играть ведущую роль в информационно-просветительской и культурно-досуговой деятельности, развитии и формировании исторического сознания народа, в патриотическом воспитании молодёжи страны в целом и воинов армии в частности.

Список использованных источников

1. Государственный архив Хабаровского края. ГАХК. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 196. ЛЛ. 215—216.
2. История русского советского драмтеатра. — М., 1984. — Кн. 1, гл. IV. — С. 297.
3. Правда. — 1941. — 27 июля.
4. РГАЛИ. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 962. Оп. 3. Д. 1302. ЛЛ. 1—3.
5. РГАЛИ, Ф. 962. Оп. 7. Д. 1248. ЛЛ. 1, 5.
6. Тревога. — 1936. — 15 нояб.
7. Тревога. — 1933. — 17 июля.
8. Тревога. — 1934. — 14 сент.
9. Тревога. — 1941. — 2 февр.
10. Фадеев, А. А. За тридцать лет : избранные статьи, речи, письма о литературе и искусстве / А. А. Фадеев. — М., 1959. — С. 281.
11. Центральный архив министерства обороны. ЦАМО РФ. Ф. ДВФ. Оп. 1597. Д. 142. Л. 13.
12. ЦАМО РФ. Ф. ДВФ. Оп. 1597. Д. 142. ЛЛ. 11—14, 174.
13. ЦАМО РФ. Ф. ДВФ. Оп. 1597. Д. 293, Л. 18 н/о.
14. Шостакович, Д. Д. Посвящённая ленинградцам // Когда пушки гремели / Д. Д. Шостакович. — М., 1973. — С. 186.

Библиография

Наумова Раиса Вячеславовна,
заместитель директора
Дальневосточной государственной
научной библиотеки

Издательский проект к 70-летию образования Хабаровского края

**Граф Николай Николаевич
Муравьев-Амурский :
биографические материалы по его
письмам, официальным докумен-
там, рассказам современ-
ников и печатным источникам
/ И. Барсуков ; Приамур.
географическое общество. — Репро-
дуцированное издание.
— Хабаровск : Изд-во «РИО-
ТИП», 2008. — 672 с.**

13 сентября этого года в Дальневосточной государственной научной библиотеке состоялось большое событие — презентация нового юбилейного проекта, посвящённого двум важнейшим историческим датам: 200-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Николаевича Муравьева-Амурского (1809—1881) и 70-летию Хабаровского края.

Хабаровское издательство «РИОТИП» при поддержке Правительства Хабаровского края выпустило в свет репри-

нтное издание книги Ивана Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский». Книгу, вышедшую в твердом переплете и подарочном футляре, отличает безупречное полиграфическое качество. Сегодня оригинальное издание этой книги, выпущенное в свет в Москве в 1891 году, бережно хранится в редком фонде отдела краеведческой литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки и является книжным памятником конца XIX века. Эта книга, вышедшая 117 лет тому назад, была посвящена десятилетней годовщине со дня смерти Н. Н. Муравьева-Амурского.

Публичная презентация новой книги прошла на высоком уровне, в ней приняли участие представители Правительства Хабаровского края, Хабаровской духовной семинарии, гуманитарных вузов города, краеведческой общественности. «Жители Хабаровского края чтут память о выдающемся соотечественнике... Книга, презентацию которой мы проводим сегодня — это фундаментальный труд, не имеющий аналогов, к которому обращаются историки, исследователи и биографы Муравьева-Амурского, авторы многочисленных публикаций, появившихся в последнее время и посвященных этой знаковой для истории Хабаровского края и всего Дальнего Востока личности. Разрешите поздравить всех присутствующих с этим замечательным событием и выразить уверенность, что эта книга станет замечательным подарком для жителей края в преддверии его юбилея» — такими словами открыл презентацию министр культуры Хабаровского края А.В. Федосов. Почётным гостем презентации стал А. И. Букреев, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), прибывший в Хабаровск в составе делегации общественного фонда «Центр Национальной Славы». На презентации выступил начальник отделения научной и военно-исторической работы оперативного управления штаба Дальневосточного военного округа В.М. Петренко, подчеркнувший многогранную деятельность генерал-гу-

бернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского.

В формате данной презентации весьма органично прозвучало выступление заведующего отделом краеведческой литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки М.Л. Балашовой о подготовке и выходе в свет библиографического указателя литературы «Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский (1809—1881)». В небольшом по объёму издании максимально полно представлена информация о Н.Н. Муравьеве-Амурском — более 150 библиографических записей о книгах и статьях из тематических сборников, периодических и продолжающихся изданий, начиная с 1882 по 2008 гг., находящихся в фонде главной библиотеки края. Указатель состоит из трёх разделов (два раздела по видам изданий и один — тематический): «Отдельные издания», «Публикации в периодических изданиях и сборниках», «Увековечивание памяти о Н.Н. Муравьеве-Амурском» и дополнено именованным вспомогательным указателем.

В 2009 году исполняется 200 лет со дня рождения выдающейся исторической личности, славного сына России, сыгравшего огромную роль в становлении и раз-

витии Российского государства. Дипломат и военачальник, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский способствовал промышленному развитию государства и усилению его геополитических позиций. Во многом ему Россия обязана присоединением, освоением обширных восточно-сибирских и дальневосточных территорий, включая Приамурье, Приморье и о. Сахалин. Н.Н. Муравьев-Амурский оказал поддержку исследованиям Г.И. Невельского, доказавшего судоходность реки Амур, содействовал учреждению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, руководил закладкой более 30 населённых пунктов в Приамурье и Приморье.

Нельзя обойти ещё одну значимую юбилейную дату. В этом году исполняется 150 лет со дня подписания Айгунского договора. Это историческое событие является одним из важнейших достижений российской дипломатии. 16 мая 1858 года Н.Н. Муравьев-Амурский заключил Айгунский договор с Китаем, по которому к России отошли территории по левому берегу реки Амур до самого устья, была узаконена торговля между Россией и Китаем по рекам Уссури, Амур и Сунгари. В память об этом деянии 26 августа 1858 года Н.Н. Муравьев-Амурский был возведён в графское достоинство Российской Империи с прибавлением к фамилии приставки «Амурский», а также получил чин генерала от инфантерии.

В 1861 году Н. Н. Муравьев-Амурский оставил должность генерал-губернатора. В этом же году был награждён орденом Святого Владимира I степени с мечами и назначен членом Государственного совета.

Последние годы жизни Н. Н. Муравьев-Амурский провел во Франции, скончался в 1881 году и был похоронен в Париже. В 1991 году его прах был перенесён во Владивосток.

В память о заслугах Н.Н. Муравье-

ва-Амурского в 1891 году в Хабаровске был воздвигнут бронзовый монумент, автором которого стал известный русский скульптор А.М. Опекушин. После революции памятник был снесён и ровно через 101 год, 31 мая 1992 года в День рождения г. Хабаровска состоялась торжественная церемония открытия памятника.

Новое репринтное издание, подарок к юбилею Хабаровского края, является для современников самым авторитетным о графе Н.Н. Муравьеве-Амурском, наиболее полной его биографией. Автор книги, Иван Барсуков был действительным членом Императорского общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, член-корреспондент Императорского общества Любителей Древней Письменности. «Доблестный воин, прошедший строгую школу Николаевского времени, мудрый администратор и патриот, Муравьев является лицом выдающимся как своими заслугами, так и свойствами своего чисто русского самобытного характера. Неутомимый труженик, одаренный умом государственным, необыкновенной энергией и предприимчивостью, он постоянно руководился мыслью быть полезным Государю и Отечеству» — пишет в своём предисловии к книге автор. А в переизданной книге И. Барсукова в 2008 году Губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев отмечает в своём предисловии заслуги графа Н.Н. Муравьева-Амурского и значимость книги И.П. Барсукова: «Благодаря своему содержанию книга И.П. Барсукова не утратила значения и до настоящего времени. Новое переиздание книги заслуживает всяческой поддержки. На примере жизни и деятельности Н.Н. Муравьева-Амурского она поможет современным читателям полнее и глубже осознать величие деяний наших предков, собирателей земель и создателей великой державы».

Вся жизнь графа Н.Н. Муравьева-Амурского — пример усердного и много- трудного служения Отечеству.

Дальневосточному военному округу — 90 лет

Пасмурцев Александр Владимирович, полковник, военный журналист, главный редактор газеты Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск»

КНИГУ К ЮБИЛЕЮ СОЗДАВАЛИ ЭНТУЗИАСТЫ

**Краснознаменный
Дальневосточный военный
округ : 90 лет в боевом
строю. — Хабаровск, 2008.
— 90 с.**

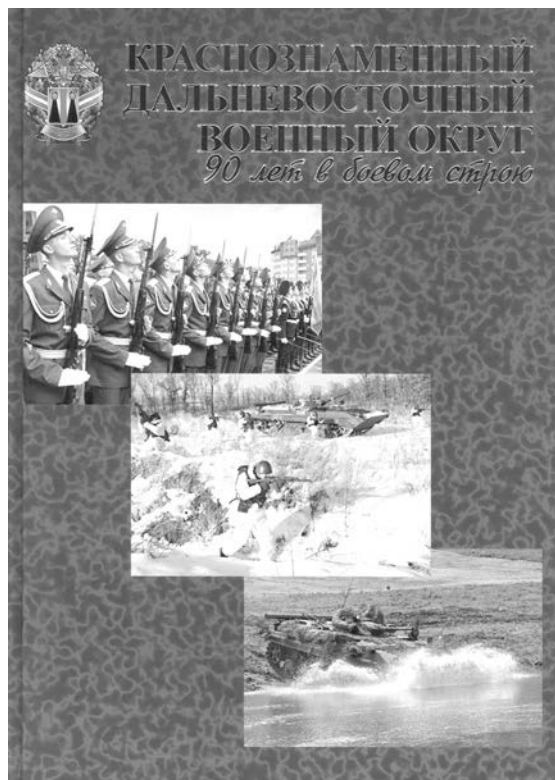
31 июля 2008 года Краснознаменный Дальневосточный военный округ отметил свое 90-летие. Эта дата была принята в советские времена в связи с тем, что в указанный день в июле 1918 года войска Уссурийского фронта разгромили объединенные силы белогвардейцев и интервентов в районе Шмаковки и Спасска, положив тем самым начало боевому пути Красной армии на Дальнем Востоке.

Впрочем у военного округа советской эпохи были не менее славные предшественники. И сегодня без идеологической зашоренности мы стараемся соединить ратные традиции всех эпох существования отечественных Вооруженных сил. Поэтому вспоминаем, что еще в мае 1884 года император Александр III утвердил Положение об образовании Приамурского генерал-губернаторства и Приамурского военного округа. Именно тогда на Дальнем Востоке Российской империи впервые был учрежден самостоятельный военный округ с административным центром в Хабаровке (с 1893 г. — Хабаровск).

Но ещё раньше в историю воинских формирований России на Дальнем Восто-

ке были вписаны многие славные деяния. В их в ряду — и беспримерная оборона Албазинского острога от маньчжурских войск в 80-х годах XVII века, и не менее героическая эпопея по защите Петропавловска-Камчатского в августе 1854 года, когда англо-французская эскадра безуспешно пыталась высадить десант, по численности втрое превосходивший защитников этого тихоокеанского форпоста.

После октябрьских событий 1917 года на Дальнем Востоке в соответствии с Декретом Совета народных комиссаров 4 мая 1918 года вместо Приамурского округа был учрежден Восточно-Сибирский военный округ. Во время Гражданской войны воинские формирования, дислоцированные на восточной российской окраине, сражались под знаменами Народно-революционной армии Дальневосточной республики (ДВР). В 20-30-е годы XX века войска будущего ДВО входили в состав 5-й Краснознаменной армии, Сибирского военного округа, Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). 17 мая 1935 года на базе ОКДВА был создан Дальневосточный военный округ 1-го формирования. Но просуществовал

он менее месяца и уже 2 июня снова был преобразован в ОКДВА. В начале июля 1938 года в связи с усилившейся угрозой военного нападения Японии эта армия была преобразована в Дальневосточный фронт.

После событий у озера Хасан, в сентябре 1938 года управление Дальневосточного фронта было расформировано, а из его войск созданы непосредственно подчинённые Народному комиссариату обороны СССР 1-я Отдельная Краснознаменная армия со штабом в Уссурийске и 2-я Отдельная Краснознаменная армия со штабом в Хабаровске. В июне 1940 года в связи с осложнением обстановки на дальневосточной границе СССР и угрозой войны с Японией вновь был образован Краснознаменный Дальневосточный фронт.

В годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) из состава Дальневосточного фронта на самые опасные участки борьбы против вооруженных сил нацистской Германии были направлены 23 дивизии (16 стрелковых, 4 танковые, 2 кавалерийские), 19 бригад (13 артил-

лерийских, 3 стрелковые и 3 воздушно-десантные). Общая численность личного состава войск Дальневосточного фронта, отправленного на советско-германский фронт, составила более 400 тыс. человек. Дальневосточные соединения и части имели на вооружении свыше 5 тысяч орудий и минометов, более 3300 танков, большое количество другой боевой техники и вооружения.

В ходе подготовки к Маньчжурской стратегической наступательной операции против японской Квантунской армии, в апреле 1945 года из состава Дальневосточного фронта была выделена Приморская группа войск. Руководство Приморской группой возглавило бывшее управление Карельского фронта. В начале августа 1945 года Приморская группа и Дальневосточный фронт были преобразованы в 1-й и 2-й Дальневосточные фронты.

В период с 9 августа по 2 сентября 1-й и 2-й Дальневосточные фронты совместно с Забайкальским фронтом, Краснознаменной Амурской военной флотилией, Тихоокеанским флотом, пограничными войсками и войсками ПВО территории страны провели Маньчжурскую операцию, ходе которой была разгромлена японская Квантунская армия и освобождены Северо-Восточный Китай и Корея. Были также проведены Южно-Сахалинская наступательная и Курильская десантная операции, освобождены южная часть Сахалина, отторгнутая от России по итогам Русско-японской войны (1904—1905 гг.), и Курильские острова.

После окончания военных действий против Японии в сентябре — октябре 1945 года вместо фронтов на Дальнем Востоке были образованы три военных округа — Забайкальско-Амурский, Дальневосточный (2-го формирования) и Приморский. В мае 1947 года в Хабаровске на базе управления Забайкальско-Амурского военного округа сформировано Главное командование войск Дальнего Востока, на которое возложены функции по стратегическому руководству всеми находившимися здесь советскими войсками и силами. В апреле 1953 года в результате

объединения под единым командованием войск, дислоцированных в регионе, образовался Дальневосточный военный округ (3-го формирования), который существует и поныне.

В разные годы на Дальнем Востоке служили многие выдающиеся военачальники, вписавшие свои имена в летопись побед в Великой Отечественной войне. Среди них — Маршалы Советского Союза В.К. Блюхер, А.М. Василевский, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, К.К. Рокоссовский, генералы армии И.Р. Апанасенко, П.А. Курочкин, М.М. Попов, М.А. Пуркаев, И.И. Федюнинский и многие другие.

Обо всем этом, как и о сегодняшнем дне ДВО, которым ныне командует Герой России генерал-полковник Владимир Булгаков, рассказывается в книге «Краснознаменный Дальневосточный военный округ: 90 лет в боевом строю», вышедшей в свет к юбилею.

Издание это (фактически — фотоальбом, содержащий около 550 фотоиллюстраций) во многом уникальное, поскольку подготовлено к печати оно было не в каком-нибудь респектабельном столичном или региональном издательстве, имеющим для этого все необходимые финансовые и технические возможности, а было создано группой энтузиастов на обычной компьютерной технике и при мизерном материальном обеспечении издательского процесса.

Разумеется, если бы не щедрая финансовая помощь Национальной ассоциации объединений офицеров запаса ВС РФ («МЕГАПИР») на издание книги, не всемерное содействие сотрудников 2-й Московской городской типографии, в кратчайшие сроки запустивших ее в печать, то бумажный вариант «Краснознаменного Дальневосточного...» вряд ли бы появился на свет. По крайней мере, к 90-летию округа...

Но, повторюсь, вся допечатная творческая и техническая работа: по сбору информации, написанию и редактированию текста, созданию, подбору и компьютерной обработке огромного количества фотоматериалов, разработке оригинального дизайна обложки и каждой главы, компьютерной верстке, словом, по формированию полноценного электронного варианта книги — была выполнена авторским коллективом из Хабаровска. Его костяк составили военные журналисты, офицеры и гражданский персонал, редакции газеты ДВО «Суворовский натиск». Значительную помощь в создании книги, подборе иллюстративного и другого исторического материала оказали Дальневосточная государственная научная библиотека и Военно-исторический музей ДВО.

Работу по созданию книги авторский коллектив выполнил всего за шесть месяцев, к тому же начав ее, что называется, с чистого листа. Ведь им была разработана новая, оригинальная концепция издания, в корне отличающаяся от концепций четырех прежних юбилейных изданий, посвященных ДВО. Обилие ярких, информативных фотоиллюстраций, на которых отражена не только история, но, прежде всего, сегодняшняя жизнь округа — одно из основных достоинств издания. Именно это отметили ещё весной на презентации оригинал-макета книги в Хабаровске в Дальневосточной государственной научной библиотеке люди весьма далекие от военной службы.

Подготовив книгу к печати, авторский коллектив в инициативном порядке сразу же взялся за подготовку новой, более расширенной в сравнении с печатным вариантом электронной версии книги «Краснознаменный Дальневосточный военный округ: 90 лет в боевом строю». В ней будут отражены как события юбилейного, 2008 года, так и сами праздничные мероприятия.

Иванова Фаина Петровна,
доцент кафедры русского языка
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета
(г. Хабаровск), кандидат
филологических наук

Тысячелетиями накапливаются и живут в слове
несметные сокровища человеческой жизни и опыта.
М.А. Шолохов

Сокровищница народного слова Приамурья

Словарь русских говоров Приамурья. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск : БГПУ, 2007

Словарь русских говоров Приамурья — сокровищница народного слова, своеобразная энциклопедия жизни первых русских переселенцев, пришедших на берега Амура во второй половине девятнадцатого века. Это — забайкальские казаки, призванные охранять границу с Китаем. Словарь включает диалектную лексику и фразеологию говоров с северорусской основой, которые распространены на территории Амурской области, Хабаровского края и Еврейской автономной области (от с. Албазино до г. Хабаровска).

Прошло почти 25 лет со дня публикации первого издания Словаря русских говоров Приамурья (ответственный редактор — член-корреспондент АН СССР Ф.П. Филин. М., изд-во «Наука», 1983). Словарь подготовлен преподавателями Хабаровского и Благовещенского педагогических вузов Ф.П. Ивановой, Л.В. Кирпиковой, Л.Ф. Путятиной, Н.П. Шенкевец.

Сегодня авторский коллектив праз-

днует новую победу: в 2007 году, в Год русского языка и в преддверии 2008 года юбилейных дат, связанных с освоением русскими Приамурья, в Благовещенске, в издательстве БГПУ, вышло второе, исправленное и дополненное, издание Словаря.

Свои юбилеи отметили и отметят г. Хабаровск, Хабаровский край, Амурская область. 150-летие празднуют первые казачьи станицы на Амуре, в ЕАО: с. Ленинское (бывшая станица Михайло-Семеновская), Радде, Екатерино-Никольское, Пузино, Дежнево, Головино и др. Сторожилы этих сёл «заложили основу» Словаря русских говоров Приамурья, т.к. материалы словаря — это их воспоминания и рассказы в беседах с преподавателями и студентами, многие годы выезжающими в диалектологические экспедиции. Рассказы — о том, как «плыли на жерновах» по Амуру забайкальские казаки, как они обустроивались, жили, промышляли, служили, об их непростых судьбах в Приамурье.

Авторы-составители второго издания Словаря (на этом этапе к ним присоединилась О.Ю. Галуза) сохранили в целом теоретические установки первого издания. Изменения коснулись в основном вариантов слов, коннотативных (стилистических) и других помет (количество их увеличилось до 55). Значительно пополнился словник Словаря, расширился и углубился этнокультурный аспект в толковании лексем.

Трудно переоценить роль региональной лексикографии в реконструкции языковой картины мира. Во втором издании Словаря 11 тыс. словарных единиц, которые помогают воссоздать историю освоения русскими Приамурья, природный, растительный и животный мир региона. В центре всего — Человек («...сокровища человеческой жизни...»).

Народный язык отличается образностью, прозрачностью внутренней формы

слов, дробностью в обозначении понятий, вариативностью, богатой синонимией, фразеологией, экономией речевых средств.

В рамках данной публикации из Словаря можно привести лишь отдельные примеры, подтверждающие «особый статус», яркость и самобытность диалектного языка, его связь с историей и культурой народа: «жеребий — номер для переселения на Амур в Забайкальском казачьем войске (середина 19 века); плыть на жерновах — устар. Шутливое выражение о сплаве переселенцев из Забайкалья на Амур, т.к. переселялись со всем скарбом, домашними животными, разбирая дом, а затем соединя эти брёвна в плоты (жернова — домашняя ручная мельница Ф.И.); сливан (гуранский чай, забела) — крепкий чай, заправленный сливочным маслом, сырыми яйцами, сливками или молоком. Чай присаливается и обычно выдерживается в русской печи, перемешивается путём сливания ковшом. Любимый напиток забайкальских и амурских сторожилов».

Дождями и ветрами славится дальневосточный климат, экзотична дальневосточная природа: «мотросей» («мукосей»), «семянка», «ситник»), «сеногной» («сеногнойник») — дождь; «косохлёт» («подстёга»), «низовикм» («низовка», «низуха») — ветер; «востряк» («тычка»), «лысуха», «угор» — сопка, возвышенность; «горельник» («горник»), «кедряк», «порубь», «разнолесица» («разнолесье»), «тонкомер» — лес; «белоголовник» («белый шудовник»), «душничкам» («богородская трава»), «черноголовник» («кровохлёбка») — лекарственные растения.

О жизни казаков, их семей поведуют слова и словосочетания: «формить» — собирать казака на службу вместе с обмундированием и конём; «голодовать» («принять голодяшки») — испытывать голод; «таёжничать» — охотиться; «пантовать» — обрабатывать молодые

рога оленя — панты; «свадьбовать» — справлять свадьбу и многочисленные фразеологизмы обрядовой (свадебной) тематики: гулять свадьбу, свадьба льётся, бегловая свадьба, свадьба с честью, свадьбу укладывать и др.

Словарь русских говоров Приамурья свидетельствует о контактах русских с аборигенами Забайкалья и Дальнего Востока: «арамузы» — «брюки», «гольдячка» — «лодка», «гуран» — «самец косули», «доктоны» — «тёплые носки», «орогда» — «охотничий головной убор», «солонгой» — «хорек» и др.

Есть диалектные слова, восходящие к китайским корням. Китай — наше сопредельное государство: «гамза» («ганза») — трубка для курения опиума; «фанзёшка» («фанзушка») — избушка; «фанфуз» («фунфуз») — разбойник, «хана» («ханжина», «ханчина») — китайская неочищенная водка и др. И в то же время Словарь подтверждает вполне определённую исконность наших земель, расположенных на левобережье Верхнего и Среднего Амура. Народный язык наших краёв — исконный, славянский. Достаточно открыть Словарь, чтобы в этом убедиться.

Словарь русских говоров Приамурья уникален тем, что толкование отдельных слов, в основном этнографизмов и профессионализмов, сопровождается иллюстрациями. В рисунках (а их более ста) представлены некоторые виды одежды, головных уборов и рукавиц, рабочей обуви, а также старинная русская печь, хозяйственная утварь, берестяные изделия, плотницкие инструменты, рыболовные снасти, охотничьи ловушки.

В конце словарных статей приводятся справочные материалы со ссылкой на опубликованные в 2003 году в издательстве БГПУ рукописные материалы дальневосточного краеведа-любителя Г.С. Новикова-Даурского, собранные им в Забайкалье и на Дальнем Востоке с 1926 по 1934 гг.

Условные сокращения Нов.-Даур. свидетельствует о том, что данное слово (словосочетание) есть в картотеке Новикова-Даурского. Это помогает представить своеобразие русского слова на Амуре в начале двадцатого века и увидеть динамику языка.

То, что утрачено в литературном языке, нередко сохраняется в говорах. Так, ещё не забыто в диалекте приамурского казачества древнерусское слово «выть» — «аппетит», производные от него: «вытно», «вытний», словосочетание «перевести выть» — «перебить аппетит». Старожилы помнят и используют в речи слова: «лони» («лонись») — «в прошлом году», «позалони» — «в позапрошлом году», «лонишний» — «давний», «лончак» («лошак») — «животное на втором году» («чичас говорят по числам, а раньше: лони — прошлого году, позалони — за тем годом... Лони картошки много накопили, а ноне поменьше будет... Красивый был лошак, как пустился вскачь, насили поймали...»).

Приамурский казачий диалект под естественным влиянием экстрафакторов утрачивает многие яркие черты. Словарь же выполняет функцию хранилища языкового богатства амурских первопроходцев.

Такова общая характеристика Словаря русских говоров Приамурья, получившего высокую оценку специалистов. Как пишет в своем отзыве главный научный сотрудник Института филологии СО РАН,

доктор филологических наук, профессор А.И. Федоров: «Рецензируемое второе издание Словаря русских говоров Приамурья, составленный небольшой группой лингвистических кафедр Благовещенского государственного педагогического университета и Дальневосточного государственного гуманитарного университета, с полной уверенностью можно характеризовать как оригинальный лексикографический труд, существенно отличающийся (по словнику и, главное, по семантической и коннотативной характеристике помещённых в нём словарных и фразеологических единиц) от опубликованных диалектных словарей русских говоров Сибири и даже от Словаря русских народных говоров, который продолжают составлять петербургские лингвисты Института лингвистических исследований...»

На диалектном материале русских говоров Приамурья написана монография, пишутся диссертации, научные статьи, курсовые и дипломные исследования, продолжается лексикографическая работа. Так, готовится Словарь фразеологизмов русских говоров Приамурья (А.С. Скоринова), в перспективе намечен этимологический справочник слов из языка аборигенов, представленных в Словаре русских говоров Приамурья (Д.М. Берелтуева). Активно работают в лексикографическом направлении и наши благовещенские коллеги.

Список использованной литературы

1. Галуза, О. Ю. Формальные варианты и их описание в диалектном словаре / О. Ю. Галуза // Памяти В. И. Даля : материалы междунар. науч. конф. — Хабаровск, 2002. — С. 30-34.
2. Иванова, Ф. П. К вопросу о коннотативной характеристике слова в региональных словарях (в связи с подготовкой к переизданию словаря русских говоров Приамурья) / Ф. П. Иванова // Народное слово Приамурья. — Благовещенск, 2004. — С. 19-26.
3. Кирпикова, Л. В. К истории формирования русских говоров Приамурья / Л. В. Кирпикова // Народное слово Приамурья. — Благовещенск, 2004. — С. 9-19.
4. Радченко, А. О. Диалектная картина мира как идеознтический феномен / А. О. Радченко, Н. А. Закутнкина // Вопр. языкознания. — 2004. — № 6. — С. 25-48.
5. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского. — Благовещенск, 2003. — С. 198.
6. Словарь русских говоров Приамурья / под ред. Ф. П. Филина. — М., 1983. — С. 348.
7. Словарь русских говоров Приамурья. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Благовещенск, 2007. — С. 540.
8. Шенковец, Н. П. Наблюдение над диалектными фразеологизмами глагольного типа говоров Приамурья / Н. П. Шенковец // Ученые зап. БГПУ. — Благовещенск, 1999. — Т. 18, вып. 2. — С. 176-185.

Требования

к оформлению материалов, поступающих в редакцию

Общие требования к авторским материалам

Предоставляемые материалы должны быть оригинальными, т. е. не публиковавшимися ранее, на русском языке в виде статей, сообщений, рецензий, информационных и других материалов. Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты — выверены. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

Статьи отбираются для публикации с учётом их актуальности, научно-практической значимости, чёткости, логичности изложения, в соответствии с профилем журнала и его стилем. Срок рассмотрения присланных статей — один месяц.

Требования к содержанию и объёму

В оригинальных авторских текстах должна быть обоснована актуальность темы, чётко определены цель и задачи исследования. Статьи и другие материалы должны быть научно аргументированы, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью. Максимальный объем:

- ключевой статьи, аналитического материала, эссе не должен превышать 40 000 знаков;
- учебные и методические материалы, обзоры литературы — 20 000 знаков;
- рецензии — 8 000 знаков.

Статьи большего объёма могут разбиваться на части для публикации в двух или более номерах журнала. Готовая статья должна иметь название, быть чётко структурированной и содержать подзаголовки. Статья должна снабжаться аннотациями, раскрывающими её содержание (одна — краткая, для «Содержания», вторая — более развернутая, помещается перед статьёй).

К статье должен прилагаться перечень ключевых слов, т. е. основных понятий, используемых в статье.

Обязательно наличие фото в цифровом виде (требования к фотографии: портретное фото в формате TIFF или PSD с разрешением не менее 300 pixels)

и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

- фамилия, имя, отчество
- занимаемая в настоящее время должность и место работы;
- учёная степень;
- учёное звание;
- сфера профессиональных интересов (не обязательно);
- контактный телефон;
- e-mail.

Технические требования

Текст статьи должен быть набран в соответствии с правилами компьютерного набора с одной стороны белого

листа бумаги стандартного формата (A4). На странице рукописи должно быть не более 28 строк, 60 знаков в каждой строке, отпечатанных через 1,5 интервала (это относится к таблицам и примечаниям). Авторы представляют в редакцию 1 экз. статьи и идентичный вариант на электронном носителе. Текст должен быть набран в редакторе Word for Windows, шрифт Times NR, размер 14. Желательно не использовать колонтитулы, встроенные номера страниц, даты, шаблоны.

Заглавие статьи печатается строчными буквами. Фамилия, имя, отчество автора(ов), должность, учёная степень и учёное звание пишутся над заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов — в конце статьи).

В тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок дается ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Цитаты тщательно сверяются с первоисточником и визируются автором статьи на оборотной стороне последней страницы: «Цитаты и фактический материал сверены». Подпись, дата.

Рукопись должна быть тщательно вычитана. Обращаем Ваше внимание на необходимость использования буквы «ё»; правильное использование тире (—), дефиса (-).

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку.

Рукопись в конце обязательно подписывается автором. Проставляется дата.

Оформление списка литературы

Все публикации, которые цитируются или упоминаются в тексте, должны быть представлены в списке использованной литературы в конце статьи. В тексте ссылка на источник дается с помощью цифры в квадратных скобках «[1]», соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы.

Список литературы составляется по алфавиту и оформляется согласно ГОСТ 7.1.—2003. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. Обязательно должны быть указаны: фамилия и инициалы авторов, полное название книги (сборника), город, издательство, год издания. Желательно также указывать номера цитируемых страниц и общее количество страниц в издании. При оформлении библиографических данных журнальных статей должны быть указаны: фамилия и инициалы автора, полное название статьи, название журнала, год издания, номер журнала, номера страниц. Ссылки на иностранную литературу следует давать на языке оригинала без сокращений.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

© Дальневосточная государственная научная библиотека

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «История и культура Приамурья» обязательна.

Отпечатано: издательский центр ИП Кузнецов Д.Г.,
г. Хабаровск, пр. 60 лет Октября, 164.
Формат 60х90/8. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25
Заказ № 55. Тираж: 1000 экз.

Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.